

НОВОЕ ВРЕМЯ

июнь 1992

Войцех
Ярузельский:

Мне чужда
храбрость петуха,
который наутро
отправится под нож

25

Индекс 70621

РЭЖЕТ:
по-американски,
по-японски
и по-русски

ISSN 0137 - 0723

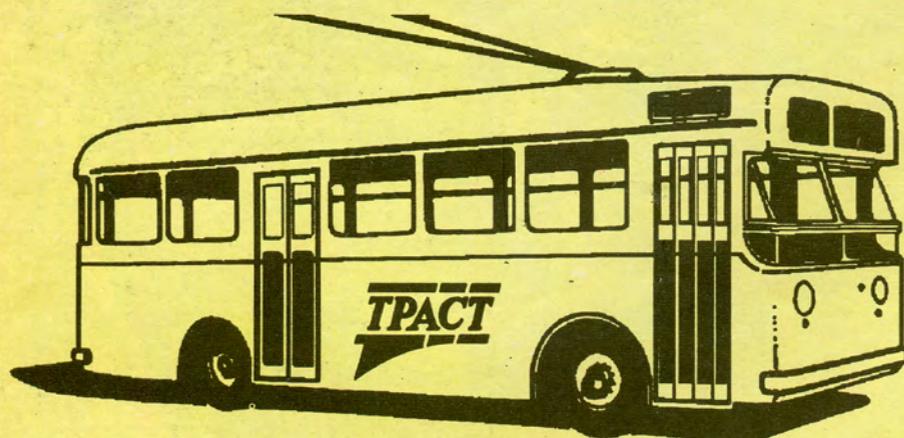
*ДОВЕРЬТЕ НАМ СБЫТ,
А САМИ СЧИТАЙТЕ ПРИБЫЛЬ*

РЕКЛАМНЫЕ УСЛУГИ И ДИЗАЙН

ТРАСТ

- ✦ РЕКЛАМА НА ТРОЛЛЕЙБУСАХ
- ✦ РЕКЛАМА НА ПАРОХОДАХ "МОСКВА"
- ✦ ПРИГЛАШАЕМ РЕКЛАМНЫХ АГЕНТОВ

Тел. (095) 310-24-60

Читайте в этом номере:

В РОССИИ И РЯДОМ

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЖИЗНЬ СОБОРНость, ДЕРЖАВНОСТЬ, ТЕЛЕВИЗИОННОСТЬ	4
У.Лакер ФАШИЗМ В РОССИИ, ВОЗМОЖНО, НЕ ПРОЙДЕТ	5
ВЗГЛЯД ОБОЗРЕВАТЕЛЯ М.Шакина И НА «НЕТ» ЕСТЬ СУД	17
ПРОГНОЗ И.Бунин, М.Урнов ПОСЛЕ «МИНИ-ТЕРМИДОРА»	18
ЖЕНСКАЯ ЛОГИКА Т.Иванова ВЕРБЛЮД НЮХАЕТ РЕЛЬС	21
ЭКОНОМИКА Н.Плекина НЕ ОЧЕНЬ ТВЕРДЫЙ. НЕ ОЧЕНЬ ОБРАТИМЫЙ	22
МИГРАЦИЯ А.Устинов ЧЕРТОВСКИ ХОЧЕТСЯ РАБОТАТЬ... ЗА ДОЛЛАРЫ	25

МИР

РОССИЯ - США Е.Русаков ТЯЖЕЛА ТЫ, ШАПКА ДИПЛОМАТА...	26
ЕВРОПА А.Полюхов НЕВЫПОЛНЕННОЕ ПОРУЧЕНИЕ ПРЕЗИДЕНТА	29
Д.Погоржельский БЕГСТВО ДАТСКОГО ТЕЛЕНКА	30
ДИПЛОМАТИЯ П.Кандель ЧТО НАМ БАЛКАНЫ?	32
ЧЕХО-СЛОВАКИЯ И.Руденко БАРХАТНЫЙ РАЗВОД	34
ПОЛЬША Р.Борецкий ДРАМА В ЧЕТЫРЕХ АКТАХ	35
ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ ВОЙЦЕХ ЯРУЗЕЛЬСКИЙ: МНЕ ЧУЖДА ХРАБРОСТЬ ПЕТУХА	36

ТРЕТЬЯ КОРЗИНА

ПРЕСТУПНОСТЬ О.Иванов, Е.Русаков, И.Разумовский РЭКЕТ	40
ИСКУССТВО И ПОЛИТИКА С.Торопцев ЗАПОВЕДИ ЯНЬАНЬСКИХ ПЕЩЕР	46
РУКОПИСИ НЕ ГОРЯТ Д.Конрад БОЛЬШЕ ЧЕМ НИЧЕГО	57
СПОРТ Н.Быканова ЗРИТЕЛИ НЕ ЛЮБЯТ РОБОТОВ НА КОРТЕ	62
СМЕХ СКВОЗЬ СЛЕЗЫ Ю.Соколов ЛИЦЕНЗИЯ НА ОТСТРЕЛ НА БОЛЬШОЙ ДОРОГЕ	64
ПОЧТА (2), ЛИЦА (60)	

Российские «патриоты» в Останкино и Колонном зале Дома союзов заявляют: «Есть такая партия!»

Стр.4

Ссора с Европой из-за Югославии нужна только тем, кто хочет свалить правительство России

Стр.32

Мао жил и, похоже, жив. От «железной руки», направлявшей и водителя грузовика, и художника, отказать сложно. И не все хотят...

Стр.46

Главный редактор

Александр
ПУМПЯНСКИЙ

Редколлегия:

Виталий ГАНЮШКИН,
первый заместитель
главного редактора,

Сергей ГОЛЯКОВ,

Лев ЕЛИН,

Виталий ИГНАТЕНКО,

Леонид МЛЕЧИН,
заместитель главного
редактора,

Павел САМАРЧЯН,
ответственный секретарь,

Галина СИДОРОВА,

Марина ШАКИНА

Сергей ДУБОВ,
президент а/о «Издательский дом
«Новое время»

**Собственные
корреспонденты
журнала работают:**

в Белграде, Берлине, Бонне,
Бухаресте, Варшаве, Вене, Дели,
Лондоне, Мадриде, Мехико,
Праге, Претории, Нью-Йорке,
Риме, Сеуле, Стокгольме, Токио

**Учредитель —
журналистский коллектив
«Нового времени»**

Выходит на русском и
английском языках

**Наш адрес: 103782, ГСП,
Москва, К-6, Пушкинская пл.
Тел. 229-88-72, 209-07-67
Телексы: 411164a newt SU,
411164b newt SU
Телефаксы: 200-42-23;
200-41-92**

Отпечатано в ИПК
«Московская правда».
Москва, ул. 1905 года, д.7.

**Регистрационное
свидетельство №970.**

Тираж 105000.
Заказ №2254.

Цена по подписке — 59 коп.,
в розницу — 2 руб.

© «Новое время»

ПОЧТА

■ Иногда приметой времени становится... речевая ошибка. И гуляет она по всем периодическим изданиям: от провинциальной газеты до серьезного журнала. А так просто избежать подобного конфуза. Достаточно лишь взять в руки словарь. Конечно, не всегда можно обойтись орфографическим. Поэтому предлагаю вашему журналу обзавестись «Крылатыми словами». Тогда, прежде чем публиковать в очередной раз ставшее модным выражение «власть держащие» (№8/92), вы взглянете в словарь и прочтете «Власти держащие». Вот цитата из текста послания апостола Павла римлянам: «Всяка душа властям держащим да повинуется...»

Не сочтите мое замечание языковой придиркой: за неточностью слова скрывается неточность мысли, за приблизительной цитатой — приблизительный уровень образования. Ваш журнал всегда отвечал самым разнообразным вкусам. Долгое время я ценила его за рубрику «Младший мир». Сейчас с удовольствием читаю

«Женскую логику». То, что Т.Иванова горячо откликается и на речевые факторы, очень показательно.

Алевтина Сперанская,
ваша давняя читательница
Красноярск

■ Прочитала в разделе «Лица» заметку о кольце против храпа — шведском изобретении. Отец нашего семейства страшно храпит во сне. Страдают все — нет никаких условий, чтобы выделить ему отдельную спальню, пусть бы там храпел! Но увы! В России нет никаких средств против храпа, сколько уж он обращался к врачам — разводят руками. Что делать? Просто хоть разводись. Как же получить это кольцо из Швеции? Может быть, помогут жители этой страны?

От редакции: фамилию
мы по понятным причинам
не сообщаем

■ Внимательно слежу за рубрикой «Рукописи не горят», аккуратно собираю все материалы. Поражаюсь, насколько они злободневны и сегодня, спустя десятки лет после написания. Особенно привлекают внимание те, ко-

торые посвящены вопросам конституционного строя, парламентаризма, разделения властей. Осмелюсь высказать пожелание о публикации материалов, связанных с законотворчеством в Государственной думе, об Учредительном собрании, выборах, представительстве. О том, как все начиналось и как беславно и скоротечно ушло. Надо думать, виноваты в этом не только большевики, но и сами депутаты Учредительного собрания, не сумевшие подготовиться к защите конституционности, так и не воцарившейся в стране.

И сейчас мы живем без конституции. И сейчас необходимо Учредительное собрание. Ведь весь корпус представительной власти избран еще до провозглашения российской суверенности, до разгрома путча. А Съезд народных депутатов — это такой довесок к нормальной системе разделения властей, который перевешивает ее всю, парализуя работу и правительства, и президента, да и нейтрализуя деятельность Конституцион-

Между зверем и человеком

■ 1 февраля 1938 года лейтенант госбезопасности Шитиков направил заместителю наркома внутренних дел СССР Заковскому секретное донесение, в котором жаловался на то, что в тюрьмах Москвы и Московской области скопилось 824 заключенных-инвалидов (слепых, безногих, страдающих тяжелыми формами туберкулеза, пороками сердца...). «Несмотря на мои неоднократные ходатайства перед ГУЛАГ НКВД о выводе в лагеря указанной категории з/к, до сих пор они содержатся в тюрьмах, создавая крайне неблагоприятные условия для размещения вновь прибывших з/к», — жаловался Шитиков.

Все, о ком он доносил начальству, уже были осуждены на разные сроки. В основном это были нищие, попрошайки и случайно попавшие в сети НКВД бедолаги.

Как же отреагировало руководство НКВД на просьбу Шитикова? Просто и быстро — было решено расстрелять несчастных, дабы место зря не занимали. В частности, в середине февраля пересмотрели дела 173 человек и 170 из них расстреляли. Так очищали столицу от инвалидов.

Обо всем этом я вспомнил, когда увидел у входа в метро еще не старого безногого человека с портретом Сталина и плакатом «Слава большевикам». Попался бы он в 1938 году Ши-

тикову, не сносил бы головы и уж тем более не стал бы прославлять банду палачей, убивавших немощных, чтобы не портили вид столицы большевистской империи.

Увидел я этого безногого человека, возвращаясь с конференции «Сопrotивление в ГУЛАГе», которую организовало Московское историко-литературное общество «Возвращение» (председатель Семен Виленский). В конференции участвовали более 200 представителей стран СНГ и более 50 иностранцев: французов, немцев, поляков, голландцев... Часть из них отсидели в гитлеровских концлагерях, а потом в советских. Одна из участниц конференции — Евгения Дмитриевна Врублевская-Егорова — рассказала мне, как дочкой ее вывезли на работу в Германию, как она стала связанной антифашистской группы Шульце-Бойзена, входившей в знаменитую «Красную капеллу». Нацисты арестовали ее, посадили в Равенсбрюкский концлагерь.

Через 24 часа после освобождения Евгению Дмитриевну арестовали советские власти, обвинив в том, что она агент гестапо и специально заброшена в расположение частей Красной Армии.

Как ни тяжела была доля узников сталинских и гитлеровских лагерей, они сопротивлялись, поднимали восстания, совершали побеги. Жертв несправедливости всегда жаль, но

**Пользуйтесь
словарем,
господа!**

**Россия —
не Швеция,
от храпа
не лечат**

История одного концлагеря

ного суда — куда тому деваться от любительского законотворчества депутатов — делегатов съезда? Последний только дискредитирует парламентскую деятельность, опутывает руки исполнительной власти. Да и вообще деформирует нормальный демократический механизм принятия законов и их реализации.

Как бы не произошло с исполнительной властью то же, что с Учредительным собранием. Надо созвать новое. И без всякого «караула», который вдруг «устанет».

Алексей Злобин,
экономист
Саратов

■ Во время войны на Украине, в Доманевке, был расположен концлагерь,

Я ТАК ВИЖУ

Рисунок Марата Таурова

куда свозили евреев. Потом их расстреливали над глубокими рвами в соседней деревне Богдановке.

В Одессе была создана подпольная группа во главе с доцентом Константином Гродским, которая помогла заключенным евреям. Участники группы собирали вещи, деньги, передавали их в концлагерь. Наказание за это могло быть одно — расстрел. Были в группе Грод-

ского и две самоотверженные женщины — Александра Николаевна Подлегаева и Анастасия Федоровна Теряева. Эти две женщины и были теми русскими патриотами, которые, как и многие другие герои, спасали ни в чем не повинных жертв фашизма — евреев. Их никогда не забудут те, кто только благодаря им и выжил.

Анастасии Федоровны

уже нет в живых. Александра Николаевна живет сейчас в Одессе (ул. Гайдара, д.68, кв.21). Она перенесла три инфаркта — годы войны не прошли даром. Пенсия у нее небольшая, жить трудно. Может быть, найдутся люди, которые захотят помочь ей?

Евгения Хозе
Одесса

■ Обращаются к вам обездоленные люди, которые не имеют в бывшем Советском Союзе ни крыши над головой, ни кусочка земли. Обращаются ко всем жителям нашей планеты.

Помогите нам: у нас нет прописки, не можем найти работу, терпим дискриминацию от местных властей и не понимаем, чем все это объясняется. Мы неоднократно обращались к президенту бывшего СССР, но никакого ответа так и не получили.

Наши лидеры, курды, которым мы верили, нас обманули. Неизвестно, где они сейчас находятся и кому служат. Думаем, они удовлетворены своим положением и им нет дела до тех, кто ничего не имеет.

Сартиф Мурзаев и его семья
Краснодарский край,
Шербиновский район,
село Екатериновка,
ул. Некрасова, 5

перед несломленными, непокоренными хочется снять шляпу в знак восхищения.

К началу конференции вышла книга «Сопротивление в ГУЛАГе». Единственный ее недостаток — малый тираж: всего лишь 950 экземпляров. Персонажи этой книги — не просто узники большевистских темниц, а те, кто не подписал лживые «признания», кто до последнего дыхания сопротивлялся. Нет, не надо думать, что вся наша страна — это сборище стукачей, палачей и смиренных овечек.

Кощмар сталинской империи был столь очевиден, что не замечали его лишь люди с атрофированным нравственным чувством. Все всё знали, только трусили. А те, кто боролся, и стали персонажами книги.

Вся конференция — это апофеоз солидарности, братства, взаимопомощи. Организована она была на средства самих участников — впрочем, какие у них средства! Ни у одного нет автомобиля... Жертвовали на проведение конференции деньги, оставленные на собственные похороны...

Среди участников конференции были несколько человек, которые по 15–20 лет находились в психиатрических лечебницах. Мне, психиатру, было стыдно перед ними. Арестовывали этих людей по сугубо политическим мотивам: местные чекисты, уже выполнив план по числу посаженных в тюрьмы, направляли несчастных к местным психиатрам, дабы

те приклеили какой-нибудь психиатрический ярлык. Почти все местные психиатры отказывались это делать. Тогда разгневанное начальство направляло заключенных в Москву, в знаменитый на весь мир Институт судебной психиатрии имени Сербского, а там рады стараться: и вялотекущую шизофрению, и другие диагнозы мгновенно ставили. Однако и по сей день ни один из сотрудников НИИ имени Сербского не признал свою вину. Все на месте, прикажут — вновь половине страны поставят вялотекущую...

Сейчас благодаря тонюсенькому слою порядочных и честных людей в России совершилась демократическая революция. Однако наверх полезли нагльцы и хамы, а зачастую и преступники.

Но меня страшат не только бюрократы или национал-параноики, суть которых видна каждому, кто имеет хотя бы полторы извилины. Страшнее миллионы людей, формально не замешанные в преступлениях большевизма, но которые почему-то защищают КПСС. И сколько бы ни приводили им примеры злобы и воровства недавних властей, такие люди стоят на своем: при Сталине и Брежнев было лучше.

Не было бы нашей нынешней демократии, помалкивали бы они в тряпочку, иначе расправились бы с ними, как в 1938 году с московскими инвалидами.

Михаил Буянов,
кандидат медицинских наук
Москва

Подборку подготовила
Т.Чернова

Коммунисты в октябре 17-го начинали с взятия почты и телеграфа. Русские шовинисты в июне 92-го хотят захватить телевидение

Соборность, Державность, Телевизионность

Русские националисты готовятся прийти к власти. Во всяком случае им этого очень хочется. В России снова появилась партия, которая не остановится ни перед чем. Она объединила членов ЦК предыдущей партии, писателей, которые, выполняя свой гражданский долг, бросили писать, отставных, но гиперактивных генералов армии и госбезопасности, впечатлительных демократов, разочаровавшихся в политике Ельцина, — с чернорубашечниками — борцами против жидо-масонского заговора. Новая партия заявила о себе агрессивными речами на съезде Русского Национального Собора в Москве и стоянием с мордобоем у Останкино. Демократы, насмешливо наблюдавшие за шоуменами из «Памяти» и раздачей мифических миллионов руководителем Русской партии, столкнутся теперь с хорошо организованным противником. Новая оппозиция не будет парламентской. Она

исходит из того, что Россия находится под властью «оккупационного режима Ельцина», а в борьбе с оккупантами любые средства хороши. Митинг правых у Останкино, сопровождавшийся избиением милиционеров и штурмом здания телевидения, продемонстрировал новую тактику борьбы с демократией. Если избиратели по неразумности не проголосуют за оппозицию на выборах, ей «придется» взять власть революционным путем. Платформа оппозиции — русская национальная идея, как ее понимают крайне правые. Это воссоздание империи в границах Советского Союза, отказ от зла демократии и свободы печати, возвращение к госэкономике, очищение от инородцев и инакомыслящих, введение военно-полицейского режима под видом борьбы с преступностью. Коммунизм умер. Да здравствует национализм?

Фашизм в России, возможно, не пройдет

Страх перед заговорами и борьба с сатанинскими силами — характерные черты русского недофашизма

Уолтер Лакер

Девяносто лет прошло с тех пор, как в России появилось ультраправое движение, и за эти почти полвека оно мало изменилось. Движение не стало более умеренным, принимающим демократические нормы, но и не превратилось в настоящий фашизм.

Гитлер с черного входа

Разумеется, какие-то перемены произошли. Панславизм XIX века более не актуален, он уступил место русофильству, а некоторые московские интеллектуалы многое позаимствовали у французских «новых правых» с их постфашистской идеологией.

Пока коммунисты были у власти и существовал Советский Союз, русским националистам, ультраправым приходилось скрывать свои взгляды. Советские лидеры оберегали свой народ от информации о немецком и итальянском фашизме. Лишь несколько книг появилось на эту тему, и ни одна из них не была достаточно всеобъемлющей. О некоторых сторонах фашизма никто не осмеливался говорить.

Но даже и малоинформированные русские люди знали, что представлял собой Гитлер, знали, что нацисты считали русских (а не только коммунистов) недочеловеками. Память о миллионах погибших в войне и о гигантских разрушениях слишком свежа, чтобы было возможно реанимировать нацизм в России. Поэтому русские национал-социализм пытаются протащить через черный вход — без ссылки на его исторических отцов Муссолини и Гитлера.

Есть еще одна причина, меша-

Профессор Уолтер Лакер — директор Института современной истории в Лондоне, глава Совета международных исследований Центра стратегических и международных исследований в Вашингтоне. Он автор книг о терроризме, а также о современной истории Европы, в первую очередь Германии и России.

У профессора есть российские корни. Подпись одного из его предков — таганрогского доктора Бориса Лакера — стояла под медицинским заключением о смерти императора Александра Первого.

ющая проповедовать чистый фашизм в современной России, — это воспоминания о сталинизме.

Русские ультраправые требуют правительства твердой руки. Но культ диктатора, какими были Сталин и Гитлер, все-таки мало кого привлекает в современной России, кроме, пожалуй, самых отсталых слоев общества. Это же касается и роли государственной партии, без которой фашизм немислим. Как минимум на некоторое время русские получили иммунитет, спасающий от увлечения идеями «ведущей и направляющей силы общества».

Дофашистские политические группы в России, такие, как «черная сотня», были похожи на своих собратьев в других странах: та же ненависть к либерализму и капитализму, та же вера в военную силу как главный инструмент внутренней и внешней политики. Те же мифы — на-

циональное возрождение, органическое государство, особый путь...

Но что всегда выделяло русских ультраправых — это истерическая борьба с сатанизмом, жидо-масонским заговором и русофобией.

Мания преследования

Разумеется, все фашистские (и дофашистские) движения и группы верили в заговоры, не любили евреев и франкмасонов. Но ни в одной другой стране ультраправые не были до такой степени заигнотизированы борьбой с происками несуществующих врагов, как русские националисты.

Во Франции и Англии драматические события 1789–1793 годов подействовали на некоторых людей так, что они решили, будто причина всех политических потрясений — всемирный заговор философов, иллюминатов, франкмасонов, иезуитов и космополитов. В Германии тот же феномен проявился несколькими десятилетиями раньше и сыграл важную роль в формировании немецкого консерватизма.

Но уже к середине XIX века западный консерватизм изжил эти фантазии. Эти нелепые идеи возникли вновь и вновь, но всегда на короткое время и только на обочине политической жизни.

Лимонов как зеркало новой русской революции

В день, когда «патриоты», разделившись по силе легких и общественному статусу, штурмовали Останкино и выступали в Доме союзов, «Советская Россия» опубликовала — почти на полосу — «Манифест российского национализма» Эдуарда Лимонова. Несмотря на рубрику «Моя позиция», «манифест» смело можно считать программным заявлением образующейся у нас на глазах партии. Лимонов утверждает и призывает:

Российский национализм равно наследует Петру и Ленину;

Российский националист не признает антиконституционного уничтожения СССР;

Границы коммунистической эпохи должны быть немедленно пересмотрены;

Все, что хорошо для

моего государства, хорошо для меня. Все в государстве. Ничто, помимо государства;

Будущее России — в союзе с исламом. Запад доказал, что он враг. Он успешно атаковал Россию и побеждает самым современным оружием — «демократией» и «правами человека», и последствия примене-

ния этого оружия страшнее последствий ядерных ударов;

В России Ельцина не соблюдены все основные элементы подлинной демократии;

Детям и старикам немедленно отдать дачи Горбачевых и прочих Поповых;

Армия — первый признак цивилизованности нации;

Страну надо провести через период Экономической Диктатуры;

Полная свобода милиции в выборе способов борьбы с преступностью. Никаких выстрелов в воздух — сразу в цель;

Если режим откажется провести выборы или, проведя их, фальсифицирует или не признает результатов — совершить НАЦИОНАЛЬНУЮ РЕВОЛЮЦИЮ.

Фашизм испытал влияние различных мифов, но параноидальный страх перед заговорами никогда не был определяющим. Только в России он приобрел такое значение.

Охватившая русских ультра параноя таят в себе большую опасность. У них явная мания преследования, и они верят в таинственные заговоры. Они твердо уверены, что смерть российских властителей — от сына Ивана Грозного Дмитрия до Александра Первого и Сталина — была результатом заговора. То же относится и к смерти любого идола страны правых.

В других странах такие мифы обычно создаются авторами триллеров и режиссерами массового кинематографа. Немалая часть публики падка на истории, построенные на заговорах. В России склонность к таким мифам имеет долгую историю.

Сто лет назад Владимир Соловьев, выдающийся русский философ, описал этот психологический тип: человека нельзя назвать сумасшедшим, но он захвачен маниакальными идеями. Он видит повсюду одних врагов и сражается с ними.

Соловьев был уверен, что русский народ найдет в себе внутренние силы, чтобы излечить себя. Но он также понимал, что подобные галлюцинации могут привести к разрушению нации.

Это поразительно точное описание психологии русских правых было дано столетие назад, еще до появления современной психиатрии. Ситуация в России была стабильной, революция 1905 года еще не произошла, «черная сотня» еще не появилась, и концепция «русофобии» не изобретена. Но уже тогда среди крайне правых существовала твердая убежденность в том, что повсюду заговоры. Это стало неотъемлемой частью их менталитета.

Если находятся люди, которые в спокойные времена готовы разделить заведомо абсурдную идею, то какой же серьезной становится опасность массового помешательства в периоды действительных кризисов и несчастий...

В борьбе с сатанинскими силами

Ученые, изучавшие русский консерватизм, отмечали его утопический и метафизический характер. Пожалуй, нигде больше ультраправые не демонстрировали такое презрение к прагматизму и здравому смыслу.

Разумеется, вера в заговоры — не монополия русского общества. Ричард Хофстадтер в своем знаменитом эссе «Параноидальный стиль в американской политике» (1966 год) назвал теорию заговоров «старой модой». Мода на антимаасонство в 1820–1830 годах сменилась волной антикатолических настроений в

США. Вера в заговоры в какой-то степени существует и по сей день, последний тому пример — фантазии на тему убийства президента Кеннеди.

Параноидальный стиль характерен для арабской политики. Следы его можно найти как у правых, так и у левых политиков во Франции, Италии и Японии.

Можно нарисовать портрет человека, который действительно считает, что миром правят тайные силы.

Он верит во всемогущего врага, компромисс с которым невозможен. Враг должен быть уничтожен немедленно, потому что время уходит и приближается апокалипсис. Враг контролирует все на земле. Чтобы победить этого врага, нужно быть очень осторожным и никому не доверять.

Параноик приводит массу фактов в доказательство своей правоты, особенно по части жестокости и садизма незримого врага. Некоторые из этих фактов подлинные, но он связывает их таким образом, что способен доказать любую нелепость, все, что угодно.

Вот характерный пример. Человек, ненавидящий бывшего государственного секретаря США Генри Киссинджера, расскажет вам о юности Генри, прошедшей в Германии, затем об истории нацистской партии. Затем — тот самый прыжок. Раз Киссинджер родился и прожил шестнадцать лет в небольшом городке возле Нюрнберга, где нацисты устраивали свои съезды, значит, он и сам — нацистский лидер. Но Киссинджер — еврей, изумитесь вы. «Все видные нацисты были евреями», — последует ответ.

Надо, разумеется, отметить, что такие бредни имеют хождение среди небольших группок ультраправых или ультралевых радикалов. Основная масса людей вне зависимости от своих политических убеждений абсурдными идеями подобного рода никогда не увлекалась.

В России же значительная часть правых (а не только ультраправых, воинствующих радикалов) демонстрирует поразительное неприятие политических реальностей. Они полностью поглощены выявлением сатанинских сил.

Столкновение с реальной опасностью, как известно, по крайней мере помогает в какой-то степени избавиться от маний такого рода. Человек, который тонет, понимает, что ему, во всяком случае, не надо бояться льва, живущего в пустыне. Способна ли борьба за выживание, которую сегодня ведет Россия, приблизить ультраправых к реальности?

Страх перед «либералами-убийцами»

Российский опыт не располагает к оптимизму.

Это мы, Эдичка!

У парижанина Лимонова нет монополии на патриотизм. На роль духовных пастырей 150 миллионов претендуют разные люди

Лидер РКРП Виктор Анпилов: коммунизм — это и есть русская национальная идея

Губернатор Сахалина Валентин Федоров поднимает свои акции вице-председательством на Русском соборе

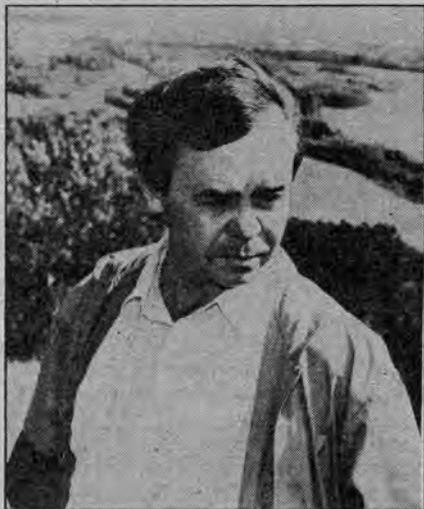
Нет никаких доказательств, например, того, что в 1936–1937 годах существовал «заговор маршалов» против Сталина, тем не менее вера в заговор сохраняется. Главный свидетель — немецкий историк Пауль Каррелл (Шмидт), автор нескольких популярных книг из истории второй мировой войны. Книжки Каррелла (Шмидта) появились тридцать лет назад, в них нет никаких серьезных доказательств заговора Тухачевского. Другой свидетель — историк Исаак Дойчер, который в своей биографии Сталина (1949 год) среди других страных и ошибочных идей высказывает мысль о том, что заговор мог иметь место. У него не было никаких доказательств, и в последующих изданиях книги он от этой идеи отказался. Точно так же русские правые и по сей день пребывают в уверенности, что в 1953 году существовал и «заговор врачей-евреев».

Другое частое проявление мании преследования — убежденность в том, что все умершие лидеры и идола ультраправых на самом деле были убиты «сатанинскими силами». Первыми в этом списке значатся Лермонтов и Есенин.

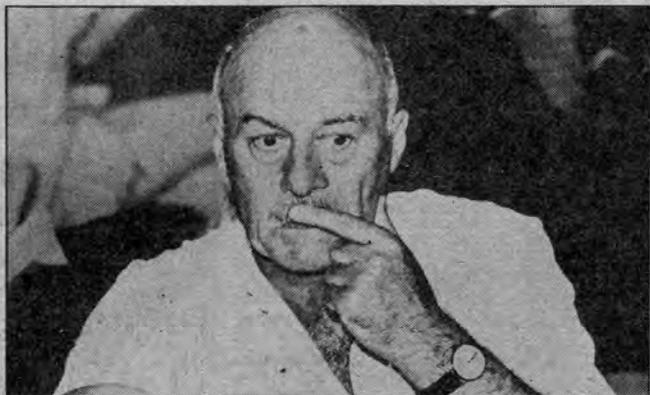
Когда два главных антисемита Бегун и Евсеев умерли в 1991 году, а третий — Смирнов-Осташвили —

Окопы Приднестровья для генерала Машова были только «пристрелкой», основные сражения в Москве

Валентин Распутин и Василий Белов: идеология подвела

Станислав Говорухин понял, что «так жить нельзя». Но там ли ищет он «Россию, которую мы потеряли»?

Тяжеловес Юрий Власов — открытие собора

повесился, ультраправые без колебаний заявили, что всех троих прикончили либералы. Они же, по убеждению правых, расправились с менее значительными фигурами («в медицинском заключении сказано, что они умерли от удара, или внутреннего кровоизлияния, или сердечной недостаточности, но мы-то понимаем, что это означает...»). И каждый раз звучат громкие призывы провести расследование и наказать настоящих убийц.

В последний день 1991 года ультраправый радикал Николай Кислов повесился в Санкт-Петербурге. Московская газета «Пульс Тушина» — один из органов современной «черной сотни» — немедленно написала, что Кислова убили, и потребовала расследования. Основания для подозрений в убийстве? На месте, где Кислов повесился, не оказалось его очков.

Горбачев как «агент мирового сионизма»

Генерал-майор Виктор Филатов и писатель Дмитрий Балашов хорошо известны в среде ультраправых. Филатов был главным редактором «Военно-исторического журнала» и опубликовал там (по его словам, с согласия маршала Язова и Генерального штаба) отрывки из «Майн кампф» Адольфа Гитлера. Публикация, как утверждал Филатов, преследовала чисто академические цели — предоставить российскому читателю возможность лучше понять современную историю.

Генерал Филатов заявил в газете «День», что конгресс США (!), выполняя указания сионистов, подобрал для Советского Союза таких лидеров, как Горбачев, Яковлев, Шеварднадзе, чтобы они по приказу конгресса уничтожили СССР.

Автор романов о русской старине Дмитрий Балашов сам говорит, что старая теория «жидо-масонского заговора» слишком примитивна для современного мира, а идея «господства над миром» отдает безумием. Но сделав эти разумные умозаключения, Балашов тут же возвращается в прежний мир заговоров, имея в виду убийство Столыпина, немецко-американо-еврейское золото, уплаченное Ленину, и «Протоколы сионских мудрецов».

Почитаемый в правых кругах критик Михаил Лобанов сравнивает заговор демократов с тысячеголовой гидрой, цель которой «подчинить нас всех сатанинскому, масонскому мировому правительству». Известная поэтесса Татьяна Глушкова пишет о «тщательно координи-

руемом антинародном заговоре».

В основе этих утверждений лежит убежденность в том, что настоящая правда о событиях в мире — это не то, о чем пишется в газетах, о чем говорят политики на Западе и Востоке, что изучают политологи и историки. Нет, настоящая правда скрыта, и понять ее могут избранные. Только они способны выявить силы, которые действительно определяют развитие событий в мире, понять реальные интересы и замыслы за ширмой придуманного мира, который большинство людей ошибочно принимает за мир настоящий.

Только простаки могут решить, что экономическое чудо в ФРГ было результатом «плана Маршалла», валютной реформы, правильного использования высококвалифицированной рабочей силы, инициативы, умелой линии в политике и бизнесе, сотрудничества между профсоюзами и работодателями... Прозорливых русских правых не обманешь: при Гитлере триллионы (!) долларов были тайно вывезены за границу, в основном в Латинскую Америку. Там они были вложены в наркобизнес, а доходы от продажи наркотиков пошли на финансирование западногерманского экономического чуда. Об этом в газете ленинградских коммунистов «Народ-

ная правда» рассказал Сергей Кургиян.

Охваченные идеей заговоров русские правые потеряли способность здраво судить о реальности. И не стоит ссылаться на духовную травму 1991 года — разрушение Советского Союза — в оправдание всех этих фантазий. Они существовали задолго до встречи в Беловежской Пуще.

Трудно не ощутить некую симпатию к русским патриотам, которые обнаружили себя в мире, где очень мало надежды. И вполне естественно задавать вопросом, почему русскому народу выпали такие жестокие испытания. Но удары судьбы не могут оправдать готовность разделить род сумасшествия, заключенного в идеологии крайне правых.

Теория заговоров — это опиум для ультраправых экстремистов (официальный национализм как наркотик — эта мысль возникает еще в дореволюционных работах Петра Струве, а до него у Соловьева). Если наступило привыкание к наркотику, избавиться от этой привычки будет трудно и болезненно.

Настанет время, и вождь появится?

Ученые второй половины двадцатого века пытаются установить причины, позволяющие фашистским движениям прийти к власти. Перечисления так называемых объективных предпосылок совершенно недостаточно.

Экономический кризис, крах или отсутствие демократических институтов — все это часто происходило в истории. Но только при наличии вождя, фюрера, дуче, которые вместе со своими сторонниками создавали динамичное массовое движение, объективные предпосылки действительно приводили к захвату власти фашистами.

Исторический опыт опровергает предположение о том, что если объективные условия созрели, то рано или поздно обязательно появится и вождь. На самом деле его появление — не закономерность, а историческая случайность, поэтому предсказывать приход фашистов к власти — дело довольно рискованное. И хотя исключать это в современной России невозможно, все же трудно предположить, что русские фашисты будут управлять этой страной, хотя бы потому, что ультраправое, националистическое движение расколото и раздроблено.

Нетрудно составить реестр обстоятельств, благоприятствующих росту национального экстремизма: чувство унижения из-за распада СССР, необходимость проводить осторожную политику в отношении бывших республик из-за того, что многие миллионы русских оказа-

лись за пределами России, плохая экономическая ситуация и непопулярные реформы, бессилие властей перед лицом грубого нарушения законов, отсутствие глубоких демократических традиций, традиционная психологическая тяга к сильной руке, старая веймарская дилемма: как проводить демократическую политику в отсутствие достаточного числа демократов, раскол в стане левых...

Некоторые специалисты даже считают, что у нацистов в 1932 году были худшие шансы обрести власть, чем ныне у русских фаши-

У Владимира Жириновского проблемы с местом среди «братьев по разуму»: в Русском собрании его посадили только на галерку, — папой «не вышел»

стов, хотя бы потому, что к моменту, когда в Германии разразился кризис, демократические силы были у власти уже более десяти лет. И в самом деле: разве посткоммунистическая Россия не совершает ошибку Веймарской республики, предоставляя полную свободу врагам демократии?

И все-таки я полагаю, что настоящий фашизм в России невозможен. Возможно другое — авторитарная система, основанная на националистическом популизме. Наметки такого национального социализма существуют — русская национальная идея (как она понимается крайне правыми), основанная на «союзе труда и капитала» и реализуемая широким политическим движением, а в его отсутствие — силами безопасности, которые установят контроль над обществом.

Тоталитарная революция провалилась, либеральные реформы не получаются. Ни мировой пролетариат, ни братья-славяне, ни соседи — народы бывших советских республик — не пожелали связать свою судьбу с русскими. Если возникает угроза самому существованию нации, ответ может быть один. Так часто было в истории. Лозунг «Наша» — это эквивалент названия ирландской националистической организации Шинн Фейн, что переводится как «мы сами».

Воспоминания о славных деяниях предков, о золотом веке, об утерянном рае, который нужно вернуть, — все это, разумеется, мифы чистойшей воды, потому что золотого века просто не было.

Но и из мифов можно извлечь какую-то пользу. Если все остальные кости переломаны, зачем отказываться от национальной идеи, если она способна мобилизовать нацию на гигантские усилия, которые необходимы для продолжения существования нации?

Искушение велико. Но сомнений, что таким образом можно достичь желаемой цели, еще больше. Ницше как-то заметил, что быть хорошим немцем — значит изживать в себе все немецкое. Эти слова можно сейчас отнести и к русским.

Что имел в виду Ницше? Разумеется, он не предлагал взять за образец все чужое и напрочь отказать от своих традиций только для того, чтобы решительно порвать с прошлым. В России со времен Петра Первого это пытались сделать не раз — и не слишком успешно.

Ницше писал, что, если нация растет и развивается, она должна взломать барьер, создаваемый национальным сознанием. То, в чем нуждается сейчас Россия — в нормальной экономике и гражданском обществе, — ей не найти в славном прошлом.

Национализм можно использовать для того, чтобы мобилизовать народ на борьбу с внешними врагами. Но сейчас угроза России исходит не из внешнего мира. Реконструкция страны национализм помочь ничем не может. Причем я имею в виду в данном случае умеренный национализм. Идеи же крайне правых не просто бредовые, но еще и дьявольские. Выдумывая несуществующих врагов, они отвлекают энергию нации от самой важной задачи — тяжелой работы по реконструкции страны.

Если их идеи найдут широкую поддержку, то ультра добьются того, что оказалось недостижимым ни для Гитлера, ни для Сталина и его наследников: они превратят страну в руины.

Впрочем, сегодня это малореальное предположение. Русские люди больше не бессловесные рабы.

Кроме того, Сталин и вся советская система создали определенный иммунитет против повторения некоторых форм массового безумия.

Что же поможет России в ее нынешнем состоянии? Ответ, странным образом, содержится в словах песни Эжена Потье, которая когда-то была гимном Советского Союза: спасения не даст ни бог, ни царь и ни герой. Русских спасут их собственный труд, здравый смысл и твердость духа.

И на «нет» есть суд

В перерыве между первым заседанием, посвященным указам Ельцина о запрете КПСС, и началом основного разбирательства, которое назначили на 7 июля и которого с нетерпением ждут коммунисты, демократы и журналисты, Конституционный суд работает не покладая рук. 9 июня было рассмотрено ходатайство ЦК независимого профсоюза железнодорожников и транспортных строителей о целевых вкладах на автомобили.

Речь идет о строителях БАМа, Западной Сибири, Якутии, полуострова Ямал, которые в свое время польстились на обещания Сбербанка и министерства торговли СССР и заключили с ними договор о перечислении ежемесячных фиксированных сумм на целевой вклад в Сбербанке. Через 2,5–3 года вкладчики имели право приобрести автомобиль без очереди. Такие же договоры — но в обмен на продовольственные поставки — Сбербанк и минторг заключили с тружениками сельского хозяйства в 1990 и 1991 годах.

Во второй половине прошлого года государство не смогло выполнить свои обязательства по отовариванию чеков и обещало выдать автомобили в следующем году. Надо ли пояснять, что цены на автомобили после первого января 1992 года повысились в сто раз. Правительство издало постановление за подписью Ельцина, согласно которому вклады были проиндексированы на сто процентов, то есть их сумма была увеличена в два раза, а налог был снижен до полупроцента — вот и все, что правительство сочло возможным предпринять.

Суды — вплоть до Верховного Суда — исковые заявления вкладчиков не принимали: милая характерная деталь. Владельцы чеков обратились в Конституционный суд. И Конституционный суд посчитал действия правительства неконституционными.

Это было второе из семи ходатайств, при рассмотрении которого Конституционный суд защитил непосредственно права граждан, то есть, если выражаться застойной «морзянкой», — «Конституционный суд — простым труженикам». Первый раз он это сделал, признав неконституционной практику отправления работников на пенсию по достижении пенсионного возраста, заявив, что она противоречит всем международным пактам о правах человека, согласно которым люди равны независимо от пола, расы, национальности, вероисповедания и других признаков.

Дело о целевых чеках, хотя и взволновало только самих держателей чеков и их профсоюз, еще своевременней и важнее, поскольку здесь оппонентом граждан было само государство, которое никогда и ни по какому случаю не привыкло у нас давать отчет о своих действиях (отчеты с трибун съездов — не в счет) и тем более отвечать в суде по имущественному иску. И день, когда Конституционный суд защитил права граждан в споре с государством, вполне достоин того, чтобы стать «красным днем» в календаре.

Почитание государства за семьдесят лет растворилось у советских людей в крови. «Интересы государства — превыше всего» — этот лозунг находил воплощение в мельчайших деталях жизни. Государство всегда право, что бы оно ни сделало: оно может конфисковать, пообещать и

не выполнить, отнять и не вернуть. Наши родители и дедушки с бабушками прекрасно помнят многочисленные государственные займы разных лет, пропагандистские кампании по их проведению — подписка на заем, причем на строго определенную сумму (один оклад, два оклада) была обязательной, то есть принудительной. Погашение займа могли перенести на любой срок, который очередное правительство под руководством очередного вождя могло счесть удобным.

Был еще один способ конфисковать доходы граждан — «по просьбе трудящихся», например, был снижен процент, начисляемый сберегательными кассами на трудовые сбережения. Методов у государства было много. Даже в уголовном законодательстве за хищения у граждан и у государства полагались разные наказания. За воровство собственности можно было получить «вышку», за грабеж квартиры отделаться несколькими годами «химии».

В положении незадачливых держателей чеков оказываются сегодня и счастливые обладатели выигрышных лотерейных билетов — им предлагается доплатить за фортуны всего-то тысяч 500–600 — и вы владелец новенькой «Волги», выигранной по лотерее! Сегодня, по свидетельству министерства финансов, правительство задолжало гражданам около 300 тысяч автомобилей, при том что на рынке сегодня всего 112 тысяч машин, а автомобильные заводы переживают катастрофический спад производства, некоторые на грани останова.

Удивительные у нас правительства — и Рыжкова, и Павлова, и Силаева и Гайдара, — заключают договоры с исполнением обязательств, отсроченными на два-три года, хотя вряд ли представляют, что произойдет с экономикой страны не то что через два, а через полгода. И вот очередное правительство, принявшее у должника эстафету, разводит руками — извините, ребята, нету!..

Но ни Рыжков, ни Павлов, ни Силаев к несчастью Гайдара, которому пока и придется расхлебывать кашу с чеками, не предусмотрели, что ко времени «расплаты» в России появится Конституционный суд. А он обязал суды принимать иски владельцев целевых чеков к правительству. Так что правительство стоит перед блестящей перспективой — ответить в народных судах по пятидесяти трем с половиной тысячам имущественных исков.

Скорее всего, правительство все-таки найдет способ выполнить свои обещания — либо доплатит владельцам чеков сумму, недостающую для того, чтобы приобрести машину по коммерческой цене в свободной рыночной продаже, либо «снимет» партию автомобилей с экспорта, либо предоставит налоговые льготы производителям вождеденных «жигулей», «москвичей» или «волг» и тем самым стимулирует их выпуск и «оплатит» снижение цены. Либо найдет другой выход — это уже проблемы государства.

Но машины — это полдела, у нас в стране есть люди, которые точно так же вносили деньги в Сбербанк на приобретение холодильника, телевизора и так далее... Тот день, когда первый держатель просроченного чека выиграет дело в народном суде либо как-то иначе заставит государство выполнить условия сделки, кто-то назовет кошмаром, а кто-то началом правового государства.

Марина Шакина

Что делать, если государство меняет условия сделки, которую заключило с гражданами?

После «мини-термидора»

Референдум о судьбе съезда: бояться или нет?

Игорь Бунин,
Марк Урнов

Морально победив на съезде, президент перешел к реализации комплекса экономических и политических мер, с помощью которых ему бы хотелось закрепить свой успех, усилить позиции.

В экономической области речь идет о переходе ко «второму этапу» реформы, то есть об отказе от идеи бороться с инфляцией «до последнего производителя», или, говоря языком политики, о попытке превратить чисто технократическое правительство в правительство, имеющее социальную опору среди определенной части руководителей государственных предприятий.

Для этого в рамках «второго этапа» провозглашается курс на снижение налогов и менее жесткую эмиссионную политику. Кроме того, по-видимому, специально для замирения с военно-промышленным и топливно-энергетическим комплексами в правительстве проводятся серьезные кад-

Два сценария развития событий

ровые изменения. Членами кабинета становятся люди, которых директорский корпус вполне может считать «социально близким» — Георгий Хижа, Владимир Шумейко, Виктор Черномырдин вместо Владимира Лопухина. Не исключено также, что в угоду директорскому корпусу президентом будет внесен ряд послаблений в правительственную программу приватизации.

Таким образом, экономическая политика президента и лицо его кабинета становятся более приспособленными к менталитету и духовным запросам руководителей государственной промышленности.

В роли центрального

Было бы пока что натяжкой утверждать, что Ельцин в своей экономической политике твердо решил ориентироваться на директорский корпус как таковой и повести реформу по «умеренному» пути. Он достаточно хорошо осознает, что вопрос о темпах реформы является, по сути дела, вопросом о власти: окажется ли она в руках новой или у традиционалистски ориентированной (и во многом традиционной по происхождению) элиты. Шаги Ельцина, по крайней мере до последнего времени, были

Хватит ли у президента кредита доверия, чтобы решиться на референдум?

Досрочные выборы могли бы, надеются многие, повысить эффективность депутатского корпуса

За проведение антиельцинского референдума уже собрано 25 процентов необходимых голосов

направлены, скорее, на то, чтобы привлечь на свою сторону наиболее «рыночно-конвертируемых» директоров, то есть найти опору среди той части хозяйственников, которая готова поддержать радикальную реформу при ее некоторой корректировке.

В отличие от радикально настроенных демократов, воюющих с номенклатурой в целом, Ельцин склонен дать возможность присоединиться к нему той части старой номенклатуры, которая способна это сделать. Такая позиция, открывающая возможность для создания более широкого политического блока, вполне вписывается в общую стратегию ельцинской политики. Одна из специфических ее черт состоит в стремлении поставить себя в положение арбитра не только между исполнительной и законодательной властями, но и между представителями различных направлений внутри своей собственной команды, которая осознанно формируется им на достаточно широкой основе. В этом отношении политическое поведение Ельцина во многом аналогично центристской тактике Горбачева, с той только разницей, что Ельцин берет на себя роль центрального, хотя и в многоцветной, но несравненно более политически однородной команде, и поэтому, возможно, имеет больше шансов реализовать на практике свой центризм.

Изменение стратегии реформы и

создание «коалиционного» интеллигентско-номенклатурного правительства помимо всего прочего является для Ельцина и способом укрепления тылов вдвигающейся схватке в чисто политической области. А здесь перед президентом стоят задачи отнюдь не менее сложные, чем в экономике. О своем намерении Ельцин заявил недвусмысленно — президентская форма правления.

Первым важнейшим шагом на этом пути мог бы стать для Ельцина референдум о частной собственности на землю, о праве президента назначать референдумы и о доверии Съезду народных депутатов.

Как решит президент

Нельзя, однако, сказать, что президент смотрит на перспективу референдума с легким сердцем, не мучаясь сомнениями. Ельцин и его люди, перестав бояться Съезда народных депутатов, еще не до конца избавились от страха перед «молчаливым большинством» населения, а точнее от страха перед возможным влиянием на это большинство различного рода оппозиционных президенту групп, совокупность которых на полуофициозном слэнге все чаще описывается термином «заговор номенклатуры».

Не исключено также, что по крайней мере у части президентской команды осторожность в отношении референдума питается пониманием всех тех реальных сложностей и проблем, с которыми и для власти, и для страны будут связаны подготовка и проведение референдума и о которых власть в последнее время интенсивно информируется представителями различного рода микро- и протопартий, не заинтересованных в ликвидации съезда. Речь, в частности, идет об очевидном усилении дестабилизации и без того неустойчивой политической ситуации; об активизации оппозиции реформам; об обострении национальных и геополитических проблем на окраинах и в национальных районах; о невольном де факто признании отпадения от России ряда территорий, которые откажутся проводить у себя референдум (а такие, безусловно, найдутся, причем, дело лишь Чечней не ограничится); о возможном новом импульсе для автономизации и выставлении требований ограничения власти центра, об очевидном параличе законодательной деятельности вплоть до досрочных выборов; наконец, о возможном провале референдума, в случае если на него придет меньше половины избирателей.

Однако в нынешней политической жизни страны действуют факторы, не только сдерживающие подготовку референдума, но и подталкивающие президента к его скоростному проведению. К таким факторам относится, в частности,

война между исполнительной и законодательной властью, возобновившаяся с беспрецедентной силой практически немедленно после заявления Ельцина о намерении провести референдум. Резкость оценок президентской инициативы со стороны Руслана Хасбулатова и его заместителей, их попытки договориться с Сергеем Бабуриным, а также интенсивное заваливание Верховным Советом правительственных законопроектов не оставляют сомнений в том, что для парламента и его лидеров нынешний бой против референдума представляется «последним и решительным». Что, впрочем, вполне соответствует действительности.

Еще одно обстоятельство, вынуждающее Ельцина форсировать референдум, — организация антиельцинскими силами своего собственного референдума о досрочном лишении президента чрезвычайных полномочий. К середине июня в поддержку этого референдума было собрано 250 тысяч подписей, или 25 процентов необходимого их числа. Совершенно очевидно, что в стране со 150-миллионным населением собрать недостающие 750 тысяч подписей будет несложно.

В зависимости от решения Ельцина — проводить или не проводить референдум — политические события в России будут развиваться по двум существенно различающимся друг от друга сценариям.

«Компромисс с парламентом»

Отказ от референдума и компромисс с Хасбулатовым неизбежно превратит нынешний, во многом тактический, «мини-термидор» в экономике в первый шаг к дерадикализации реформы. Дело в том, что отказ от референдума приведет к созданию мощного блока директоров в правительстве, в парламенте и за его пределами, стремящегося оттеснить от власти команду Гайдара (на которого с 15 июня возложены обязанности председателя правительства) и других влиятельных радикалов. Создание такого блока вызовет изменение баланса сил и идеологий в центрах принятия государственных решений, что, в свою очередь, сделает неизбежным замедление темпов реформы и даже изменение ее характера. В такой ситуации широкомасштабная финансовая помощь Запада вряд ли будет предоставлена; Россия может потерять и его политическую поддержку. В этой ситуации Ельцин из арбитра политических и социальных сил станет заложником государственного сектора в экономике, а также лично Вольского и Хасбулатова. Поскольку такой оборот событий, видимо не очень согласуется с представлениями Ельцина о сильной

президентской власти в России, а также не соответствует его политическому темпераменту, он откажется от проведения референдума лишь под очень интенсивным давлением.

«Ельцин или хаос»

В ходе подготовки референдума политическая обстановка в стране будет интенсивно нагнетаться средствами массовой информации, а сам референдум превратится в плебисцит по отношению к Ельцину. Это, естественно, вызовет рост политической общности и поляризует избирательный корпус: большинство — за президента, меньшинство — против, и неопределившееся меньшинство, редущее по мере приближения даты референдума и по мере укрепления в сознании населения формулы «Ельцин или хаос», которая со всей очевидностью будет педантироваться сторонниками Ельцина на телевидении, радио и в газетах. Многие лидеры нынешних центристских и «неприсоединившихся» протопартий вынуждены будут определяться перед лицом этой альтернативы. Иначе говоря, поведение неопределившейся части электората будет аналогично поведению неопределившейся части депутатского корпуса на съезде.

Вопрос о том, что принесет с собой неизбежные в случае референдума досрочные выборы в парламент, является, по-видимому, одним из самых важных вопросов для его инициаторов, оппонентов и страны в целом.

Некоторые представители политических партий, не заинтересованных в ликвидации съезда, утверждают, что выборы не смогут улучшить качественный состав депутатского корпуса, а потому по меньшей мере бесполезны. Это, однако, неверно. При всей сложности прогнозирования результатов выборов одно можно утверждать достаточно уверенно уже сейчас — если оценивать качество депутатского корпуса с точки зрения эффективности работы парламента на благо реформы, то оно в результате досрочных выборов явно улучшится. Здесь необходимо учесть характер влияния на выборы трех основных участвующих в них сил: избирателей; групп, обладающих материальными и организационными средствами для поддержки избирательной кампании выдвигаемых ими кандидатов; и, наконец, президента, раздающего свои благословения одним кандидатам и не дающего их другим.

Остановимся сначала на позиции избирателей. На выборах 1990 года наиболее популярными и поддерживаемыми избирателями фигурами были идеологически мыслящие кандидаты. У большинства из них не было за лозунгами и идеологичес-

кими формулами почти никаких конструктивных программ. И вовсе не только, да и не столько потому, что время таких программ тогда еще не пришло. Дело в том, что кандидаты-идеологи не имели ни склонности, ни навыка для осмысления ситуации в конструктивных и прагматических повятях. Для них, как и для электората 1990 года, было вполне достаточно жонглирования терминами «прогрессивно», «реакционно», «демократия», «партократия», «сталинизм», «ленинизм», «социализм», «капитализм», «свобода», «народ», «равенство» и прочее.

К настоящему моменту общественное мнение, судя по многим признакам, «объелось» не только лозунгами, но и самой стилистикой идеологических выступлений. Свидетельством тому может, например, служить крайняя непопулярность каких бы то ни было идеологических демонстраций и митингов даже в наиболее политизированных городах России. Забастовочное движение и массовые политические акции там, где они имеют место, носят все более конкретный характер. Такое изменение настроения избирателей означает, что в новом депутатском корпусе по сравнению с нынешним доля «идеологов» сократится, а удельный вес парламентариев, склонных к прагматическому мышлению, увеличится. Это уже само по себе хорошо.

Наряду с идеологами в новом парламенте явно уменьшится и еще одна группа — на сей раз социально-профессиональная. Речь идет о руководителях госпредприятий, совхозов, колхозов. На прошлых выборах эта группа пользовалась открытой организационной поддержкой партийного аппарата и, кроме того, находилась в ореоле причастности к власти, что, безусловно, принесло ей политические дивиденды. На новых выборах у «хозяйственного актива» подобных преимуществ уже не будет. Ореол успешности у большинства из них также не будет в связи с экономическим кризисом. Таким образом, сокращение их представительства в новом депутатском корпусе весьма и весьма вероятно.

На арене — предприниматели

Теперь о группах, финансирующих и поддерживающих избирательные кампании. На прошлых выборах, пожалуй, единственными серьезными силами, способными организовать и поддерживать избирательные кампании своих кандидатов, были компартия и стоящий к ней в оппозиции блок «Демократическая Россия». В настоящее время организационно-финансовый потенциал прокоммунистически ориентированных группировок заведомо намного меньше, чем он был у КПСС.

«Демократическая Россия» как единый блок перестала существовать. Вместе с тем на политическую арену выступила сила, не существовавшая в 1990 году как влиятельный политический фактор: частные предприниматели.

Эта сила не только стремится иметь в парламенте своих представителей, но и обладает финансовыми и организационными возможностями для активного участия в избирательной кампании. Естественно поэтому ожидать, что в депутатском корпусе заметно увеличится доля парламентариев, выражающих позиции нового предпринимательского класса, кровно заинтересованного в форсировании реформы и в искоренении произвола и коррупции в государственных органах.

Благотворный эффект окажет на парламент и ликвидация съезда, поскольку законодательный орган сделается более компактным и тем самым, во-первых, увеличит ответственность каждого отдельного депутата и, во-вторых, лишит депутатов, склонных к митинговости, надежд влиять на политические решения, используя эффект толпы в законотворчестве (как это до последнего времени происходило на съезде).

И наконец, фактор президента. Совершенно очевидно, что Ельцин ввяжется в избирательную кампанию путем «раздачи» (или «нераздачи») своей поддержки. Наивно было бы полагать, что президентское благословение будет служить стопроцентной гарантией успеха кандидата на выборах. Несомненно, однако, что моральная и организационная поддержка президента будет существенно влиять на поведение избирателей. Вряд ли это влияние окажется слабее, чем эффект от деятельности блока «Демократическая Россия» в 1990 году. В результате в парламент пройдет довольно большое число депутатов, не только близких по своим позициям к президентской программе, но и тесно связавшихся с президентской командой в период подготовки и проведения выборов. В любом случае таких депутатов будет больше, чем в нынешнем Верховном Совете. Таким образом, новые выборы создадут предпосылки для кристаллизации в парламенте «президентской фракции», опирающейся на местах на представителей президента и организационную сеть пропрезидентских движений, которые (сети) неизбежно сложатся в процессе подготовки к референдуму и выборам. При благоприятной ситуации это образование вполне может со временем развиться в президентскую партию.

Фото О. Иванова

Верблюд нюхает рельс

Татьяна
Иванова

**О, русские мечты
о порядке!
Несбыточные,
внеисторические,
внекорневые...**

Тяжелые челюсти. Мрачный, острый взгляд из-под сдвинутых бровей.

Желваки. Медвежатая походка. Отрывистая, командирская речь. «Как вы, бедные, с ним живете? — спрашивали нас коллеги из других изданий. — Это же страшный человек! Тиран! Диктатор!»

Да, таяко было. На первой же планерке он, не повышая голоса, scomандовал: «Планерку начинаем ровно в десять. Опоздавший на минуту входит в кабинет с заявлением об уходе». Все съезжались... «Секретариату, — командовал он, — к завтрашнему дню представить новую модель газеты. Разработать к четырнадцати часам завтрашнего дня сетевой график сдачи материалов корреспондентами, утвердить у меня и следить за неукоснительным исполнением. Корреспондент, не выполняющий норм отработки в течение месяца, увольняется. Заведующий отделом, не соблюдающий сетевой график, увольняется. Планерка закончена».

На следующий день, конечно, никто не опоздал и все графики, сетевые и несетевые, были готовы. Диктатор утвердил их, написав «к неукоснительному исполнению». И редакция еще дня три протрепетала. А на четвертый день сообразила, что главное — сдвинуть брови и отапортовать диктатору: «Да, Л.Н. Будет сделано, Л.Н. И — не беспокойтесь, Л.Н.» И — можно опаздывать, не сдавать материалы в срок, можно сколько хочешь пить кофеек, трепаться...

К тирану приходил член редколлегии и раскидывал перед ним на столе бумаги: план коренного переустройства редакционной жизни.

Из-за двойных дверей доносились, как тиран ходит по кабинету медвежатыми шагами из угла в угол, как рокошет убеждающая, внушающая речь члена редколлегии. Член покидал руководящий кабинет к ночи, истомленный собственным красноречием, убедивший, победивший, удовлетворенный. Секретарша размножала проект коренного переустройства редакции и вывешивала его на Доске приказов (фанера под

красным шелком, с одной стороны профиль Ленина, с другой — Маркса) с резолюцией Главного: «К неукоснительному исполнению». Редакция скисала: по Приказу половину надо уволить. Редакция напибалась. Редакция посылала на следующий день к Главному другого члена редколлегии — и опять слышались из-за двойных дверей медвежатые шаги и рокот членского красноречия. И глубоко под вечер член редколлегии выходил от тирана истомленный, убедивший, победивший. Редакция расслаблялась. Редакция напибалась. Никто никого не увольнял, никто не следил за сетевыми графиками и графиками сдачи гвоздевых материалов, никто не подсчитывал ничьи нормы отработки, никакого переустройства — о коренном уж нечего и говорить — на дух не происходило.

Только страшные приказы желтели на Доске приказов. Да играли желваки на щеках тирана. Да коллеги, случаем забредшие на наш этаж и столкнувшиеся в лифте или коридоре с нашим Главным, в ужасе расширяли глаза: как вы, бедные, с ним живете?

Громы и молнии! «Я никому не позволю!» «Никто не посмеет!» «Немедленно!» «Я не принимаю никаких объяснений!» «Новую модель газеты — к утру!» Сколько раз мы «всемирно обсуждали» и утверждали «к неукоснительному исполнению» новую модель газеты... А в результате — в понедельник волевой профиль передовика с «Серпа и молота», двумя руками держащегося за свой станок, украшает нашу первую страницу, во вторник — ударник с «Калибра» на том же месте вглядывается в свою сверхплановую продукцию, в среду — ткачиха с «Трехгорки», привстав на цыпочки, связывает узелком бесконечную нить, в четверг — победно-оптимистическим взглядом глядит с того же места шофер (победитель соцсоревнования, стекло кабины опущено, локоток свешивается), в пятницу — дородная учительница, окруженная девочками в бантиках и мальчиками в галстучках, в субботу... В субботу полет фантазии. В субботу на первой странице у нас могло

стоять и что-нибудь вольнодумное. фотографии называли субботную карточку «верблюд нюхает рельс». Все началось с фотографии, на которой, в точности по Ильфу и Петрову, верблюд нюхал рельс...

Успехи социализма были так впечатляющи, что железная дорога пришла в пустыню. Это не могло не потрясти верблюдов. Вот верблюд и нюхал. А циничные фотографии потом кричали друг другу: «субботу планирую, «верблюд нюхает рельс» сдавайте!» И им несли — на субботу — например, ученого с микроскопом, парикмахера с красавицей, повара со сковородкой...

Модели все прорабатывались, а каждую пятницу вся вторая страница была занята у нас отчетом о проведении в стране единого политдня (в четверг), отчет с пленума горкома сменялся отчетом с партконференции на ЗИЛе, а очерк о секретаре райкома — статьей о стиле работы бюро.

Наш диктатор и тиран, между прочим, был аскет. Он категорически запретил шефствующему над нами гастронному приезжать к нам в редакцию по пятницам и устраивать торговлю продуктами. Журналисты должны жить как все люди, говорил он. Стыдно, говорил он, создавать себе особые условия, пользуясь своим служебным положением. И по пятницам мы сами ходили в этот гастронм в стол заказов, где нам по списку выдавали набитые продуктами полиэтиленовые пакеты.

В последнее время я очень часто предаюсь воспоминаниям о нашем тиране и диктаторе. Кого-то он мне очень сильно напоминает — и чем дальше, тем, ей-богу, все сильнее...

И даже такие мне приходят в голову мысли: а не типичны ли все черты, замеченные мной у нашего редакционного диктатора, для русского диктаторства как такового? Не российского, подчеркиваю, Россия многонациональна, а именно русского.

О, русские мечты о порядке... Пожалуй, они несбыточные, внеисторические, внекорневые. Сдвигать брови — это да, это мы умеем. Но вообще русский диктатор говорит: «Немедленно сделай так, как я тебе приказываю! А не хошь, так как хошь...»

Не очень твердый. Не очень обратимый

Нина Плекина

На российском валютном рынке паника. Курс безличного доллара стремительно падает. За ним тянется курс наличных продаж. Владельцы небольших сумм валют стремятся скорее ее сбросить, крупные валютные магнаты выжидают. Резко, день ото дня меняется валютная эффективность внешнеторговых сделок коммерческих структур: то, что вчера казалось бесспорно выигранным, сегодня приводит к убыткам. Директора государственных предприятий не понимают, что им делать с имеющейся на их счетах валютой. То ли продавать на валютной бирже, чтобы платить зарплаты рабочим, не получающим ее в течение нескольких недель в связи с нехваткой наличности, то ли рассчитывать с государством по невыгодному для них завышенному коммерческому курсу рубля, то ли дожидаться прогнозируемого на середину лета отмены этого курса и введения единого курса рубля, что сделает их валютную выручку в рублевом выражении куда более привлекательной.

На всю эту неразбериху наслаиваются ожидания запрета использовать западную валюту для расчетов внутри страны и перехода то ли к твердому, то ли к обратимому, то ли к конвертируемому рублю, от которого, как обещает правительство, всем должно стать лучше, а валютным спекулянтам хуже.

Три ипостаси

На этом, пожалуй, понимание широкой публикой происходящего заканчивается. Причина — в изначальной терминологической путанице, которая, в свою очередь, является естественным следствием многолетней международной самоизоляции нашей экономики. Итак, за какой рубль мы боремся: твердый, обратимый или конвертируемый?

Твердость — это признак, характеризующий валюту со стороны ее курса по отношению к другим валютам и с точки зрения ее покупательной способности. Твердой обычно называют валюту, которая характеризуется стабильным курсом и высокой покупательной способностью на внутреннем и международном рынке. Например, всем бизнесменам на Западе хорошо известно, что на протяжении последних десятилетий 1 американский доллар можно продать за 1,6–1,7 немецких марки, 5,5–5,6 французских франка или 127–133 японские йены, а 1 фунт стерлингов

Вместо грез конвертируемости нужна черновая работа по стабилизации рубля

можно гарантированно купить за 1,7–1,8 доллара.

Твердость курса валюты является важнейшим гарантом для зарубежных инвесторов, которые могут наверняка просчитывать свои затраты и прибыли, независимо от того, в какой валюте они производились. Они знают, что должно произойти что-то совершенно из ряда вон выходящее (например, рухнуть МВФ или Европейская валютная система), чтобы твердые курсовые соотношения изменились. В то же время твердость валюты обеспечивает ее гарантированную покупательную способность: в странах с примерно одинаковым уровнем экономического развития цены на аналогичные товары очень близки, только выражены они в разных валютах.

Обратимость — это способность национальной валюты свободно обмениваться на другие валюты при осуществлении различных операций. В их числе выделяются текущие операции (расчеты при экспорте или импорте товаров и за предоставляемые или оказанные услуги) и операции, связанные с движением капитала (расчеты по иностранным инвестициям и внешней задолженности). Особняком стоят расчеты за покупку или продажу золота.

Обычно, однако, обратимость валюты трактуют значительно уже — как обратимость для резидентов, то есть, официально закрепленная возможность граждан и предприятий данной страны покупать и продавать иностранную валюту для осуществления каких-либо операций. Бывает также обратимость и для нерезидентов — право иностранных физических и юридических лиц владеть и использовать национальную валюту данной страны. Проще говоря, обратимость валюты — это техническая возможность поменять ее на другую валюту в обменном пункте.

Наконец, понятие конвертируемости относится к экономике определенного типа, характеризующейся наличием развитого товарного и финансового рынка внутри страны, проведением правительством рыночной экономической политики (регулирование с помощью бюджетных, налоговых, кредитных инструментов), высокой степенью внешнеэкономической открытости и интеграции страны в мировую экономику. Только при наличии этих условий национальная валюта может быть полностью конвертируемой. Иными словами, в условиях формирования ее курса на основе соотношения спроса и предложения использоваться без каких-либо

ограничений для любых видов операций как резидентами, так и нерезидентами: свободно, в любое время и в любых количествах обмениваться на другие валюты.

Как видно, твердая валюта далеко не всегда бывает конвертируемой (особенно когда ее официальный курс, как это было долгие годы с рублем, искусственно сдерживается директивными органами), тогда как любая конвертируемая валюта практически всегда является твердой. Неверно было бы и отождествлять обратимость с конвертируемостью, сводя последнюю к своему важнейшему, но чисто техническому признаку. В этом случае рубль мог бы называться конвертируемым еще в тоталитарные годы, когда валюта централизованно распределялась в государственном валютном резерве. Ведь тем самым рубли тоже обращались в доллары.

Единый курс?

Конвертируемость нельзя ввести декретом. Надо пройти непростой путь, сделав на первом этапе рубль твердым. В наших условиях под этим понимается устранение множественности валютных курсов (сейчас их по меньшей мере пять) и фиксация одного избранного валютного курса по отношению к какой-либо иностранной валюте или группе валют. Этот курс становится единым для всех видов операций, и государство обязуется поддерживать его стабильность.

Процесс фиксации курса хорошо известен: на первом этапе вводится единый плавающий курс, который колеблется в течение некоторого времени в зависимости от соотношения спроса и предложения на валюту. Когда амплитуда колебаний сокращается, вводится усредненный фиксированный курс, которому придается статус официального. Этот курс тоже колеблется, но только в определенных пределах, по достижении которых Центральным банком обязан осуществлять валютные интервенции и возвращать курс в заданные рамки. Судя по официальным заявлениям, примерно в таком направлении предполагает действовать российское правительство.

Другой вопрос, насколько эта схема реализуема в наших условиях. Возможность введения фиксированного курса зависит от нескольких обстоятельств. Во-первых, от стабильности покупательной способности рубля в сравнении с другими валютами. У нас покупательная способность рубля сильно варьируется в зависимости от того, о каком товаре идет речь. Она может составлять от нескольких сот рублей за доллар при покупке запчастей к импортной технике, ценных сырьевых добавок до 20 копеек за

доллар (по оценкам самих западных аудиторских фирм) при инвестициях в московскую недвижимость. По оценке экономиста Бориса Болотина, в среднем по экономике усредненная покупательная способность рубля по отношению к доллару в текущем году — 5,1 рубля. Очевидно, что это соотношение брать за основу фиксированного курса нельзя, ибо оно определяется прежде всего во внешней торговле, где рубль значительно дешевле.

Во-вторых, возможность фиксации курса зависит от темпа инфляции. Ведь валютный курс отражает соотношение между национальными и мировыми ценами, которое может быть разным, но обязательно должно быть стабильным. Если в среднем по миру темп инфляции составляет 3–5 процентов в год, то у нас этот лимит достигается за неделю, и перспективы радикального сокращения темпов инфляции отнюдь не радужные. Попытка зафиксировать курс в этих условиях приведет к тому, что либо потребуются многомиллионные валютные интервенции, либо его придется менять с частотой раз в месяц (но тогда это уже не фиксированный курс), либо немедленно параллельно разовьется черный рынок, где и будут совершаться все сделки, от которых государство даже налога не получит.

Наконец, в-третьих, возникает вопрос: если фиксированный курс будет установлен для всех видов операций, смогут ли все расчеты, связанные с валютой, осуществляться на его основе? Как быть, например, с импортерами лекарств, детского ассортимента и ширпотреба, сырья для производства продовольственных товаров, которые и сейчас с трудом покупают валюту у государства по курсу в 20 процентов от рыночного. Комитет цен при Минэкономике считает целесообразным сохранить этот порядок. Дотировать из бюджета? Но это сотни миллиардов рублей, которых там просто нет. Неужели государство сможет покупать у экспортеров половину их валютной выручки по новому фиксированному курсу, а не по 55 рублей за доллар, как сейчас? Сомнительно.

Наконец, в условиях, когда переинвентаризация промышленности еще не произошла и наша недвижимость в долларовых ценах смехотворно дешева, неужели будет разрешено иностранцам участвовать в нашей приватизации, используя фиксированный курс? Тогда уж лучше подарить им нашу собственность, все будет солиднее.

Ты — мне, я — тебе

Этот принцип любой торговой операции должен безусловно соблюдаться, даже если речь идет о таком

Рисунок из газеты «Палм-Бич пост» (США)

специфическом товаре, как деньги. Переход к обратимости валюты (полной или только внутренней) означает, что любой россиянин или любое российское предприятие в любой момент вечности должно иметь гарантированную государством возможность не только продать любое количество валюты, но и купить ее. Проще говоря, любой человек, имеющий большие рубли, смог бы сложить их в чемодан, принести в обменный пункт и получить там небольшую пачку долларов по заранее известному и фиксированному курсу. Назавтра, передумав, он должен иметь возможность взять пачку долларов и пустой чемодан, пойти в тот же или другой обменный пункт и поменять их назад на рубли, разумеется, потеряв определенный процент за услугу.

Для работы этой схемы, помимо технических (повсеместное развитие обменных пунктов, соответствующих механизмов инкассации, хранения, транспортировки и так далее) необходимы два экономических условия: наличие у государства достаточного количества рублей и западной обратимой валюты. Первый же сбой (человек приходит в обменный пункт, а там надпись «Денег нет») будет означать, что рубль как был, так и остался необратимой валютой.

Есть ли у нас такие условия? Очевидно, что нет. И дело даже не столько в нехватке рублей, которые никак не могут напечатать. Это проблема техническая. У тех, кто серьезно занимается валютой, рублей всегда достаточно. Коммерческие организации не сдают выручку в банки, предпочитая рассчитываться друг с другом мешками денег, заодно укрывая их от налогов. По всей стране ездят посыльные с такими же мешками, ускоряя тем самым расчеты между предприятиями. Наконец, недавно мелькнуло сообщение, что московское ГУВД арестовало более 25 человек по обвинению в изъятии из оборота наличности в масштабах, сравнимых с задолженностью по выплате зарплат. Если корреспондент понимал, что он пишет, то речь идет о сумме более 100 миллиардов рублей.

Самое главное в том, что у государства нет долларов, спрос на которые с момента введения внутренней обратимости резко возрастет. У нашей экономики есть только два серьезных источника для пополнения своих твердвалютных резервов, которые практически пусты: экспорт и внешние займы. По официальным данным, в первом квартале этого года импорт России был больше экспорта на 2,25 миллиарда долларов, то есть экспорт не только не давал твердвалютного дохода, но и

сам нуждался в финансировании.

Ситуация с кредитами еще более драматичная: даже после всех отсрочек, предоставленных нам Западом, на этот год есть обязательства, по которым просто невозможно не платить. Они составляют порядка 2,5 миллиарда долларов. Единственная надежда на новые кредиты. Мифический стабилизационный фонд в 6 миллиардов долларов, замаячивший где-то в перспективе, похоже, останется в ближайшее время только на бумаге. Но даже если Запад соберет средства, необходимые для создания такого фонда, получить их можно будет только малыми долями, предварительно доказав экспертам МВФ, что все другие способы стабилизации рубля исчерпаны.

В условиях, когда невозможно обеспечить достаточную твердость курса рубля и его полную обратимость, говорить о переходе к конвертируемости тем более преждевременно. Несмотря на то что 60 стран из более чем 160 государств-членов МВФ сделали свои валюты конвертируемыми, во многих сохраняются валютные ограничения. Кроме того, переход от замкнутой валюты к конвертируемой занял там не один год.

В наших условиях рост курса безрельсового рубля не коррелирует с динамикой основных макроэкономических показателей и поэтому не может не быть весьма временным и тем более рассматриваться как предпосылка к переходу к конвертируемости. Единственное, о чем можно говорить сегодня серьезно, это о введении весьма ограниченной внутренней обратимости рубля в смысле свободы купли-продажи иностранной валюты резидентами и нерезидентами через соответствующую сеть обменных пунктов, максимально рассредоточенных по территории страны.

Пытаться сейчас фиксировать курс и конвертировать по нему всю поступающую в наше распоряжение валюту было бы просто разорительно: он не продержится и месяца. А чтобы приблизиться к желаемой конвертируемости, необходимо серьезнейшим образом заняться внешнеэкономическим сектором, в максимально короткие сроки ликвидировать отрицательное сальдо платежного и торгового балансов, снизить до разумных пределов дефицит государственного бюджета, всеми возможными путями накапливая твердвалютные резервы и повышая покупательную способность рубля. То есть перестать пока грезить конвертируемостью и продолжить черную работу по финансовой стабилизации.

FIBRETEK

ОФТАЛЬМОЛОГИЧЕСКИЙ СКАНЕР «ПЛЮС»

для определения
нарушений
поля зрения

- Пациенту предлагается 72 стимула схематично или отдельно.
- Оперативная память сканера позволяет сохранить данные о размере и расположении скотомы на время исследования.
- Быстро и безболезненно: всего 2 минуты требуются для полного обследования глаза.
- Сканер переносной, компактный, питание от батареек.
- Контроль фиксации предполагает использование стимулов слепого пятна.
- Над-ороговой подбор — наращивание интенсивности согласно шкале стимулов для определения глубины скотомы.
- Автоматическое отключение после 10 минут в режиме покоя для продления срока годности батареек.
- Запись контрольных данных — распечатка или пакет прикладных программ.

Информацию можно
получить в Москве —
телефоны: 200-21-10, 209-51-78,
факсы: 200-41-92, 200-42-23;
в Претории — телефоны:
2712-346-3284, 2712-841-4431,
факсы: 2712-46-9666,
2712-841-4434.

Чертовски хочется работать... за доллары

Кто собрался на Вест, пусть звонит в «Ост»

Раньше россияне ездили на заработки на Запад, как на отдых без путевки — дикарем. Теперь цивилизованный прием обеспечен: в Министерстве труда и занятости населения создано управление по делам трудящихся-мигрантов, а в нем — отдел внешней трудовой миграции.

За прошлый год из всей Восточной Европы на Запад выехали миллион триста тысяч человек, пополнив армию иммигрантов, которая только в странах Европейского сообщества насчитывает примерно 10 миллионов. А после того как вступит в силу российский закон о въезде и выезде, из одной лишь России могут выехать от одного до двух миллионов. Однако это только прикидки, потому что в реальности количество уезжающих будет зависеть от двух факторов: социально-экономическая обстановка в России, квоты на въезд в западных государствах.

В основном сейчас люди хотят выехать на Запад за «лучшей жизнью» — далеко не все готовы ждать, когда их зарплаты дома поднимутся над минимальным прожиточным уровнем. Однако, для того чтобы жить по-человечески, совершенно необязательно уезжать за рубеж «с концами». Достаточно просто несколько лет поработать по контракту. Кста-

ти, эта система обеспечивает не только гарантированное трудоустройство, но и соблюдение гражданских и социальных прав выехавших за рубеж, о чем большинство стоящих в очередях в ОВИРах до выезда не задумываются.

В марте этого года Министерство труда России подписало соглашение с Германией о предоставлении 13 тысяч рабочих мест на немецких предприятиях. В соответствии с ним в 1993–1994 годах в ФРГ будут трудиться 11 тысяч рабочих в возрасте от 18 до 40 лет, а еще 2 тысячи человек в качестве стажеров смогут повысить свою квалификацию и улучшить знание языка. По договоренности рабочие строительных специальностей — каменщики, плотники — трудоустроятся на небольших заводах со штатом до 65 человек. При этом квота рабочих мест для граждан России будет меняться в зависимости от занятости в Германии: если безработица увеличится на один процент, то квота сократится на пять процентов. И наоборот.

Отбор российских рабочих, желающих трудиться в ФРГ, зависит от списка запросов заинтересованных немецких предприятий и фирм. В выгодном положении окажутся, безусловно, те, кто знаком с передовыми технологиями. А за свой труд

рабочие получают столько же, сколько получают за аналогичный труд их немецкие коллеги.

Раньше советское государство тоже практиковало иногда «валютные заработки» для своих граждан. Но, например, журналисты и писатели хорошо знают, как это происходило. Если какое-то из их произведений публиковалось за рубежом и об этом узнавали в Москве, вся валюта уходила в государственную казну, а автор на руки получал либо очень маленький процент от заработанного, либо рублевый эквивалент своих «кровных» долларов, да еще и по заниженному официальному курсу. Теперь же весь валютный заработок, за исключением налогов, отчислений на страхование и других выплат, согласованных между сторонами, останется в кармане российского рабочего.

Разрешение на работу по выполнению договора подряда выдается на срок, не превышающий два года. Так записано в российско-германском соглашении. Срок могут продлить еще на год. Если кто-то захочет поработать в Германии вторично, то он может это сделать беспрепятственно — но только если после предыдущего выезда прошло не меньше времени, чем он уже отработал за рубежом. Иными словами, если человек провел в Германии два года, то до следующего выезда туда он должен подождать два года. Работал три года — жди три года.

Аналогичные договоры сейчас готовятся и с Австрией, Финляндией, Норвегией, Данией, Францией, Бельгией. Ведутся переговоры с Австралией, Канадой, США и Аргентиной.

Конечно, филантропией со стороны государства здесь и не пахнет. Просто в Москве, наконец, поняли, что чем больше россиян поедет на Запад на работу, тем больше валюты будет потом в стране, — ведь те, кто вернется, отработав по контракту, все равно потратят свои доллары или марки дома. Или, в крайнем случае, привезут домой западные «шмотки» и предметы домашнего обихода на продажу — рубли им тоже понадобятся. Да и квалификация их, а может, и отношение к труду по возвращении будут совсем не такие, как водится на российских предприятиях.

Предполагая, что желающих поработать за доллары и немецкие марки будет все-таки очень много, Министерство труда создало для трудоустройства специальную посредническую фирму «Ост». Ее телефон — 939-85-90.

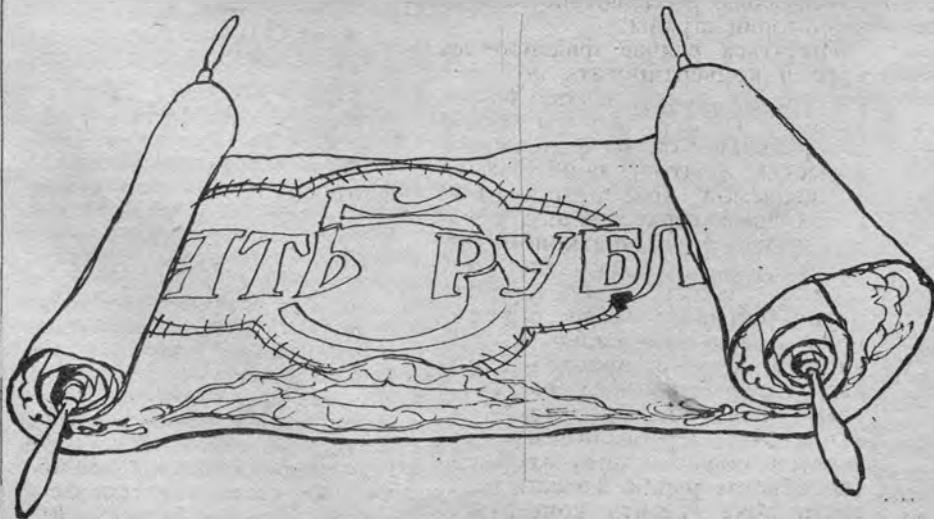

Рисунок
«Александр Ивойловой»

Артем Устинов

Тяжела ты, шапка дипломата...

Евгений Русаков,
собственный корреспондент
«Нового времени»

Первая поездка Ельцина в Америку запомнилась больше всего из-за скандальной перепечатки «Правдой» пасквиля из итальянской газеты. Тогда, в 1989 году, дверь перед одним из лидеров российской демократической оппозиции приоткрылась лишь чуть-чуть: его принимал Брент Скоукрофт, а президент Джордж Буш забежал к своему помощнику по национальной безопасности как бы невзначай, чтобы слегка поприветствовать деятеля, вызывавшего оскомину у Михаила Горбачева.

Летом прошлого года первого президента России в Белом доме уже принимали на уровне главы средней величины африканского государства, то есть вроде бы и с почтением, но и с соблюдением приятной советскому центру дистанции. И только в начале нынешнего года Ельцин был допущен в Кэмп-Дэвид на задушевные беседы по приличествующему великим державам кругу проблем. Но и тогда главные события развивались не в Вашингтоне, а в зале заседаний Совета Безопасности ООН в Нью-Йорке, где состоялась встреча в верхах государств — членов этого высшего международного органа и где Россия была признана постоянной его участницей.

На этот раз в принципе нет никаких приводящих обстоятельств, отвлекающих двух президентов от существа дела.

Поймут ли дома?

Казавшиеся еще не так давно столь тяжелой ношей «исторические усилия во имя избавления человечества от ядерной угрозы», — проще говоря, переговоры по ограничению гонки ядерных вооружений — теперь представляются почти «прогулкой в лесу», которую обессмертили Пол Нитце и Юлий Квицинский. При всех прежних высокопарных рассуждениях о судьбах человечества лидерам обеих сверхдержав приходилось, ведя ядерный торг, оглядываться на специфический круг заинтересованных лиц и организаций — собственную бюрократию, военно-промышленный комплекс, наконец, отъявленных «ястребов» и «голубей», которые частично уравнивали друг друга. «Людей с

Рисунок из газеты «Орландо сентинел» (США)

**Четвертый раз
двери Белого
дома
открываются
перед Борисом
Ельциным. И
каждый раз
все шире**

улицы» в Америке и Советском Союзе эти проблемы брали за душу раз в десять — двадцать лет при самых острых противостояниях — берлинском, карибском или «першинговом-2».

Иное дело сейчас. Каждое реформаторское движение российского правительства вызывает нервный тик и голодные судороги у десятков миллионов собственных граждан. Далеко не все россияне знают, что такое макроэкономическая стабилизация, институциональные реформы, жесткая кредитно-денежная политика. Но все прекрасно представляют, что значит остаться без работы, что такое нехватка наличных на зарплату и что такое батон ценой в десять, а бутылка водки в сто пятьдесят рублей. Тот же наш оборонный комплекс — миллионы рабочих и сотни директоров — сейчас ведут борьбу не за кусок пожирнее, а за выживание.

Каждое слово, каждое обещание Бориса Ельцина относительно конкретики езды в

рыночное завтра будет придирчиво взвешиваться. Каждый шаг навстречу Международному валютному фонду и Белому дому при выработке приемлемой для обеих сторон программы экономического преобразования России с помощью зарубежных кредитных вливаний будет встречаться хором надуманных и оправданных анафем со стороны не только приписных ортодоксов, но и многих политических союзников и попутчиков российского президента.

В свою очередь и в США в разгар одной из самых непредсказуемых предвыборных кампаний проблема кредитов России и другим странам СНГ обжигает руки президенту и законодателям, как горячая картошка. Многие сенаторы «не хотят показаться более ревностными сторонниками помощи России, чем Америке», — сказал один из них, Ричард Лугар. — А в палате представителей конгрессмены пребывают в состоянии, схожем с паническим бегством в горы ради спасения».

Речь идет об отношении к американской доле выдвинутого в начале апреля Джорджем Бушем и Гельмутом Колем пакета помощи России размером в 24 миллиарда долларов. Вопрос о выделении средств обрел конкретное воплощение в законопроекте администрации со звучным названием «Закон о помощи свободе». Выступая на слушаниях в сенатской комиссии по иностранным делам, госсекретарь США Джеймс Бейкер призывая законодателей одобрить его до визита Бориса Ельцина в Америку.

Однако законопроект прошел пока только комиссии по иностранным делам в сенате и палате представителей. Да, у администрации генеральная линия остается прежней, но энтузиазм в отношении ее осуществления то возникает, то пропадает в зависимости от перипетий предвыборной борьбы. Когда Белый дом выдвигал пакет помощи Москве, главным соперником Буша был Билл Клинтон. Сейчас наибольшее беспокойство республиканцев вызывает техасский миллиардер Росс Перо, который в трехсторонней гонке за президентским креслом то приближается к Бушу, то обгоняет его. Конечно, до ноября еще далеко, но политики не могут ожидать, что все образуется само собой. Финансово независимый Перо с его колочим языком и характером, с пренебрежением к многим аксиомам американской политики подобен сорвавшемуся с тормозов грузовику. Ясности, куда вынесет этот грузовик, нет. Под него могут попасть и помощь России, или, наоборот, недостаточные усилия по ее оказанию: позиция Перо пока разработана лишь на уровне звучных фраз, прибауток и шуток.

А будут ли кредиты?..

На подход Вашингтона серьезное влияние оказывает позиция Международного валютного фонда. Пред-

Президенты на прогулке в дни прошлой встречи

Фото из журнала «Ньюсуик» (США)

ставители этой международной организации ведут непосредственные переговоры с российским правительством о программе рыночных реформ, под которые могут быть предоставлены обещанные кредиты. Пока обе стороны восторга не испытывают: одно дело клятвы в приверженности рынку, другое — крайне болезненные жертвы.

Борис Ельцин публично заявил, что не потерпит диктата МВФ. Это естественно: ни один политический деятель не может утверждать обратного. Но, как пишет «Файнэншл таймс», за вспышками страстей стоят очень серьезные проблемы. Международный валютный фонд недоволен наметившимся, по его мнению, отходом России от твердого курса на рыночные реформы, прежде всего от мер по жесткой экономии средств, сдерживанию буйного роста кредитно-денежной массы и скорейшему предоставлению полной свободы ценам на нефть. Пока переговоры от МВФ не смогли даже получить достоверные данные о размерах дефицита российского госбюджета, количестве валюты в обращении и субсидированных Центральным банком России займах.

Представители фонда хотели бы, чтобы в рублевой зоне хозяином стал какой-то один центральный банк или супербанк. Тут в экономической последовательности им не откажешь — как, впрочем, и в политическом красноречии: пусть они сами попробуют убедить вырвавшиеся на волю вполне суверенные государства СНГ в полезности экономической и финансовой интеграции! А в результате подписание соглашений с МВФ, открывающих кредитный кран России, отодвигается как минимум на сентябрь вместо ожидавшегося июля. Ситуация складывается по сценарию известной украинской

поговорки: пока солнце взойдет, роса очи выест.

Не все в Америке разделяют позицию международных финансовых чиновников. «В ходе борьбы с экономическим хаосом России ее лидерам придется отступить и сбланировать рыночные реформы с поддержкой общества», — пишет обозреватель «Нью-Йорк таймс» Лесли Гелб. — Сторонники свободного рынка поднимут вопль, но президент Ельцин поступил правильно, отказавшись приносить демократию на алтарь экономической реформы».

Но нельзя не считаться с тем, что позицию Вашингтона и других западных столиц отражает все-таки МВФ и ему будет предоставлено право распоряжаться займами и контролировать их разумное использование.

Короче говоря, Борису Ельцину и Джорджу Бушу есть о чем поговорить на жгучую тему реформ в России и помощи Запада, прояснить позиции и подтолкнуть дело вперед. Успех переговоров стал бы прелюдией к конференции МВФ и Мирового банка в Вашингтоне и встрече «большой семерки» в начале июля в Мюнхене.

Самогон появляется тогда...

Молодой российской дипломатии крупно повезло, что самое ее сложное направление — экономическое — взяли на себя Егор Гайдар и его команда. Люди из небоскреба на Смоленской площади и в прежние времена не шибко владели экономической проблематикой, а вести переговоры о соотношении рыночных реформ и требований МВФ им явно было бы не под силу. Впрочем, и на Западе серьезные проблемы такого характера обсуждают министры финансов и руководители других эконо-

мических ведомств, а не министры иностранных дел.

Но и у тех, кто пытается сформировать внешнюю политику России, проблем предостаточно. Как говорил старик Гегель, дать определение можно лишь тогда, когда сформировалась субстанция. Или, выражаясь понятнее, самогон появляется тогда, когда закваска перебродила и из трубки пошла алкогольная капель. А нынешняя мировая политика как раз и пребывает в процессе брожения и вызревания.

Можно посочувствовать российскому руководству (не говоря уже об украинском, казахстанском или узбекстанском), которое в весьма смутное время незрелости нового мирового порядка пытается выработать принципиально новую концепцию внешней политики и безопасности государств, которые сами еще находятся в стадии осознания себя и своих интересов. Даже лидер последней сохранившейся сверхдержавы Джордж Буш, провозгласив было новый мировой порядок, вскоре обнаружил, что падения советской империи и разгрома Саддама Хусейна недостаточно. Десятилетиями тлевшие под спудом «холодной войны», очаги вырвались наружу огненной лавой национальных и экономических столкновений. Иной раз ловишь себя на мысли, что мир оказался просто не готов к крушению тоталитаризма советского толка.

Талейраны заходят не часто

Молодые хозяева небоскреба на Смоленской площади довольно смело заполнили дипломатический вакуум провозглашенными демократами принципами борьбы с тоталитаризмом, приверженности демократии и лозунгом «Россия обречена быть великой». Вся проблема заключается в том, что одно дело — провозглашать, особенно когда за это уже не сажают, а другое — принимать решения в конкретных, далеких от черно-белых ситуациях.

По большому счету нынешняя внешняя политика России за пределами «ближнего зарубежья» катится по дороге, проторенной «новым политическим мышлением» Горбачева и Шеварднадзе. Все дело в степенях. Если раньше говорили об «общечеловеческих ценностях», то теперь — об общности в борьбе с тоталитаризмом и коммунизмом, раньше — о партнерских отношениях с Америкой, теперь — о союзнических. В такой преемственности есть свой резон. Можно и нужно открещиваться от прошлого, но нигде не денешься от того факта, что статусом великой державы Россия обязана, кроме иного, праведным и неправедным усилиям царей и вождей, старых, завоевавших земли и природные богатства, и новых, сделавших ее ракетно-ядерной и обеспечивших постоянное место в Совете Безопасности. Сложность нынешнего положения со-

стоит в том, что если у Горбачева и Шеварднадзе всегда было предостаточно «товара», для того чтобы прельстить Запад (Восточная Европа, режимы в «третьем мире», тяжелые ракеты, устранение военной угрозы Европе и так далее), то у нынешней России остались, пожалуй, только два жирных куска — часть тяжелых ракет да Южные Курилы.

Тут уже нужен дипломат масштаба Талейрана, сумевшего на Венском конгрессе из побежденного стать партнером победителей. Талейраны появляются на историческом небосклоне не часто. Но можно было бы рассчитывать по крайней мере на то, что российской дипломатия станет меньше грешить свободной импровизацией и шапкозакидательским всезнайством.

На переговорах Козырева и Бейкера в Вашингтоне и Лондоне торг приобрел вполне конкретные цифровые очертания: либо американцы согласятся пойти дальше январского предложения Буша о сокращении одной трети в основном устаревших ракет на своих подводных лодках, либо россияне сохранят и себе запасец — 25–30 процентов сухопутных ракет СС-18 и СС-24. Правда, Козырев намекал, что он вообще готов сделать широкий жест, но, дескать, отечественные консерваторы, особенно из числа военных, за руки держат. Однако думается, делать широкие жесты — это прерогатива президентов, которые по положению должны смотреть на вещи шире, чем самые высокопоставленные дипломаты. Для обеих сторон места для маневра и компромисса предостаточно. Было бы желание.

При всей недоношенности грядущего мирового порядка вряд ли кто сомневается, что Америка будет играть ведущую роль в его военных и политических делах. Стремление Москвы определить координаты своей внешней политики по Вашингтонскому меридиану закономерно, главная проблема заключается в том, чтобы не возникло положение, когда национальные интересы демократической России станут отождествляться с интересами демократической Америки.

У Вашингтона достаточно проблем со старыми, вроде бы проверенными союзниками, чтобы не гореть желанием раскрывать объятия новой «любви». Дело не только в инерции «холодной войны». В постсоветский период американцев больше волнуют собственные беды.

Москва тоже не может не считаться с тем, что с усилением роли экономического потенциала в новом мировом порядке голоса Германии и Японии звучат все громче, а их позиции не всегда совпадают с американскими. Надеюсь, могут возникнуть ситуации, когда Россия вообще будет не по пути с главными западными державами.

Трудно ожидать, что американо-российская встреча в верхах даст ответы на все эти сложные вопросы.

Но она покажет, насколько готовы стороны идти к квазисоюзническим отношениям? В какой степени Москва будет отстаивать, а Вашингтон признавать ее право на «честное расхождение во мнениях»? Я имею в виду не декларации о полном равноправии, а позиции по конкретным проблемам, будь то положение в СНГ, Договор по ПРО или Югославия...

Важным оселком, где проявятся компетентность, реализм и гибкость российской дипломатии или же недостаток таковых, станут переговоры по проблемам противоракетной защиты. Американцы придали «божеский вид» российской идее создания «глобальной системы защиты мирового сообщества», которая вызвала вздох изумления, когда Борис Ельцин впервые обнародовал ее в ООН в начале нынешнего года. Сейчас речь идет в основном об обмене информацией и о сотрудничестве в некоторых разработках. При этом имеется в виду привлечь к сотрудничеству американских и российских союзников, в числе последних — Казахстан, Беларусь и Украину, которая еще не определилась, чьим союзником быть.

Но саму-то администрацию США интересует прежде всего ее собственная задумка развернуть систему противоракетной обороны от случайных или несанкционированных ракет.

В Америке многие считают даже этот ограниченный вариант вооружений из арсенала «звездных войн» дорогостоящей, дестабилизирующей и ненужной игрушкой.

Мне лично эта идея представляется либо полностью построенной на логике стратегии «устрашения», в ее самом жестком варианте (кастрировать потенциал первого удара вероятного противника при сохранении своих возможностей ядерного нападения), либо полной мистификацией, называемой в просторечии надувательством. Ограниченная система глобальной защиты, как она сейчас официально именуется в США, по версии ее сторонников предназначена против авантюристов типа саддамовского или против террористов.

Но кто позволит хусейнам создавать ядерное оружие, не говоря уже о межконтинентальных баллистических ракетах? Что касается террористов, то ракеты для них — не самая большая нужда. Ядерное устройство можно сейчас или в скором будущем пронести и в чемоданчике... Не буду продолжать, надеюсь, что никогда такого не произойдет. Вернусь к тому, с чего начинал: прошло меньше полугода со времени первого крупного выхода российского президента на арену мировой политики на заседании лидеров государств — членов Совета Безопасности ООН. Проблем меньше не стало. Нынешние переговоры на высшем уровне должны показать, насколько зрелее стала внешняя политика России за это время.

НЬЮ-ЙОРК

Невыполненное поручение президента

У России до сих пор нет новой северной политики

Александр Полюхов,
соб. корр. «Нового времени»

Северная Европа не рыдает на похоронах старого порядка на континенте. Напротив, каждая из стран региона бросает свою горсть земли в его могилу. Дания после 20 лет членства в Сообществе головует на референдуме против участия в создаваемом им экономическом и военном союзе. Норвегия дает приют для встречи министров иностранных дел ЕС, хотя сама не входит в Сообщество. Швеция, клеймившая военные блоки, посылает министра на разведку в Западноевропейский союз (ЗЕС). Финляндия, выторговывавшая у Москвы право на нейтралитет, становится наблюдателем в Североатлантическом Совете сотрудничества НАТО.

В новой для Европы ситуации обитатели ее медвежьего угла совершают поступки, не мыслимые ранее в рамках так называемого «северного баланса». Он, устраивая и Вашингтон, и Москву, основывался на том, что Копенгаген был на 100 процентов в Европе, то бишь входил в НАТО и ЕС, Осло являлся — под руководством США — опорой НАТО в северо-восточной Атлантике. Стокгольм балансировал между Западом и Востоком, услуживая первому и опасаясь второго. Хельсинки принудительно числился союзником СССР, но дышал «воздухом свободы».

Ныне формируется примечательная тенденция: северяне хотят на свой лад интегри-

роваться в Европу, отбросив былые ограничения. Те, кого сковывали рекомендации «старших товарищей», будь они из Москвы, Вашингтона или Брюсселя, теперь хотят сами решать, с кем и как сотрудничать.

Копенгаген уходит во вторую лигу?

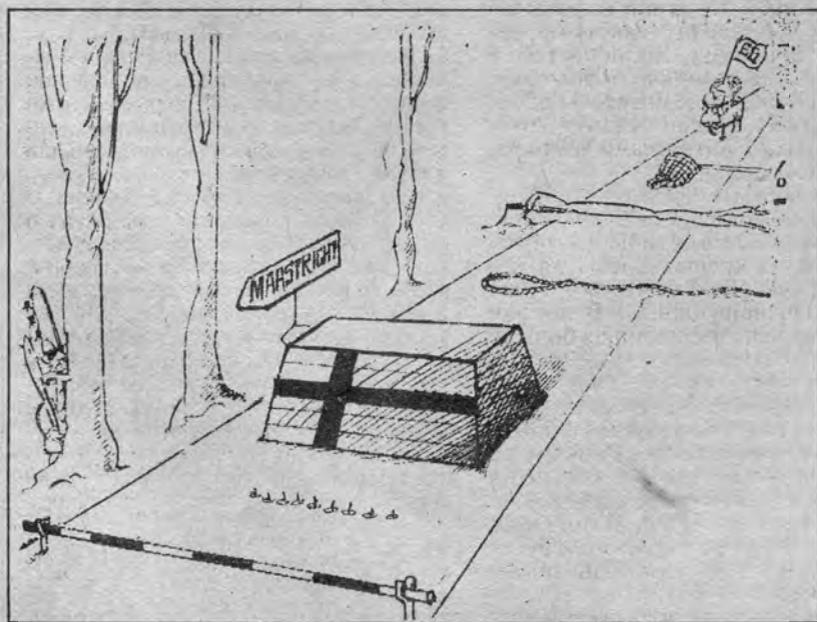
Датчане довольны статусом члена Сообщества, но многие из них сомневаются, нужно ли следовать по намеченному маастрихтскими соглашениями пути и отказываться от части государственного суверенитета в пользу наднациональных органов власти ЕС. Попытки премьер-министра Поуля Шлютера убедить сограждан, что речь идет о чем-то второстепенном, не имеют успеха. Хотя датские сторонники превращения Сообщества в Союз имели в 10 раз больше денег и неограниченный доступ к масс-медиа, противникам удалось перевести дискуссию в нравственную плоскость, превратив ее в спор о будущем Дании как суверенного государства.

«Станиславский» проевропейской инсценировки референдума — министр иностранных дел Уффе Эллеман-Енсен — ухитрился даже убрать из бюллетеней само слово «Союз» и выискать в кругу противников пару коммунистов, учившихся когда-то в московской партшколе. Увы, избиратели вынесли 2 июня ошеломивший панъевропейцев вердикт: 49,3 процента за и 50,7 — против ратификации маастрихтских соглашений. Политический истеблишмент, практически единогласно предлагавший голосовать «за», потерпел болезненное поражение.

Удар, видимо, не осознан до конца, поскольку Поуль Шлютер что-то мямлит относительно перспектив «присоединения Дании к Союзу на новой основе». Уффе Эллеман-Енсен более дипломатичен: «Будем искать решение в границах реального». Последние были очерчены уже через два дня в Осло, где в ходе совещания глав дипломатических ведомств ЕС было решено завершить до конца года ратификацию остальными 11 странами — членами Сообщества документов Маастрихта. Копенгагену предстоит либо перейти во вторую лигу ЕС, либо надеяться, что референдумы во Франции и Ирландии принесут победу противникам Соединенных Штатов Европы и станет возможной ревизия Маастрихта.

Вообще-то Дания ничего не лишилась, она просто отказалась заменить свою крону европейской денежной единицей экю, подчинить свой Национальный банк центральному банку Сообщества, сделать подданных датской короны гражданами Союза. Воздержалась она от общей политики безопасности и совместной обороны Союза, а также от полицейско-пограничного единства.

Части датского королевства — Фарерские острова и Гренландия — еще раньше «разошлись» с ЕС и неплохо себя чувствуют. Конечно, Копенгагену сложнее, ибо ему не позволяют «выковыривать изюминки» из булки европейской интеграции. Сей-

Тернистый путь к целям Маастрихта

Рисунок из газеты «Франкфуртер альгемайне цайтунг» (Германия)

час не ясно, как станут его ущемлять партнеры, но в Брюсселе, очевидно, найдут эффектные приемы. Скажем, того же Уффе Эллеман-Енсена можно попросить выйти из зала, когда его коллеги начнут решать дела на уровне Союза, а не просто Сообщества. Тем не менее датчане, как здесь говорят, «знающие вкус» единой Европы, показывают остальным европейцам, что не все в ней так прекрасно.

Флаг СБСЕ – войска НАТО

5 июня в Осло готовилась сессия Совета НАТО на уровне министров иностранных дел, к которым позднее должны были присоединиться коллеги из Восточной Европы и СНГ, дабы провести первую регулярную встречу Североатлантического Совета сотрудничества. И тут датский референдум смешал карты, заставив первыми встретиться глав внешнеполитических ведомств ЕС. Получилось, что ССС как бы пристегнут к НАТО, а НАТО, скажем мягко, трудно стало жить без Сообщества. Таким образом, пусть и невольной, в силу «привнесенных обстоятельств» высветилась перспективная цепочка взаимодействия основных игроков на европейской сцене.

Норвегия, оказавшаяся в центре «трех источников, трех составных частей» процесса объединения континента, в отличие от Швеции и Финляндии еще не подала заявку в ЕС. Ее лидеры хотя и в Сообщество, но большинство норвежцев полагает, что довольно и вхождения в Единое экономическое пространство (ЕЭП), созданное договором между ЕС и ЕАСТ. Осло мечтает и разнобразить связи с партнерами по НАТО, дабы не строить свою политику безопасности исключительно на военных связях с США. Однако партнерам нынче не до северной оконечности континента. Наконец, кабинет премьер-министра Гру Харлем Брундтланд хочет при помощи ССС окончательно устранить сам призрак военной угрозы с востока.

Пока заметно продвижение лишь по третьему пути. ССС одобрил созданные НАТО войска по поддержке мира в Европе, которым СБСЕ обещает свой флаг. Подписанный под эгидой ССС протокол о разделе бывшими советскими республиками совокупной квоты ССС на обычные вооружения в Европе, дает Норвегии, по словам ее министра обороны Юхана Йоргена Холста, «наибольший выигрыш в безопасности по сравнению с другими странами». Россия, например, отказалась от попыток «переодеть» архангельскую дивизию пехоты в мундиры «береговой обороны» (маскарад вывел бы ее из-под сокращений). Министр обороны США Ричард Чейни, посетивший в мае Финляндию и Швецию, отметил «деградацию российской боевой мощи» в регионе.

Теперь Осло предстоит уяснить, необходимо ли теснейшее военное

взаимодействие с США, которое в северо-восточной Атлантике порой выглядит излишне агрессивным, или достаточно полного участия в единой Европе, у которой со временем окрепнут и военные мускулы. Особенно раздумывать некогда – ЕС ждет норвежской заявки лишь до конца текущего года.

Осло стремится к расширению сотрудничества и с Россией. Единственная заковка – нерешенная проблема разграничения экономических зон в Баренцевом море. Источники с обеих сторон конфиденциально намекают на сближение позиций и реальность компромисса, однако в кулуарах встречи ССС в Осло представители России и Норвегии договора не подписали. Есть надежда, что в июле, встретившись на «Хельсинки-2», Борис Ельцин и Гру Харлем Брундтланд сделают этот последний шаг.

Тришкин кафтан нейтралитета

У соседней Швеции принципиальных разногласий с Россией не осталось, а в агрессию с востока не верит даже министр обороны Андерс Бьёрк. «Швеция намерена полноправно участвовать в общей внешней и оборонной политике, как это и предписывается маастрихтскими соглашениями, – заявляет он на заседании ЗЕС не без молчаливого укора в адрес Дании. – Обстановка в Северной Европе долго будет зависеть от событий в России, переживающей экономический, политический и военный распад», – на всякий случай добавляет он.

Стокгольм откровенно осуществляет тотальный отход от традиционного шведского нейтралитета, который премьер-министр Карл Бильдт называет «устаревшим понятием». Чтобы расквитаться с его историей, как из крана «утекают» в прессу секретные данные о давнем тайном партнерстве между Швецией и США/НАТО. Подтверждается, что между ними существовал широкий обмен разведывательной информацией и даже действовал специальный канал радиосвязи штабов, что шведские авиабазы были подготовлены к приему американских ВВС.

Правительство буквально домогается членства в ЕС, хотя с экономической точки зрения страну вполне устраивает участие в ЕЭП. Прорыв на континент видится как объяснение в запоздалой и скрывавшейся любви ко всему «европейскому», как получение доступа в круг стран, принимающих важнейшие для Европы решения и располагающих потенциалом для их реализации. Ведь после развала группы нейтральных и неприсоединившихся государств, игравшей в СБСЕ на противоречиях между НАТО и Варшавским Договором, Стокгольм лишился былого авторитета. К тому же его партнеры – Австрия, Швейцария и Финляндия – также хотят присоединиться к ЕС.

Далеко не каждому шведу нравится столь резкая смена курса, а иные усматривают в ней низкополонство Карла Бильдта перед сильными мира сего. Пока ни сторонники, ни противники Европейского союза не могут взять верх, однако пример датчан, несомненно, придаст ведущейся в стране дискуссии глубину и основательность. Вердикт предстоит вынести на референдуме. Как показывает опыт предыдущего плебисцита, постановившего поэтапно похоронить ядерную энергетику, шведы готовы к весьма серьезным и дорогостоящим шагам ради своих убеждений.

Граница – российская, истребители – американские

Если датчане, норвежцы и шведы не обходятся без споров, то финны щекотливые дела делают тихо. После развала СССР быстро распрощавшись с дружкой и взаимопомощью в отношениях с Москвой, Хельсинки

Бегство

Дефицит демократии при принятии решений в Европейском Сообществе?

Накануне датского референдума Франсуа Миттеран и Гельмут Коль, встретившись в Ла Рошелле, словно в воду глядели, дружно заявив: несмотря ни на что, процесс европейского единения будет продолжен, как намечено, претворение в жизнь договоренностей Маастрихта – дело решенное, и ему ничто не помешает.

Высказывание двух лидеров расценили как очередное проявление пренебрежения к малым странам в ЕС. На самом же деле, по моему, уверенность лидеров Франции и Германии была скорее очередной попыткой успокоить страсти, что называется «вылить масло» на море сомнений и споров по поводу маастрихтских договоренностей. А оно разбушевалось после декабрьских решений двенадцати, когда было намечено четкое расписание движения. Миттеран, правда, сразу же после датского голосования поспешил заметить, что и во Франции, видимо, не обойтись без референдума, поскольку речь идет о необходимости изменить конституцию, чтобы одобрить в Национальном собрании маастрихтский договор. Парижские маневры – попытка поправить собственное внутриполитическое положение, что подчас требует, естественно,

стремительно налаживает связи в западном направлении. На фоне поднятого шума вокруг «опасности излишней концентрации войск» в приграничных районах России правительство решило закупить не российские, шведские или французские, а американские боевые самолеты.

67 тяжелых двухмоторных F/A-18 обойдутся, как полагает целый ряд экспертов, намного дороже МИГов, «Грипенов» или «Миражей», но министр обороны Элизабет Рен обосновывает выбор «исключительно учетом тактико-технических данных» американского оружия. Одна из шведских газет приводит слова военного атташе США в Хельсинки о том, что F/A-18 «идеально подходит для возвращения оккупированной Карелии». Хотя подобное высказывание нельзя ни подтвердить, ни опровергнуть, стоит привести официальное разъяснение Э.Рен: «Решение закупить американские самолеты — как раз тот сигнал, какой следует дать (окружающему миру)».

Аналогичные сигналы из Хельсинки поступают теперь регулярно. Не успел здешний МИД обозначить интерес к получению Финляндией информации о работе СССР, как по инициативе Вашингтона стране был предоставлен статус наблюдателя. Статус, не предусмотренный правилами ССС и не дарованный какому-либо другому государству. Близость к России и молчаливая ставка на интенсивное сотрудничество с США и НАТО являются козырями нашей соседки. Примечательно, что финляндское руководство спешит пустить их в ход сразу после подписания с Москвой соглашений о добрососедстве, а также накануне встречи на высшем уровне СБСЕ «Хельсинки-2».

В средствах массовой информации раздаются призывы вступить в НАТО. Как показывают опросы общественного мнения, чуть больше половины населения поддерживает эту идею. Премьер-министр Эско Ахо воздерживается от комментариев на сей счет, хотя в марте при подаче за-

явки на вступление в ЕС он говорил, что оно не означает членства в ЗЕС, а предусматривает независимую национальную оборону. Очевидно, европейская военная синица в небе пока кажется менее привлекательной, чем покровительство мощной НАТО.

Конец ледникового периода в Северной Европе — не причина для паники в Москве, но глупо притворяться, что происходящее касается только самих северян. На глазах складывается совершенно иная ситуация, причем складывается практически без участия России. Если России суждено примкнуть к северному крылу формирующегося единства Европы, то трансформация региона нам на пользу. Если нет, то добра не жди. Политическое руководство России, особенно МИД, запаздывает с проведением новой северной политики. Ее просто нет, есть только поручение на сей счет от президента.

СТОКГОЛЬМ

датского теленка

внешнеполитических уступок или даже жертв. Немцы же вздохнули с облегчением: им не надо заручаться поддержкой населения в виде плевсцита или референдума.

Зато накануне референдума Ирландия, которую не устраивает легализация абортов. Далеко не все устраивает Лондон, который уже благополучно ратифицировал договоры (а как радовалась Маргарет Тэтчер датскому сопротивлению!) в области социальной политики. Ворчат Лиссабон, Афины и Мадрид по поводу не-

достатка «истинной солидарности», выражающейся в деньгах. Да и сами немцы спохватились — а как же наша гордость, немецкая марка? Федеральные же земли поспешили потребовать для себя больше прав при принятии решений брюссельским ареопагом.

И все же, думаю, на самом деле итоги голосования в Дании — не более чем небольшая буря в стакане воды. Буря, которая в итоге существенно не замедлит процесс европейской интеграции. А может быть, даже и наоборот, ускорит. Ев-

ропейцы вынуждены будут задуматься: неужели столько усилий не одного поколения европейских политиков пойдут насмарку? Неужто излишне буквально понятая демократия, уважение ее традиций разрушат в одночасье здание, возводившееся столь тщательно вопреки всем пертурбациям?

Тем не менее датская осечка заставит европолитиков с большим вниманием относиться к тем опасениям, что высказываются частенько в странах ЕС: окопавшиеся в Брюсселе евробюрократы оторвались от народа, не учитывают его мнения при принятии решений. Мало кого волнует, однако, что Комиссия ЕС, оплот европейской интеграции, — институт, который может лишь давать советы, делать предложения. Чтобы они обрели силу закона, необходимо утверждение их национальными правительствами. К тому же для вращения жерновов машины ЕС, естественно, необходимы чиновники и бюрократы. Вопрос в том, сколь компетентны чиновники, в чьих руках рычаги. Пока что процесс принятия решений для человека с улицы — тайна за семью печатями. Но не потому, что от него что-то скрывают, а просто потому, что он не в состоянии разобраться в хитросплетениях европейской политики, подспудных причинах тех или иных вердиктов Брюсселя, где приходится сводить интересы всей дюжины, учитывая к тому же, что она существует не в безвоздушном пространстве.

Комиссия ЕС превратилась

для многих европейцев в некий гигантский механизм, который крутит колеса и шестеренки Сообщества. Отпугивает массивность и громоздкость колосса, все активнее вторгающегося в повседневную жизнь жителя Старого Света. Даже иные евробюрократы в доверительных беседах сетуют, что не до конца разбираются в том, что делает та или иная из 23 генеральных дирекций, разместившихся в Брюсселе.

В эти дни в ЕС выдвигают лозунг: приблизить политику максимально к гражданам, спустив как можно ниже уровень управления. Звучит популистски, но таковы правила игры, где ставки очень высоки. Ибо в странах Западной Европы, где сильны демократические институты и традиции, не любят, когда политики решают, уж слишком явно оторвавшись от народа.

...При всех несовершенствах маастрихтских договоренностей пересматривать их в угоду Копенгагену или, скажем, Дублину никто не рискнет. На пороге ЕС теснятся новые желающие приобщиться к клубу избранных, в том числе и государства Восточной Европы. Наконец, малые страны Сообщества понимают, что скорейшее создание единого валютного, политического, юридического и социального пространства — в их же собственных интересах.

Так что несмотря ни на что караван движется дальше.

Дмитрий
Погоржельский,
соб. корр. «Нового времени»
БОНН

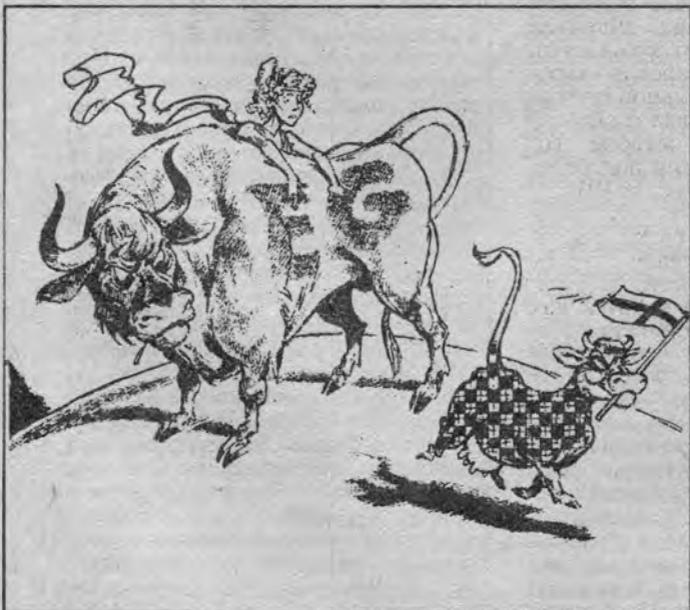

Рисунок из газеты «Вельт» (Германия)

Что нам Балканы?

Ссора с Европой из-за Югославии
как способ свалить правительство России

Павел Кандель

«...Т ак не будет ли эта негодия несоответствующей гражданским постановлениям и дальнейшим видам России» — засомневался Манилов, когда их сделка с Чичиковым была уже почти слажена. За истекшие полтора века привычка смешивать карманные делишки и досужие фантазии с государственными интересами не утратилась. Это хорошо видно из завязавшейся в прессе и в Верховном Совете дискуссии в связи с последними шагами российской дипломатии по преодолению югославского кризиса. Для тех, кто поддержал действия России в Хельсинки, где она воспрепятствовала исключению Югославии из СБСЕ, последующее ее согласие с санкциями ООН против Югославии кажется предательством национальных интересов. Для одобряющих санкции предшествующие действия выглядят непоследовательными.

В нынешней российской внешней политике действительно хватает и непоследовательности, и импульсивности, и негибкости. Новоселам смоленского небоскреба можно предъявить немало и других претензий: и склонность к иллюзорным представлениям о самодостаточности международного права, и недостаточную жесткость по отношению к действиям, которые должны квалифицироваться как недружественные и враждебные, и навскидку говорить тенором даже в тех ситуациях, когда уместнее проявить умение пользоваться басовым регистром. Однако в югославском случае линия российской дипломатии, несмотря на ее внешнюю противоречивость, представляется достаточно логичной. При одном допущении: если ее целью является скорейшее прекращение кровопролития в Боснии и Герцеговине и поддержание стабильности во всей юго-восточной Европе.

Вместе с Китаем и Зимбабве?

Исключение Югославии из СБСЕ объективно освобождало бы ее от обязательств по Хельсинкскому акту и Парижской хартии. В то же время ставилась бы под сомнение и незыблемость границ Сербии и Чер-

ногории, образовавших новую Югославию. Блокировав это предложение, Россия вместе с тем сохранила за собой возможность самостоятельного воздействия на югославский кризис и дала Сербии последний шанс выйти из конфликта в Боснии и Герцеговине. После того как сербское руководство не использовало шанс, предоставленный посредничеством России, у нее не оставалось иного выхода, кроме как присоединиться к подавляющему большинству мирового сообщества и поддержать санкции.

Можно было бы, конечно, вместе с Китаем и Зимбабве воздержаться при голосовании, но в этом случае беспристрастность России оказалась бы под сомнением. Соответственно и дальнейшее ее участие в урегулировании югославского кризиса встретило бы мощное противодействие.

Еще важнее, что любая двусмысленность России в югославском вопросе бросила бы тень на ее истинные намерения в ее собственном ближнем зарубежье. Аналогии между СФРЮ и СССР уже порядком надоели, но неизбежно остаются рабочим инструментом анализа ситуации в пост-союзном политическом пространстве. И сочувствие планам перекройки границ по национальному принципу или историческим правосознаниям, естественно, вызывает подозрение — не собирается ли Россия в своем собственном окружении сыграть роль, исполняемую Сербией в бывшей СФРЮ? Реакцию мирового сообщества в этом случае не надо предугадывать — она уже выявлена в Югославии. Учитывая специфику России, следует внести только один поправочный коэффициент — возводящий силу реакции в несколько степеней. Ведь в реальности подобные действия со стороны России привели бы к югославизации бывшего Союза, с тем только отличием, что катастрофические последствия здесь вообще не поддаются исчислению.

Похоже, однако, что коммунистическо-националистическая оппозиция в своем подходе как раз и исходит из прямой проекции югославской ситуации на бывший Союз, стремясь в бывшей Югославии создать прецедент для воспроизводства подобного в пределах прежнего СССР. Но, перефразируя столь популярное в этих кругах выражение Столыпина, вместо «великой Рос-

сии» они добьются лишь «великих потрясений». Слишком невыгодные аналогии заставляют сторонников безоговорочной поддержки Сербии выдвигать иные доводы.

Из архива славянофилов

Столь же много, сколь и абстрактно, говорится о стратегических интересах России в Югославии и на Балканах, которым присоединение к санкциям нанесен непоправимый ущерб. Однако трудно отыскать в этих рассуждениях что-либо иное, кроме давних воспоминаний о былых путях имперской экспансии да не столь давних попытках создать угрозу НАТО на его южном фланге. Но и приняв этот вселенский или всеевропейский замах за действительную меру российской стратегии, что реальным возможностям России никак не отвечает, можно ли найти разумные основания для возобновления конфронтации с НАТО или создания зоны влияния в ставшем очень отдаленным регионе?

Важным моментом в мировидении поборников великодержавности являются унаследованные от славянофилов представления о славянском братстве и православной общности как приоритетной основе для обретения Россией исторических союзников. Но эти концепции, во многом иллюзорные уже во время их расцвета (стоит только вспомнить польские восстания), ныне обнаруживают полную архаичность и практически явно неприменимы.

В Югославии именно славяне, говорящие к тому же на одном языке, занимаются взаимоистреблением. После появления независимой Украины и проведения ею политики активного дистанцирования от России разговоры о славянском братстве приобрели и вовсе ирреальный характер. Стоит добавить мелкую, но символическую деталь: в Болгарии, где славянофильские настроения имеют наиболее глубокие корни, характер празднования Дня славянской письменности и культуры в Москве вызвал, по свидетельствам болгарской прессы, настороженное отношение официальных кругов, опасующихся возрождения панславизма.

Не менее противоречив оказывается и выбор православной общности как ориентира для внешней политики России. Если симпатии к единоверным сербам должны диктовать безоговорочную поддержку Сербии, то какой выбор следует сделать в противостоянии православных греков и македонцев? И куда исчезает чувство религиозной близости, когда речь заходит о православных молдаванах и румынах, украинцах или грузинах?

После боя

Фото из журнала «Шпигель» (Германия)

Не лучше обстоит дело, когда любители обосновывать внешнеполитические приоритеты России историко-культурными традициями пытаются отказаться от религиозно-этнической узости. Пределом широты в этой части отечественной общественной мысли, видимо, следует считать построения евразийского толка и рассуждения о славяно-тюркском симбиозе. Но исходя из этой установки нельзя понять, почему боснийские сербы должны быть более близки России, чем боснийские мусульмане, имеющие к тому же славянские корни? Отчего мусульманский Ирак предпочтительнее мусульманского Кувейта? И если этнократия в Средней Азии — исторический союзник, то какую роль ей отводить в Татарии, Башкирии, Чечне, да и в целом на Северном Кавказе?

С кем пойдет Сербия

Немалую роль в осуждении «предательства Сербии» Россией играют отсылки на традиционные русофильские настроения в Сербии и особенно в Черногории. Это действительно ценный морально-политический капитал России, но весомость национальных симпатий и антипатий в реальной политике куда меньше, чем государственные интересы. И, выбирая союзников по любви, легко нажать немало ревнивых отверженных. Ведь традиционное русофильство едва ли не сильнее в Болгарии, но как раз в тех кругах, где Сербиям считают историческим соперником и к перспективе появления Великой Сербии относятся как к угрозе. Именно по этой причине Болгария в двух мировых войнах оказывалась в составе антирусских коалиций. Сербия дважды сражалась на одной стороне с Россией против Германии, но, как только заканчивалась оче-

редная война, Германия неизбежно вновь становилась ее первым экономическим партнером. Законы экономики окажутся сильнее национальных антипатий и после окончания югославского кризиса.

Помимо русофильских в Сербии сильны и франкофильские традиции. Иногда они совпадают, а иногда и расходятся. Не нужно пророческого дара, чтобы предсказать преобладание в политике франкофильской ориентации (более созвучной евроцентризму всех государств Центральной и Восточной Европы) после падения С.Милошевича и его неонеоменклатурного режима, доведшего страну до национальной катастрофы. Европейскому Сообществу, как центру экономического и политического тяготения, России противопоставить нечего, да и незачем.

И уже вовсе комично выглядят толки об ущербе, который санкции против Югославии нанесут-де экономическим взаимосвязям в ней. Который год без всякого эмбарго советская, а ныне российская сторона не может вернуть долги Югославии, а договоренные поставки нефти хронически срываются.

Трудно предположить, что все эти очевидные истины в стане «духовной» и политической оппозиции вовсе неведомы. Конечно, для мировосприятия, имеющего идеал в прошлом и основывающегося на исторических мифах, если не сказать «клипах», отсутствие чувства реальности естественно и даже необходимо для самосохранения. И, возможно, недалекому приверженцу подобных взглядов идеалом российской внешней политики искренне видится крестовый поход православного воинства против всемирного латинства или мирового сионизма (что в этой оптике вряд ли различимо) и прочих басурман, за

исключением братьев по евразийскому наследию и славяно-тюркскому союзу. Но все же политику делают люди, далекие от сантиментов, и спекуляция на историко-культурных традициях и религиозных чувствах имеют вполне материальные основания.

Конечно, ссора России со всей Европой и подавляющим большинством мирового сообщества, ее изоляция, втягивание в национально-территориальные конфликты со всем ближним зарубежьем и провоцирование дальнейших центробежных тенденций в прежних автономиях самой России плохо вяжутся с идеалом Великой России. Но все это хорошо согласуется с узкопартийными и своекорыстными интересами коммунистическо-националистических сил. Нет более верного способа остановить конверсию, восстановить роль военно-промышленного комплекса, свернуть рыночные реформы, сорвать приватизацию земли и заводов, свалить правительство и похоронить надежды на демократию в России. Повод же годится любой, и Сербия подходит для их целей лучше иных. Параллели между бывшим Союзом и прежней Югославией пытаются обратить в свою пользу. Но положение, в котором сегодня оказалась Сербия, свидетельствует против них.

Россия больше, чем в чем-либо ином, должна быть заинтересована в стабильности на пространстве бывшего Союза и в Центральной, и в Восточной Европе, даже при произвольных и невыгодных границах. Это не означает равнодушия к судьбам соотечественников, не по своей воле оказавшихся вдруг за рубежом: защита их интересов пока явно недостаточна. Но историческими правами на те или иные земли придется пожертвовать, если югославский опыт мы не хотим перепроверить на себе.

Бархатный развод

Поколение либералов уходит. Наступает время националистов и технократов

Те, кто шел в первых рядах «бархатной революции», вчерашние диссиденты, из тюрем или котелен перебившие два года назад в министерские кресла, идеологи «правды и любви», как их называют, яркие личности покидают ныне политические подмостки Чехо-Словакии. Не будет министра иностранных дел Иржи Динстбира, премьера Чехии Петра Питгарта, председателя чешского парламента Дагмар Бурешовой — большинство министерских портфелей в правительстве по итогам первых после революции выборов принадлежало им, либералам, центристам, членам Гражданского форума. И вот новые выборы — и Гражданское движение, которое возглавили либералы из распавшегося ГФ, не набрало даже пяти процентов голосов избирателей, необходимых для того, чтобы войти в Федеральное собрание. Что же произошло?

«Либеральный гуманизм пал жертвой резкой поляризации сил в Чехо-Словакии, поляризации на чехов и словаков, на правых и левых», — этот вывод, быть может, звучит излишне категорично, но, думается, тем не менее, достаточно точно определяет главный итог состоявшихся недавно выборов.

В Чехии уверенно победили правые: Гражданская демократическая партия во главе с Вацлавом Клаусом, автором экономической реформы. За Клаусом многим видится некое процветание, путь в Европу, мечта о той Чехо-Словакии, что когда-то входила в первую десятку европейских государств.

А в Словакии большинство голосов отдано левым и националистическим силам — Движению за демократическую Словакию с его лидером Владимиром Мечьяром. Если же учесть, что на втором месте в Чехии коалиция коммунистов с левыми демократами, а в Словакии — Партия левых демократов (бывшие коммунисты), то становится ясно, что и в будущем чехо-словацком парламенте места примерно поровну будут разделены между правыми и левыми.

Вряд ли это будет равновесием, скорее противостоянием — центр-то исчез. «Конец иллюзиям о братстве и толерантности, которые обещала людям революция 1989 года», — пессимистически роняет английская «Дейли телеграф».

Место либералов занимают «на-

ционалисты и твердолобые технократы». Если же выразаться корrekтнее — просто прагматики. Неужели они всегда будут разделены — прагматизм и гуманизм? И удел либералов лишь оппозиция? И лозунг Гавела, с которым они, либералы, шли — «Правда и любовь победят ложь и насилие» — только иллюзия?

Ну, а что же прагматики?

«Ключ к будущему нашего государства в руках Вацлава Клауса и Владимира Мечьяра». С такой шапкой вышла сразу после выборов газета «Руде право». Как же так? Уходим от тоталитаризма, отдавая в руки ключ к будущему всего двум

Владимир Мечьяр (слева) и Вацлав Клаус

Победители сговориться не могут...

людям? Да тут явно и не один, а два ключа. Клаус выступает, как он выразился, за «разумную федерацию». Мечьяр — за конфедерацию, «за два равноправных субъекта международного права». К этим известным разногласиям добавилось сейчас нечто новое: сразу после выборов Мечьяр выступил с ошеломившим всех заявлением: «Я буду просить свою партию не поддерживать на президентских выборах кандидатуру Вацлава Гавела». И хотя одиннадцать партий, в том числе партия Клауса, эту кандидатуру поддерживают, Мечьяр безапелляционен: «Шансы нынешнего президента минимальны».

Сам Вацлав Гавел заявил, что останется президентом при двух условиях: сохранении единого государства и дальнейшем продолжении начатой экономической реформы. Если эти условия будут соблюдены, если предсказание Мечьяра не сбывается, то как Гавелу, спрашивает польская «Жиче Варшавы», слить «лед» (Клаус) и «пламень» (Мечьяр)?

Похоже, стоит распрощаться с иллюзией, что в Восточной Европе есть некий оазис стабильности, каким виделась до сей поры многим Чехо-Словакия. Как это скажется на самой Европе?.. Добавим к этому еще и маленький «сюрприз», прине-

сенный выборами: если пятипроцентный барьер не преодолели либералы-центристы, то его зато удалось перепрыгнуть правым экстремистам. Впервые Республиканская партия Чехо-Словакии во главе с одиозным Мирославом Сладком, обещающим стране мгновенное наведение «порядка», войдет в Федеральное собрание. Шесть процентов голосов. «Это значит, что шесть процентов чехов проголосовали за фашизм», — заметил по этому поводу один из наблюдателей.

Сладек тут же выдвинул себя в президенты.

«Выборы выявили тягу по сильной руке», — объясняет случившееся руководитель канцелярии президента Карл Шварценберг. И «черно-белое, без полутоннов, видение мира у избирателей», — добавляет министр иностранных дел Иржи Динстбир. «Я давно предсказывал, что придет момент, когда диссиденты станут неудобны, как всякое неприятное напоминание о прошлом», — резюмирует премьер Чехии Петр Питгарт.

Разумеется, избавиться даже от чисто психологического наследия тоталитаризма за два года трудно. Но с тем, что вина лежит лишь на избирателях, а не на избираемых, согласны далеко не все. «Политика — это не театр», — так достаточно жестко выразился профессор-политолог Зденек Млынарж. И в этом выводе не только некий намек на президента-драматурга. Проигравшие, считают многие наблюдатели, расплачиваются и за ошибки правительства, которое возглавляли, и за аморфность своего движения, и за некую беспечность, проявленную в предвыборной борьбе.

Но что характерно? Тон чехо-словацкой прессы, комментирующей итоги выборов, при всем при том менее пессимистичен, чем международной. «Да, потерян центр, — подводит итоги Павел Тигрид, известный писатель, публицист и советник президента, — это плохо, но совсем не означает катастрофы». И потом, если прагматики действительно прагматики, то они должны в конце концов договориться, ведь в их руках само существование государства. Во всяком случае, югославский вариант исключают пока все. «Бархатной» была революция — «бархатным» будет, в крайнем случае, и развод, так здесь говорят.

Инна Руденко,
соб. корр. «Нового времени»

ПРАГА

Драма в четырех актах

После 16-часовой схватки в парламенте правительство Яна Ольшевского пало

История развивалась по законам драматургии. Была в ней интригующая завязка, запутанные перипетии, мрачная кульминация, едва не ставшая национальной трагедией, и неожиданная развязка. Правительство Яна Ольшевского, опиравшееся на весьма устойчивую коалицию незначительного парламентского большинства, с самого начала выглядело обреченным. Сложилась худшая из возможных ситуаций: президент в конфликте с премьером и непредсказуемый, раздираемый противоречиями парламент. А в стране — не только рыночное изобилие (в основном за счет импорта), но и продолжающийся спад производства, рост безработицы. И хотя «есть все», но цены выше европейских, а средне-статистическая зарплата в 8–10 раз ниже. И потому поляк, особенно из бюджетной сферы, сидящий на зарплате, жестоко экономит, чтобы свести концы с концами. Манят витрины, дразнят автосалоны, но если немцу или французу, чтобы купить средний «форд» требуется заработок за 4–5 месяцев, то поляк должен выложить 50, а то и 80 средних зарплат.

Развитие событий в последние месяцы четко укладывается в четыре акта политической драмы.

Акт первый. На дворе май, а бюджет на год не утвержден, программы правительства не имеет. Протестуют учителя, врачи. То там, то здесь вспыхивают забастовки на предприятиях госсектора. И вот в такой беспокойной обстановке министр обороны Парыс, гражданский чиновник, впервые поставленный над военными, полуофициально заявляет, как бы подведя сигнал, о готовящемся государственном перевороте. Поскольку подразумевались генералы «из бывших», сигнал этот побуждал к повальной декоммунизации, подхлестывал «охоту на ведьм». Последовала быстрая реакция президента: требование убрать Парыса с должности министра. Что и произошло, несмотря на сопротивление в правительстве.

Акт второй. Сейм принял резолюцию о рассекретивании тайных архивов спецслужб. Цель — сделать общепризнанным списки секретных агентов бывшей власти на всем протяжении ее правления — с 1946 по 1989

Новому польскому премьеру Вальдемару Павляку 32 года. По образованию он инженер. По политическим убеждениям — представитель интересов польского крестьянства

годы. По некоторым оценкам речь могла идти чуть ли не о двух миллионах человек.

Авторами этой крайне рискованной, морально неоднозначной и далеко идущей акции были министр внутренних дел Мацеревиц и премьер Ольшевский.

Мацеревиц разослал парламентариям серые конверты с грифом «секретно». В них — списки агентов СБ. Был распушен слух, якобы в списках Мацеревица значатся и сенаторы, и депутаты сейма, и ведущие политики оппозиции. Каплю яда добавил неистощимый и злой шутник Ежи Урбан. В своем популярном скандальном еженедельнике «Нет» он призвал всех граждан сосредоточиться над доказательством того, что и министр Мацеревиц — тайный агент. И посулил 50 миллионов злотых тому, кто это докажет.

Словом, в стране разворачивалась страшная кампания — все против всех.

Акт третий. Начался с лаконичного письма Леха Валенсы, направленного вечером 4 июня в парламент: «...Предлагаю немедленно отозвать пана Яна Ольшевского с поста председателя Совета Министров». К тому времени сейм заседал уже часов двенадцать.

Акт четвертый. Парламент, состоящий из двух десятков партийных клубов, группок, независимых депутатов, после письма президента преобразился. Происходил раскол. Христианско-национальное объединение и Соглашение центристских сил собирали вокруг себя сторонников Ольшевского (и Мацеревица, разумеется). Демократический союз Тадеуша Мазовецкого и Яцека Куровя, Польская крестьянская партия, Либерально-демократический конгресс премьера второго посткоммунистического правительства Яна-Кшиштофа Белецкого группировали оппозицию. Здесь же, понятно, оказалась и одна из крупнейших — фракция демократической левицы Александра Квасьневского.

И вот, за несколько минут до часа ночи, уже после 16-часового сражения, оглашаются результаты голосования. За отзыв премьера и выражение вотума недоверия правительству — 273, против — 119, воздержались (в том числе и депутаты от «Солидарности») — 33.

Предложенная Лехом Валенсой на пост премьера кандидатура председателя Польской крестьянской партии Вальдемара Павляка тоже с первого голосования получила необходимое большинство — 261 голос.

Так завершилась парламентская драма, что могла обернуться и национальной трагедией. Недаром на следующий день Адам Михник в своей «Газете wyborczej» написал: «Все это было, как черный сон». Не могу не согласиться с его оценкой, что борьба за власть обрела черты крайней безнравственности и что в случае победы Ольшевского страной уже не правили бы ни президент государства, ни шеф правительства. Настоящую власть держал бы в своих руках министр внутренних дел. Это он выдавал бы свидетельства о политической благонадежности и степени нравственности.

Правительство, которое сформирует, если ему это удастся, первый в новой Польше премьер без «солидарностной» родословной, — ждет нелегкая жизнь. Под знаменами крайне непримиримой оппозиции уже собираются и потерявшие власть, и новые политические объединения, группируясь вокруг Яна Парыса и Яна Ольшевского. Бывший министр обороны, назвав Леха Валенсу «изменником народа», обвинил президента в реставрации старого порядка и призвал к его переизбранию... Словом, борьба продолжается.

Рудольф Борецкий,
соб. корр. «Нового времени»

ВАРШАВА

Войцех Ярузельский:

Мне чужда храбрость петуха

Генерал Ярузельский сдержал слово, данное около года назад: передал «Новому времени» для публикации отрывки из своей новой книги «ВОЕННОЕ ПОЛОЖЕНИЕ. ПОЧЕМУ?». Еще не появившись, книга эта уже оказалась в центре внимания общественности. И в Польше, и в мире есть немало трезвых людей, которые — в противовес тем, кто жаждет суда над Ярузельским, — уверены: генералу будет когда-нибудь поставлен памятник соотечественниками. Ибо это он своею властью и мужеством не только спас страну от «братской помощи», но и подготовил ее переход к мирным, бескровным демократическим преобразованиям.

Рудольф Борецкий,
собр. корр. «Нового времени»

Я прилетел в Москву на XXVI съезд КПСС, который проходил 23 февраля — 3 марта 1981 года. В докладе, с трудом прочитанном Леонидом Брежневым, и позднее в дискуссиях настойчиво подчеркивалось «нерушимое единство» социалистических стран. Говорили об ограничении вооружений, о смягчении конфронтации.

В кулуарах съезда я встречался с маршалами, генералами, офицерами, которых знал много лет. Поведение их было двойственным. Вроде бы, как и прежде, сердечны. Вспоминали общие солдатские будни. Но как только разговор заходил о Польше, сразу деревенели

Я вспоминаю советские танки

...Мое отношение к России, к гражданам Советского Союза, теперь уже бывшего, пережило долгую эволюцию. Я не из книжек узнал жизнь простых людей этой страны, их тяжелый, временами каторжный труд, их жертвенность в тылу и героизм на фронте. Но главное — узнал их душу, русский менталитет, характер, обычаи, литературу. Патология системы — это одно, люди — совсем иное. В конце концов, это они первыми стали жертвами сталинизма.

Случай распорядился так, что я оказался на русском фронте, а не на другом, и с него возвращался в Польшу. Именно эта дорога на родину — как бы странно это ни показалось — освободила меня от односторонности оценок, от антирусской и антисоветской идиосинкразии.

В 1942 году Ксаверий Прушиньский писал в лондонских «Вядомосьцях Польских»: «Поляки в Польше, помните о кресте в Тоцком, когда думаете о поляках в России. Этот крест-символ простерся над всеми безымянными могилами, разбросанными на чужой земле. Он восстал из бед, страданий и мук поляков. Он вытесан из древа польского рабства, несправедливости, но он вознесся также и в знак прощения. Поляки, взявшись за оружие, чтобы на русской земле рядом с русским солдатом сражаться против немцев, недаром воздвигли этот огромный, величественный памятник как символ прощения, символ единения. Крест высекали они из того, что пережили сами. И как самую большую человеческую жертву принесли пережитое на алтарь Польши. Жертву испытанной сполна несправедливости, горечи, унижения. И уходя из этой чужой земли, оставили этот след мира и прощения, чтобы из него возродился мир и между двумя народами».

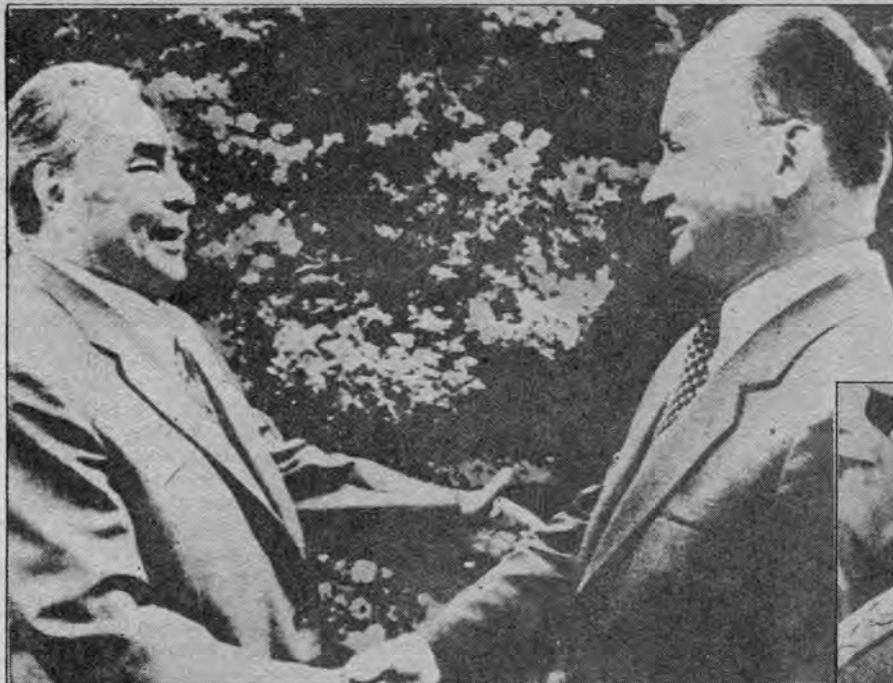
Стоит припомнить и слова Циприана Камила Норвида: «Если поляки не способны или не хотят сделать врагов Отчизны хотя бы сносными соседями, то все впустую».

Для многих моих соотечественников все «русское», «советское» ассоциируется прежде всего с несвободой. Мне же на память каждый раз приходят... советские танки. Впервые я их увидел еще мальчишкой в сентябре 1939-го, когда скрывался в лесах под Гродно. Помню отвратительный скрежет гусениц, наводящий ужас грохот орудийных залпов, кровь, тела убитых польских солдат. Потом видел советские танки на фронте: они спасли мне жизнь. А после войны вместе с польскими танками они стояли на страже наших границ. И было бы страшной трагедией, окажись они на польской земле сейчас — с иной целью, с иной боевой задачей.

Сегодня смелость выступать по поводу так называемых советских проблем не просто упала в цене, она раздается даром. Идет бойкое состязание, как бы побольнее ударить рухнувшего колосса. Те, кто еще совсем недавно смотрели на него с подобострастием или, во всяком случае, с почтением, внезапно почувствовали прилив храбрости.

...Все эти десятилетия я был убежденным сторонником тесного союза и дружбы с СССР. Считал это оптимальным вариантом для Польши. И сегодня не намерен отказываться от прежних взглядов. Было бы

XXVI съезд КПСС. При встрече с Ярузельским Брежнев еще радушно улыбается... Но министр обороны Устинов смотрит на будущее мрачно

это и конъюнктурно, и неискренне. Мы должны, перефразируя слова мудрого Урхо Кекконена, «иметь друзей и далеко, и близко», и на Западе, и на Востоке. Впервые история дала нам такой шанс, и мы не можем его упустить.

«Мы переводим 100 миллионов долларов»

Многoletний опыт позволяет сделать еще один вывод. На то, что происходит в странах соцлагеря, Советский Союз реагировал весьма неоднозначно: все зависело от характера событий и сил, за ними стоявших. Если даже самая взрывоопасная ситуация возникала на социально-экономической почве, советское руководство занимало умеренную позицию.

...Декабрьские события 1970 года в Польше. На первый план вышли материальные требования. Это было стихийное возмущение рабочих при отсутствии организованной политической силы. И советское руководство тогда решительно высказалось за политическое решение проблемы, что подтверждено в письме Политбюро ЦК КПСС в адрес Политбюро ЦК ПОРП.

Убедился я в этом лично. Утром 19 декабря мне позвонил маршал Андрей Гречко, министр обороны СССР. Спросил мое мнение о развитии ситуации. Я постарался его успокоить. Гречко, а он говорил, безусловно, не только от своего имени, отнесся с пониманием к тому, что тут нужны исключительно политические решения.

Другой пример: Лодзь в феврале 1971 года. Волна забастовок, протесты, требование отменить повыше-

ние цен, объявленное в минувшем декабре. Переговоры Ярошевича, тогдашнего шефа общепольских профсоюзов Кручека, Шидляка и других с бастующими результатами не принесли. (Ярошевич в 1981 году польский премьер, Шидляк — член руководства ПОРП. — Ред.). Собралось Политбюро. Что делать? Заморозить цены — значит увеличить бюджетный дефицит, вконец разбалансировать экономику. Кто-то предложил обратиться в Москву. Ярошевич вышел, вернулся через 15 минут: «Я говорил с Косыгиным. Советское правительство переведет на польский счет в одном из швейцарских банков 100 миллионов долларов». Тогда эта сумма значила гораздо больше, чем сейчас. В итоге повышения цен мы избежали.

Следующая ситуация — 1976 год, Радом, Урсус. Вопрос о повышении цен снова на повестке дня. Через несколько дней в Берлине начнется совещание руководителей коммунистических и рабочих партий. Со слов Бабюха (в 1976 году — член руководства ПОРП. — Ред.) знаю, что состоялась встреча польской и советской делегаций. Герек проинформировал, что мы все-таки намерены, хотя и в меньших масштабах, цены поднять. Брежнев выразил решительное неодобрение. Советское руководство опасалось, и не без оснований, что этот шаг повлечет за собой новый взрыв...

Наконец, август—сентябрь 1980-го. Польские события приобретают тревожный для советского руководства оттенок. Но пока они воспринимаются только как протесты экономического плана. Появился, правда, подозрительный профсоюз, но есть надежда, что его требования не выйдут за рамки социально-бытовой сферы. Мы и на этот раз получили от Москвы внушительную материальную и финансовую помощь...

Вернемся к событиям 1956 года. Польский октябрь вызвал тогда острую, гневную реакцию Хруще-

ва. Были признаки военных приготовлений... Затем — Венгрия 1956-го, Чехословакия 1968-го. Совсем иное поведение Москвы. Безоговорочное, однозначное неприятие. Почему? Да потому, что включились уже не экономические, а политические факторы. Более того, за политическими процессами стояли организованные мощные силы оппозиции, к тому же с явно антисоветской подоплекой. Отсюда и наши собственные опасения в связи с перерождением «Солидарности» в политическое движение с новыми притязаниями: на этом уровне советская лояльность исчерпывалась.

«До сих пор не арестованы»

Во время XXVI съезда в Москве я встретился с премьером Тихоновым. Представил ему целый пакет наших хозяйственных проблем. В ответ услышал, что невзирая на внутренние трудности, испытываемые Союзом, нам будет оказана помощь, что договоренности и обязательства в отношении Польши будут выполнены. Советский экспорт будет на кредитных условиях увеличен в сравнении с планом. Тихонов с беспокойством расспрашивал о развитии ситуации в стране. Сожалел по поводу антисоветских выступлений. Не скрывал, что это может наложить негативный отпечаток на наши экономические отношения.

ОСЕНЬ 1980 ГОДА. Пока дело ограничивается молебнами на гданьской судоверфи и экономическими требованиями, Москва беспокойства не проявляет...

Я пытался объяснить, что такого рода факты имеют давние исторические причины, что в целом они носят преходящий характер. Тихонов держался корректно, выслушивал мои аргументы с вежливым вниманием. Чувствовалась хорошая «школа» Косыгина. В хозяйственных вопросах мой собеседник был чистым прагматиком, но к партийным решениям относился, как и другие, набожно. Неудивительно, что и в нашем разговоре постоянно подчеркивал зависимость экономических вопросов от политических. Если не будет дан отпор «ползучей контрреволюции», то не стоит рассчитывать на успех в преодолении экономических трудностей. Я, напротив, убеждал, что до тех пор, пока не поправится экономическая ситуация, не будет шансов и на восстановление политического доверия, на стабилизацию. Тихонов настаивал: чтобы оздоровить экономику, надо сначала овладеть политической обстановкой, расправиться с противником.

В дни съезда КПСС из Польши приходили новые вести. Некоторые центры «Солидарности» опротестовали выступление Станислава Каня. По сложившемуся стандарту он поздравил участников форума «от имени польского народа». Протест вызвали именно ссылка на польский народ и тезис о «контрреволюции». Узнав об этом, в Москве вознегодовали. В наших переговорах с Тихоновым появилась неприятная нота. Он холодно заметил, что каждый ответственный советский работник с тревогой следит за развитием конфликта в Польше. Тогда я эти слова воспринял как моральную оценку происходящего. Будущее показало,

что в них звучало предупреждение.

4 марта состоялась встреча польской делегации с советским руководством. Сначала слово взял Брежнев, за ним Устинов, Сулов, Андронов. Общая интонация: беспокойство по поводу ситуации в Польше нарастает. Контрреволюционные силы действуют безнаказанно. Происходят нелегальные митинги и съезды, например съезд крестьян-единоличников. Михник, Куронь до сих пор не арестованы. Эти два имени, а также имена Валенсы и Мочульского упоминались в разной очередности, с разной степенью неприязни, но практически во всех наших беседах с советскими руководителями. Признаюсь, кроме Валенсы, которого мы старались, в общем, щадить, остальных и сами осуждали весьма резко. Однако избегали разговоров об арестах. Выглядело бы красиво, если бы я сегодня сказал, что делали мы это из гуманитарных побуждений или уважения к праву. Отнюдь. Не хочу «облагораживать». Просто мы были убеждены, что политика репрессий вызовет в обществе реакцию прямо противоположную, обострит конфликт.

Нам говорили: хорошо, что во главе правительства стоит генерал, но в стране по-прежнему сохраняется двоевластие: снова уступки, хотя бы вот в случае со студентами. У советских лидеров были ко мне претензии по поводу студенческих забастовок в Лодзи, которые удалось погасить лишь ценой некоторых компромиссов, не приветствуемых в Москве: касалось это преподавания русского языка, военной подготовки студентов, регистрации их Независимого союза. В конце

концов, заявляли нам, происходящее в Польше наносит вред и другим социалистическим странам. Морская граница открыта, с Запада могут переправлять оружие. Пора принимать решительные меры, переходить в контрнаступление...

Почему оправдывались?

От нас сначала выступил Каня, затем я. Главный акцент наших возражений: ключ к разрешению проблем лежит в восстановлении доверия общества к власти, к партии. А найти общий язык с массами трудно, во-первых, потому что мешают прошлые грехи, во-вторых, оппозиция не дремлет, в-третьих, ситуация в экономике катастрофична. Необходимы время, выдержка и кропотливая работа, поэтому тактика активной обороны лучше хаотичных атак. Мы вполне отдаем себе отчет в том, насколько важное место занимает Польша в военно-политическом блоке соцстран. Если ситуация примет опасный характер, мы будем готовы справиться с ней, даже за счет чрезвычайных шагов. Наши заверения были восприняты весьма сдержанно. По лицам, жестам, холодному прощанию стало ясно: обстановка явно «osloznilas».

До сегодняшнего дня приходится слышать: почему вы позволяли себе выслушивать все эти претензии, обвинения? С какой стати объяснялись, оправдывались? Почему все время находились в позиции защищающихся?

Мне всегда была чужда храбрость петуха, который наутро отправится под нож со всем своим выводком. Но не близка мне и поза страуса, полагающего, что как-нибудь «рассосется». Старался никогда не забывать, что между страхом и бравадой есть широкое поле для отваги и здравого рассудка. Тогда действительно речь шла о «ставке большей, чем жизнь» — о судьбе Польши. Ни Каня, ни я не можем себя ни в чем упрекнуть. Ни наше личное достоинство, ни интересы государства не были задеты. Но ведь совершенно очевидно, что слабый говорит слабым голосом. Он может и на крик сорваться, только отзвук все равно будет приглушенным, едва заметным. Да и сегодня мы разве говорим громко? Грудь колесом и надувание щек производят впечатлительные все реже. Мы просто слабы и бедны. Мы нуждаемся в поддержке, в нас же нуждаются все меньше. А ведь положение десять лет назад

было много хуже, иной была расстановка сил в мире. Мы с геополитической точки зрения находились в самой сердцевине железного обруча. Сердцевина мягкая, а обруч твердый. К тому же постоянно протянутая рука: дайте, помогите, поддержите, ибо идем на дно. Простите, что не поставили уголь, но подкиньте мяса, сигарет, стирального порошка. Тот, кто просит, всегда в невыгодной позиции. Вот и мы вынуждены были выслушивать. Не первые и не последние.

Историки, например, хорошо знают, как обходились с нами французы в эпоху Варшавского княжества. Как наполеоновский маршал Луи Даву строго указывал, можно сказать, отчитывал, некоторых наших политиков, министров и генералов, не исключая и Яна Генрика Домбровского. А каким тоном изъяснялся Черчилль с генералом Сикорским, не говоря уже о Миколайчике? (Сикорский, Миколайчик — члены польского правительства в эмиграции в годы второй мировой войны. — *Ред.*) Вывод один — не быть слабым, чтобы не сдаваться на чужую милость.

«Корона» Варшавского Договора

...В официальном сообщении о наших переговорах появилась знаменательная фраза: «Социалистическое сотрудничество нескрушимо, и его защита есть не только внутреннее дело каждого государства, но их общее дело». Наши попытки дать свою редакцию этого текста успеха не имели. Передача прессы окончательного варианта оставалась за принимающей стороной. В сущности, здесь нашла свое подтверждение «доктрина Брежнева». А с трибуны съезда на весь мир прозвучало: «Польские коммунисты, польский рабочий класс, трудящиеся этой страны могут твердо положиться на своих друзей и союзников. Социалистическую Польшу, братскую Польшу мы в беде не оставим и в обиду не дадим».

Я несколько раз встречался с Збигневом Бжезинским. Последний раз год назад в моем доме. Нас многое разделяет. Но я ценю его знания, политический темперамент, а более всего его интерес к Польше и вообще к восточным проблемам. Его многочисленные выступления, особенно последнего времени, цитируются сегодня чуть ли не колено-

13 ДЕКАБРЯ 1981 ГОДА. Экономические требования сменились политическими, и генерал Ярузельский предпочел, чтобы на улицах Варшавы появились польские танки...

Фото из журнала «Шпигель»

преклоненно. Но стоит припомнить и более ранние его публикации. Например, в книге «Единство и конфликты» (Лондон, 1961) он пишет: «Враждебно настроенные к коммунизму и России поляки не должны забывать, как выглядела бы Польша в рамках западного блока. Она со всей очевидностью занимала бы в нем место далеко позади Америки, Германии, Франции, Италии и многих других стран. Принимая во внимание то значение, которое Америка придает Германии, Польша была бы заранее обречена на поражение в любом польско-германском конфликте. В социалистическом лагере пропорции совершенно иные. Польша — крупнейшее государство народной демократии, третье после Советского Союза и Китая, второе в Европе».

Еще примечательнее то, что написал тот же автор 25 лет спустя. В книге «План игры» (Лондон, 1987), говоря о значении Польши для Советского Союза, для Варшавского Договора, он назвал ее **осевым** государством. «Роль осевого государства определяется его геополитическим положением, оказывающим политическое либо экономическое влияние на весь регион; роль его может определяться также геостратегической позицией, что важно с военной точки зрения». И дальше: «Господство над Польшей дает Советам ключ к контролю над всей Восточной Европой... Геостратегическое положение Польши заключается не только в том, что она расположена на пути в Германию. Владея Польшей, Москва увереннее контролирует ситуацию в Чехословакии и Венгрии, а также изолирует

от западного влияния нерусские нации советской империи. Более самостоятельная Польша ослабила бы контроль за Литвой и Украиной... 37-миллионная Польша, — пишет дальше Бжезинский, — самая крупная из восточноевропейских стран, находящихся под советским господством, а ее вооруженные силы — самая мощная из несоветских армий Варшавского Договора. Москве дорого обходится осевая позиция Польши, но еще дороже стоила бы ее недооценка».

Бжезинский знает что говорит. И говорит это во второй половине 80-х годов. В 1981-м его слова имели бы, вероятно, еще большую силу. Я, во всяком случае, это осознавал в полной мере. Сказал бы даже так: ГДР в Варшавском Договоре была «жемчужиной в короне», а «коронной» — Польша. Очевидный довод: Берлинская стена рухнула только после того, что произошло в Польше.

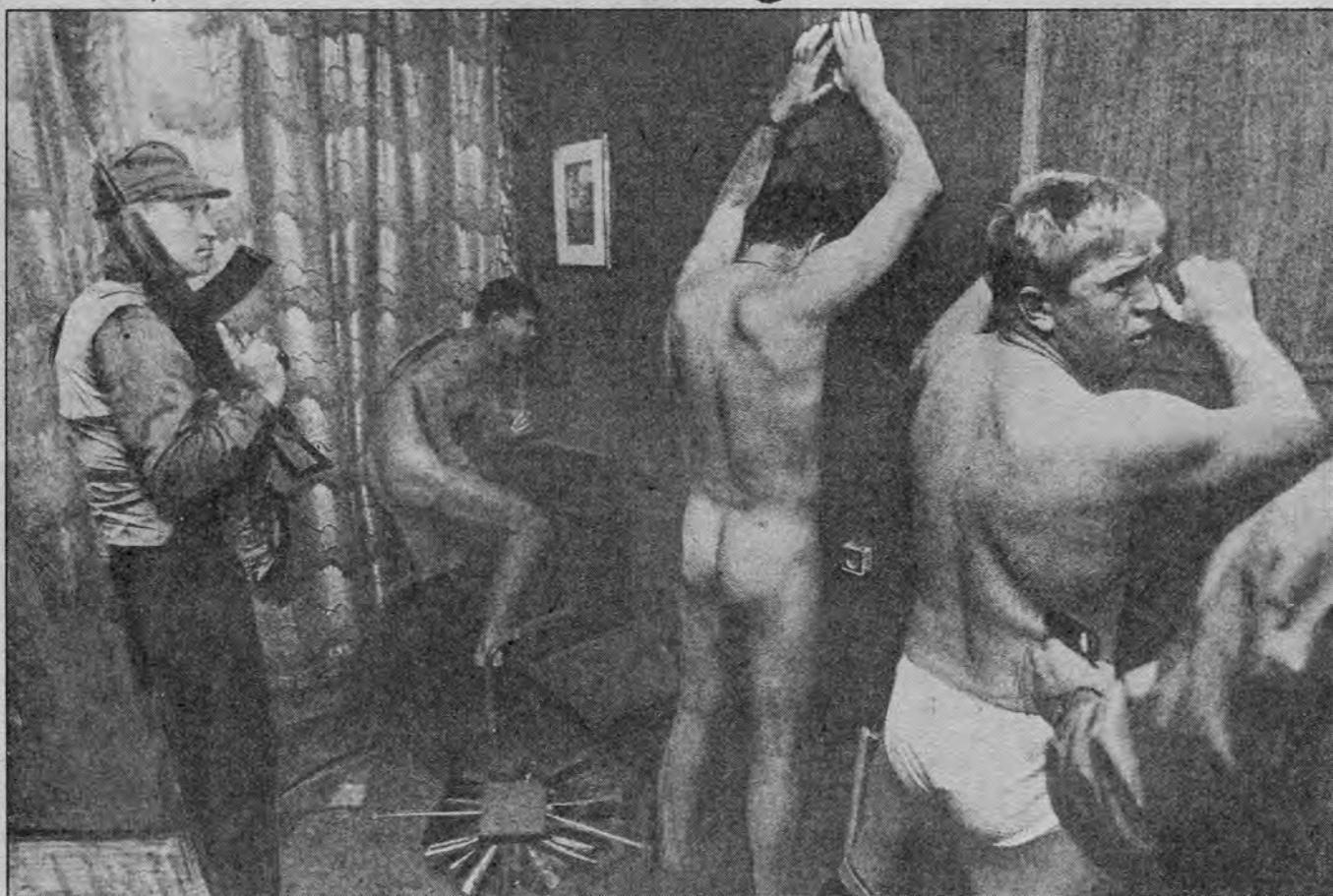
Логика послевоенного раздела мира была однозначна и, я бы сказал, беспощадна. В Тегеране, Ялте, Потсдаме было сказано «А» и, пока не наступил исторический перелом эпохи Горбачева, следовало жить по законам «Б». Советские генералы тоже умеют читать карты. И под этим углом рассматривали польские проблемы. Возможно, будь я на их месте, мой угол зрения был бы аналогичным. Кто и теперь этого не понимает — либо политический невежда, либо политический манипулянт.

...Для меня же, в конце концов, важен не приговор политиков. Важен был и будет — суд польских матерей. Их сыновья вернулись домой живыми.

ТРЕТЬЯ КОРЗИНА

ПРЕСТУПНОСТЬ

РЭКЕТ

В комфортабельной сауне, с пивом и девочками праздновали очередной успех рэкетир из «казанской» группировки Санкт-Петербурга...

В США рэкетирам платил даже Голливуд. В Японии перед ними трепещут президенты крупных компаний. В России «мальчики в кожанках» просто делают что хотят...

РОССИЯ:

Тридцать «лимонов» для Жоры-Людоеда

Олег Иванов

Жору-Людоеда и семерых его сообщников арестовали с поличным напротив здания Моссовета. Жора (он же — особо опасный рецидивист с 30-летним стажем Николай Евдокимов) вымогал 50 миллионов у генерального директора малого предприятия «Мосавтосервис». Причем не наличными, а требовал перечислить сумму на счет некоего товарищества с ограниченной ответственностью «Наташа». Рэкетиремый гендиректор таких денег пока не заработал, но объяснить это Жоре-Людоеду, получившему свое прозвище за редкую даже по меркам уголовников жестокость, было не просто. После долгих уговоров Жора снизил сумму «отступных» до 30 миллионов.

В назначенный час бандиты на трех «мерседесах» подкатили к памятнику Юрию Долгорукому на Советской площади, где и были «взяты» при получении копии платежного документа из рук жертвы.

Теперь, многократно судимый за грабежи и разбой, Жора коротает время в Матросской тишине — как крупного преступного «авторитета» его поместили в одиночную камеру. По всей видимости, он вскоре получит свои десять лет и отправится отбывать очередной срок на особый режим.

Безнаказанность, с которой действовал Жора, заставляет задуматься. Видимо, в голове у него просто не укладывалось, что директор «Мосавтосервиса» обратится по помощи к милиции. Надо признать, что основания для подобных умозаключений у Людоеда имелись.

«Дань» по любви

По данным социологических опросов, проведенных службами МВД и министерства безопасности, около 80 процентов подвергавшихся рэкету российских предпринимателей предпочли в правоохранительные органы не обращаться. Это подтверждает и статистика: в 1990 году в России было возбуждено всего лишь 4992 уголовных дела по статье 148 УК Российской Федерации — «вымогательство», а в 1991 году и того меньше — 4592. Многие коммерсанты не только не верят в эффективность работы милиции и

службы безопасности, но и боятся, что станут объектом мести оставшихся на свободе сообщников. Справедливости ради следует заметить, что по крайней мере в Москве случаев мести пока не было.

Есть и еще одна причина, по которой коммерсанты, регулярно платящие «дань», стараются этого не афишировать. Характер взаимоотношений коммерсантов и рэкетиров зачастую устраивает обе стороны.

25-летний Дмитрий (фамилию просил не называть), владелец нескольких коммерческих магазинов на юго-западе Москвы, рассказал мне, что не стал ждать, пока к нему «придут», а первым пошел на контакт с рэкетиром и попросил их «взять шефство» над своими «объектами». За два года совместной «работы» между ним и боевиками сложились почти дружеские отношения. Дмитрий платит «за охрану» в месяц по 5 тысяч рублей с «точки», что значительно меньше суммы, которую ему пришлось бы платить, если бы к нему «пришли». Бывает, он опаздывает с выплатой на два-три дня — магазинный бизнес уже не приносит таких баснословных доходов, как раньше, — но «ребята» относятся с пониманием: серьезных претензий не высказывают и даже предлагают денег займы. В то же время надежная защита с их стороны ему обеспечена — в этом он однажды лично смог убедиться.

Августовским днем в его магазин вошли трое ребят «кавказской национальности». Своеобразная униформа — спортивные костюмы, кожаные куртки — не оставляла сомнений в роде занятий визитеров. «Здесь наша территория. Будешь платить нам четверть с прибыли», — заявили они. «Разборка», назначенная на следующий день возле злополучного магазина, в которой, по рассказам очевидцев, все было словно из крутого американского видеобоевика — перестрелка, мордобой, разбивающиеся вдребезги витрины и ужас в глазах случайных прохожих, — увенчалась полной победой прежних «покровителей». Кавказцы, истекая кровью, ретировались. А милиция (милицейское отделение находится в трех минутах ходьбы от места происшествия) подоспела через сорок минут после того как все закончилось.

Рэкет — явление в России не новое. Раньше это называлось

проще и, по мнению некоторых специалистов, точнее: вымогательство. Статья 148 существует в уголовном кодексе Российской Федерации с незапамятных времен. Вымогательство существовало и раньше, но носило такие размеры, что с этим вполне справлялась милиция.

Всплеск подобного рода преступлений последовал за принятием закона «О кооперации», фактически положившим начало частному бизнесу в СССР. Предпринимательство было разрешено официально, однако всеобъемлющей налоговой службы создано не было. Этим и пользовались расплодившиеся вымогатели — собирая с кооператоров «налоги», они по сути присвоили себе роль, которую в цивилизованных странах выполняет государство. В министерстве безопасности убеждены: будь у нас в то время эффективная аудиторская служба, рэкетирам было бы значительно труднее собирать «дань» с клиентов. Ведь в этом случае фирме, отдавшей или, наоборот, получившей деньги, по каждому эпизоду пришлось бы объясняться с налоговым инспектором и подробно отвечать на вопросы: откуда? куда? за что?

«Робингуды» наших дней

Надо признать: ненависть к кооператорам росла в народе прямо пропорционально падению общего уровня жизни. А потому симпатии большей части населения оказались на стороне рэкетиров, всячески старавшихся со своей стороны поддерживать имидж этаких «робингудов». Люди, открыто симпатизирующие рэкетирам, — нередкое явление и сегодня.

На смену примитивному или, как его еще называют, «бытовому» рэкету приходят более сложные, изощренные его формы. К примеру, организация-учредитель облагает учрежденное им малое или местное предприятие «данью», в противном случае отказываясь предоставлять оборудование, сырье или грозя «перекрыть кислород» другими способами.

Многие рэкетирские действия сейчас совершенно официально. Для этого бывает достаточно одного — зарегистрироваться как кооператив по охране. В одном из районов Москвы такой кооператив собрал сведения обо всех коммерческих структурах своего района, после чего бравые ребята настойчиво пытались втолковать местным коммерсантам, что охрана им просто необходима. Непонятливыми демонстрировали это на конкретном примере. В соседнем районе другая организация точно так же навязывала свои услуги по страхованию имущества

Укоренившееся в обществе мнение о неэффективности правоохранительных органов приводит к тому, что сейчас к услугам боевиков прибегают даже вполне уважаемые фирмы, когда необходимо «выбить» долг из партнеров по бизнесу.

По оперативным данным МВД, в России в настоящее время действуют 2600 преступных групп, большинство из которых помимо всего прочего занимаются и рэкетом. В Москве таких группировок около ста. Многих мафиозных лидеров на Петровке, 38 неплохо знают и, как правило, ищут лишь удобного случая, чтобы «взять в разработку».

Гораздо больше волнуют оперативников так называемые «гастролеры»: совершив преступления в Москве, они скрываются в одном из суверенных государств СНГ. В министерстве безопасности корреспонденту «НВ» посетовали, что нынче российским органам легче договориться о выдаче преступника с какой-нибудь Швейцарией, нежели с бывшей союзной республикой.

И все же главное, на что сейчас обращают внимание специалисты по борьбе с организованной преступностью, — это очевидные прорехи нашего уголовного законодательства. Сегодня оно во многом напоминает недавний «японский вариант»: члена преступной группировки можно судить лишь за конкретные деяния. Принадлежность к мафии сама по себе преступлением не является.

Сейчас в Тимирязевском суде Москвы слушается дело группы рэкетиров из Дагестана, вымогавших у председателя кооператива 20 тысяч рублей. Наводчиком у них был бывший сотрудник того же кооператива, проворовавший и уволенный. «Исполнители», видимо, скоро будут осуждены, а организатор останется на свободе.

В беседе с мной сотрудники МВД и МБ с тоской вспоминали шумевший в свое время процесс над четырьмястами итальянскими мафиози, который стал возможен лишь благодаря тому, что основного свидетеля обвинения по закону освободили от уголовной ответственности. Есть и более свежие примеры: процессы над Джоном Готти, главой «Медельинского картеля» Пабло Эскобаром, панамским диктатором Мануэлем Норьегой. Во всех случаях свидетели обвинения либо получали существенное смягчение наказания, либо освобождались от уголовной ответственности вообще. По российским законам, подобный компромисс следствия и последственного невозможен. А значит, практически нет и шансов засадить на скамью подсудимых главных организаторов преступлений.

Мафия бессмертна?

США:

Вилли едет в Голливуд

Евгений Русаков,
собственный корреспондент
«Нового времени»

В Бруклинском федеральном суде проходил судебный процесс, не уступающий самым захватывающим гангстерским фильмам. Элегантно, с ног до головы облаченного в лучшие произведения портняжного искусства, невозмутимого «аристократа» от мафии Джона Готти с потрохами выдавал его «подельник» — небольшого роста и простецких манер крепшш с горящим наглым взглядом. Сальваторе Гравано до ареста был правой рукой «крестного отца». 2 апреля главарь крупнейшего в Америке мафиозного «семейства» Готти был признан виновным по всем пунктам предъявленных ему обвинений в рэжете.

В графе «рэкет» числились такие преступления, как убийство прежнего главаря банды Пола Каstellано и других менее «заслуженных» лиц, незаконный игорный бизнес, ростовщичество, воспрепятствование правосудию и попытка подкупа полицейского сыщика. В ходе процесса упоминался и рэкет в нашем понимании — вымогательство с применением силы или угрозой ее применения, но отдельные обвинения не были выдвинуты. И это символично: вымогательство занимает сейчас в преступном бизнесе важное, но относительно скромное место, уступая другим более прибыльным видам криминальной деятельности, прежде всего торговле наркотиками.

Тем не менее именно американскому уголовному миру принадлежит пальма первенства в налаживании организованного вымогательства и шантажа. Америка обогатила английский и другие языки новым понятием — рэкет. Это слово первоначально означало здесь «шумное веселье» и лишь в двадцатые годы обрело новый смысл. Для американских гангстеров рэкет означал не только вымогательство, но практически все виды организованного преступного бизнеса, начиная от нелегальной торговли спиртным и кончая проституцией.

Рэкет с его атрибутами — убийствами, поджогами, похищениями заложников, избиваниями и тому подобным — зиждился на местных этнических бандах. Прибыв в Новый Свет, иммигранты — ирландцы, восточноевропейские евреи, итальянцы — оказывались на «дне»: без денег, без работы и зачастую без знания языка. Одним из немногих путей быстро выбиться в «люди» было занятие уголовщиной. Тогдашняя ситуация чем-то напоминала нашу

эпоху судорожного перехода к рынку: царил культ обогащения любой ценой и самого кондового индивидуализма.

К концу прошлого века взимание мзды с торговцев за «патронаж» стало традицией. Как выразился американский ученый Мюррей Гэрфин, рэкет стал «естественным эволюционным продуктом свободного предпринимательства в чистом виде».

«Уличный налог»

Переломными для преступного мира стали годы после первой мировой войны.

Высшее проявление идиотизма в виде «сухого» закона стало катастрофой для американского закона и морали не в меньшей мере, чем указ о «трезвости» для нашей экономики. Миллионы американцев, не желавших отказать себе в удовольствии выпить, в мгновение ока превратились в мелких преступников. Но так как человеческая натура, что они получали как бы двойное наслаждение — от самой выпивки и в придачу от возможности плевать на закон.

Уголовный мир стал бурно расти на дрожжах нелегального самогонварения, контрабанды и торговли спиртным. Особый талант проявили главарь итальянских банд в тогдашней мировой столице преступности — Чикаго. «Первопроходцем» считается Джонни Торрио, которого после его бегства в Нью-Йорк сменил знаменитый Аль Капоне. Они сделали для преступного мира то, что Генри Форд сделал для промышленности введением конвейера — применили новые эффективные методы организации «производства».

Из сугубо местных банд, каждая из которых занималась многими видами преступного бизнеса, была создана стройная городская, а затем всеамериканская система по типу корпорации с элементами организации сицилийской мафии.

Деятельность мафиозных «семейств» была построена по корпоративному принципу разделения операций: одни отвечали за алкоголь, другие — за проституцию, третьи — за азартные игры. Рэкет был важной частью: владельцы подпольных питейных заведений, публичных домов и прочих значных заведений платили не только за «товар», но за «патронаж» со стороны мафии. Практика сбора «уличного налога» остается в Чикаго до сих пор.

После отмены антиалкогольного закона в 1933 году главные гангстерские банды организованно отступили на заготовленные позиции — в игорный бизнес основанного чикаг-

Джон Готти в своем любимом нью-йоркском ресторане «Риджина». Когда босс был в настроении, он раздавал чаевые стодолларовыми бумажками

скими мафиози Лас-Вегаса, в торговлю наркотиками.

Тогда же достиг своего зенита в Америке и рэкет в нашем понимании этого слова. При этом главным оружием мафии стали коррумпированные профсоюзы, через которые мафия шантажировала предпринимателей и рабочих, срывала забастовки и даже наживалась за счет снижения зарплат членам этих лжепрофсоюзов.

Деньги — в номер

В 1932 году один из главарей нью-йоркской организованной преступности «Датч» Шульц придумал стройность системе рэкета владельцев ресторанов и кафе, организовав их городскую ассоциацию. Она объединила девять десятых всех заведений. Владельцы платили 250 долларов как вступительный взнос, еженедельную мзду в 5 долларов плюс по специальному тарифу за срыв забастовок и укрощение профсоюзов. Шульц собирал около миллиона долларов в год (а тогдашний доллар стоил раз в десять больше нынешнего).

В швейной индустрии вымогательством и наведением «порядка» среди членов профсоюзов занимались Гурра и Луис (Лепке) Бучалтер. Итальянская мафия в то время отставала в Нью-Йорке от еврейской. Рэкетом она занималась в портах.

Пожалуй, звездным часом рэкета в

Америке стала афера «дружной» команды в составе гангстера Вилли Биоффа и продажного профсоюзного деятеля Джорджа Брауна. С помощью Аль Капоне они захватили под свой контроль профсоюз работников сцены в масштабах всей страны. Ежегодно мафия обогащалась на два миллиона долларов.

Преступникам удалось «потрясти» даже Голливуд. Шантажировав крупнейшие кинопрокатные организации угрозой забастовки киномехаников, они подучили 50–100 тысяч долларов от каждой из них. Президенты компаний «XX век — Фокс» и «Лоуз» лично принесли в номер нью-йоркской гостиницы Биоффу и Брауну атташе-кейс с 75 тысячами долларов и вынуждены были с отвращением наблюдать, как вымогатели пересчитывали зелененькие, вывалив их на кровать.

После войны ореол рэкета в чистом виде несколько потускнел в глазах главарей организованной преступности. Ряд успешных операций против мафии провел Федеральное бюро расследований. За решеткой закончил свой криминальный жизненный путь Аль Капоне, а Лепке угодил на электрический стул. По обвинению в неуплате налогов упрятали в тюрьму грессмейстеров рэкета Биоффа и Брауна.

Но главным было другое: Америка вступила в эпоху «общества по-

требления». А потребление не ограничивается качественным питанием, домом, машиной и рок-музыкой. Американцы стали больше тратить денег на те продукты и услуги, которые лежат за пределами закона и представляются подпольно, — наркотики, проститутки, порнография, азартные игры. Торговля же одурманивающим зельем приносит миллиарды долларов дохода.

Наконец, не только в лентах «Спрут-4» или «Крестный отец-3», но и в реальной жизни организованная преступность стала вкладывать капиталы в законный бизнес. Гангстерские методы удушения конкурентов и профсоюзов ничуть не мешают такому бизнесу, который временами переплетается с обыкновенным рэкетом. В первой половине 80-х годов Энтони Салерно и его коллеги по «семейству» Дженовезе собирали двухпроцентный налог со всех поставщиков бетона на строительство небоскребов. Нарушителей конвенции карали лишением бетона или транспорта.

Особенно ярко различая между примитивным, «пролетарским» и профессиональным «деловым» подходом проявились в деятельности двух крыльев мафиозного «семейства» Гамбино.

Несмотря на свои аристократические замашки, Джон Готти остался недоучкой, матерщинником и при-

митивным уголовником. Его «предпринимательская» философия была проста: «Если партнер не согласен с нами, мы его убиваем». В «добрые старые времена», до того, как Гравано угодил за решетку, он доставлял своему боссу ежегодно миллион двести тысяч долларов от рэкета в строительном бизнесе.

Другое крыло представляют братья Гамбино — Томас и Джозеф. Их отец Карло долгое время возглавлял это крупнейшее в стране мафиозное «семейство», его сменил дядя братьев Гамбино — Пол Каstellано. Он проповедовал «деловой подход», при котором легальный и преступный бизнес переплетаются и гангстеры предпочитают припугнуть, нежели заниматься «мокрыми» делами.

Каstellано был убит в декабре 1985 года среди бела дня в центре Манхэттена по приказу рвавшегося к власти сторонника голой силы Готти.

Этот примитивный Готти

Братья Гамбино контролировали 60 процентов грузовых компаний, обслуживавших швейный бизнес в Нью-Йорке. Каждый получал легальную зарплату — два миллиона долларов в год. Доход принадлежавших Гамбино фирм составил за последние три года 35 миллионов.

Когда власти все-таки добрались до братьев, им не удалось обнаружить никаких пикантных уголовных деталей, которыми изобиловало кровавое прошлое Готти. В конце концов Томас Гамбино в ходе судебного разбирательства пошел на сделку с властями: он признал себя виновным в незаконной монополизации транспортного обслуживания швейников, согласился выплатить 12 миллионов долларов и полностью отказаться от своего грузового бизнеса. Но обвинения в рэке он отверг полностью, и следствию придется туго с доказательствами.

В последние годы американским бюстителям закона удалось внести серьезное замешательство в ряды мафиози, отправив на скамью подсудимых многих главарей «семейств» и их подручных из числа профсоюзных бонз. Это помогло ослабить и рэкетный бизнес.

Мафия почти изничтожена в Филадельфии, Лос-Анджелесе, Детройте, Бостоне, Кливленде. Главарь четырех из пяти нью-йоркских «семейств» — в тюрьме или под следствием. Три банды — Бонанно, Колombo и Люккесе — почти сведены на нет, а теперь крупные потери понесло и «семейство» Готти. В силе остается лишь банда Дженовезе.

Недавно после двухлетней полицейской операции с широким использованием агентуры нью-йоркские власти добрались еще до одного оплота рэкетиров — знаменитого Фултонского рыбного рынка. Этот крупнейший в стране оптовый рыбный рынок находится под контролем

«семейств» Дженовезе и Бонанно добрых шесть десятков лет — еще со времен расцвета рэкета, после отмены «сухого закона».

К сожалению, свято место пусто не бывает. Вымогательство как преступное ремесло перемещается к своим истокам — местным бандам, объединенным по этническому

принципу. Печальной славой пользуются китайские и ямайские шайки. В конце апреля выяснение финансовых отношений между владельцем китайского ресторана в Нью-Йорке и его соотечественником-подрядчиком завершилось похищением сына подрядчика местной бандой.

НЬЮ-ЙОРК

ЯПОНИЯ:

Суп из пальчиков с лапшой

Игорь Разумовский

Пасмурным утром 10 апреля 1992 года группа респектабельных джентльменов, раскрывая зонтики, выходила из здания токийского управления полиции. Руководителей трех организаций японской мафии якудза — «Ямагути-гуми», «Инагава-кай» и «Сумиёси-кай» — пригласили на беседу. Им напомнили, что с 1 апреля в стране вступил в силу закон о мерах против организованных преступных кланов. По мнению полиции, он должен наконец-то пресечь практически легальную деятельность преступников, составной частью которой является весьма своеобразный японский рэкет.

Закон объявляет уголовно наказуемыми 11 видов деяний. Отныне запрещаются:

- шантаж, обусловленный угрозой продать сведения, составляющие личную или служебную тайну гражданина;

- жертвования, полученные путем насилия или морального давления;

- навязывание заключения контракта аналогичными средствами;

- вымогательство с целью получения денег за право открыть какое-либо частное предприятие на территории, которая стала сферой влияния преступной группировки;

- навязывание платной охраны;

- взимание долга под проценты, которые превышают допустимую границу;

- угрозы, либо насильственные действия, ставящие целью аннулировать долг;

- аналогичные действия, ставящие целью ускорить выплату долга;

- моральное и физическое давление с целью заставить продать или безвозмездно освободить квартиру, дом, служебное помещение;

- посредничество с целью улаживания последствий автомобильных аварий;

- противозаконные требования с

Руки якудза: ошибок никому не прощают

целью получить сверхдопустимую компенсацию за некачественный товар.

Лицам, виновным в нарушении этого антимафиозного закона, грозит тюремное заключение сроком до одного года или штраф до миллиона иен (около 8 тысяч долларов).

Патриархи

Значительная часть фактов рэкета приходится на уже упомянутых патриархов преступного мира из «Ямагути-гуми», «Инагава-кай» и «Сумиёси-кай». По данным Национального полицейского управления, в эти три мощнейшие группировки, имеющие строгую вертикальную структуру, входят 1459 более мелких групп численностью 37 669 человек. А вообще вся якудза к началу нынешнего года насчитывала 3150 группировок, в которые входили 87 260 преступников.

Зона ответственности самой влиятельной из них «Ямагути-гуми» включает весьма обширную территорию от Окинавы до Хоккайдо. Штаб-квартира — в городе Кобе. Возглавляет этот синдикат Есинори Ватанабэ. Ближайшие конкуренты из «Сумиёси-кай» контролируют в основном район Канто, куда входит и Токио. Офис находится в японской столице. Шеф — Сигео Насигути. И наконец, боссы «Инагава-кай» также считают своей сферой влияния район Канто, но обосновались они не в столице, а в городе Атами.

Любопытно, что якудза вообще не считает себя преступной организацией. Об этом ее боссы заявляли при каждом удобном случае. Масару Такума — второй человек в «Ямагути-гуми» — заявил на днях, что новый антигангстерский закон с ними ничего поделать не сможет, ибо он вообще «о ком-то другом».

В ряды якудза попадают юноши, которые не смогли совладать с жесткой системой японского образования, наркоманы, завсегда в «патинко» (зал игровых автоматов). После пятилетнего испытательного срока они получают право носить значок с эмблемой преступной группировки. Боссу якудза совсем необязательно быть японцем. Так, небольшую банду вымогателей, которая действовала в пригородах Токио, возглавлял наш соотечественник.

И еще одна особенность. То, что в Европе и Америке считается противозаконным, до последнего времени таковым в Японии не являлось! Не существовало законодательства против рэкета и, таким образом, принадлежность к якудза не была противозаконной.

Более того, между якудза и япо-

Главарь «Ямагути-гуми» Есинори Ватанабэ в окружении помощников и телохранителей

нской полицией существовало «джентльменское соглашение» о том, что представители якудза воздерживаются от ограблений банков.

Ошибок здесь никому не прощают. В качестве наказания отрубают фалангу пальца. Но бывает и хуже, ибо японская мафия — одна из самых жестоких.

...Июльская ночь 1978 года. Автомобиль мчится по улицам Токио. Затем выезжает на автостраду и продолжает свой путь в направлении района Кансай. Там машина останавливается и пятеро пассажиров вытаскивают из багажника труп человека, которого они убили час назад по указанию главаря банды «Канэко-кай» (дочерней группы «Сумиёси-кай»). Товарищем по банде был и убитый.

Тело разрезали на куски и закопали в разных местах. Оставили только руки. На следующий день в одной из продовольственных палаток Токио из рук убитого бандита, чеснока, свинины, китайской лапши приготовили суп.

С мыслью о завтрашнем дне

От рэкета страдают в основном «злачные места» — ночные бары, рестораны, залы игровых автоматов. Характерно, что японские рэкетеры, в отличие от своих российских собратьев, и здесь думают о завтрашнем дне: «комиссионный сбор» якудза составляет менее 1 процента от прибыли заведения. Естественно, большинство владельцев с радостью расстанутся с такой незначительной суммой в обмен на душевный покой.

Однако «традиционный» рэкет в Японии постепенно уходит в прош-

лое. На смену приходят вымогатели «узкой специализации».

«Дзиагэя» — дословно переводится с японского как «специалисты по подъему земли». Цена участка земли в Японии, а особенно в Токио, одна из самых высоких в мире. А порой для нового строительства необходимо, чтобы землевладелец или арендатор освободил занятый участок. Часто вежливой просьбы милого и интеллигентного представителя якудза оказывается достаточно, чтобы хозяин земли продал ее.

Рэкет в Японии начинается именно с таких внешне доброжелательных визитов. Ну а если не понимают, то следуют угрозы, ночные телефонные звонки, акты вандализма, физическое насилие.

«Сокайя» — «специалисты по общим собраниям». Они вымогают деньги у компаний под угрозой срыва ежегодных общих собраний владельцев акций.

Участие одного-двух десятков «сокайя» в акционерном собрании способно серьезно повлиять на его результат. Если компания или фирма отказывается выплачивать названную преступниками сумму отступных, то собрание превращается в сущий ад.

Сведения о деятельности фирмы, о частной жизни ее руководителей преступники собирают в различных экономических газетах и журналах, справочниках, выпытывают у биржевиков, покупают у частных детективов, подслушивают в барах, где проводят время работники фирмы, записывают с помощью микрофонов, тайно установленных в квартирах любовниц.

А затем в день собрания на головы руководителей компании и шокированных акционеров обрушивается поток разоблачений.

Если же фирма идет на «сотрудничество» с «сокайя», то последние с помощью угроз добиваются, что во время собрания акционеры не пользуются своим правом задавать вопросы, которые могут оказаться весьма неприятными для руководства. Треть из 2000 компаний, принявших участие в опросе Национального полицейского управления, ответили, что им приходится выплачивать мзду «сокайя».

И еще одна разновидность рэкета. В 80-е годы быстро росло число коммерческих и потребительских ссуд со стороны японских и иностранных банков. Как следствие — росли невыплаченные займы. В этой ситуации ряд банков продали долги своих клиентов... якудза. Они выбивают деньги эффективнее...

Заповеди яньаньских пещер

Сергей Торопцев

Китай стал аргументом в домашних спорах славян. В самом деле, совсем недавно еще обнищавший, изголодавшийся народ сегодня накормлен, одет, обут. Что же нам не идти китайским путем?..

Пусть руки у них черны...

Конечно, в Китае сейчас поспокойней, чем было в красноказарменные годы «культурной революции». Биологическому бытию художника в большинстве случаев ничто не угрожает.

И все же судьба его по-прежнему трагична. Ведь биологическое существование для художника — лишь фундамент, но отнюдь не само здание. Зданию же своего искусства он и сейчас, через полтора почти десятилетия «раскрепощения сознания» (был такой, одно время активно осуществлявшийся, лозунг), — не может быть зодчим: на это есть «ин-

Китайского художника «погружали в жизнь», «мучительно перековывали», чтобы сделать его искусство «народным». Нынешние репрессии мягче, но свободы все равно нет

станции» — идеологические структуры компартии.

Талант для них — категория подсобная. Предпосылкой искусства становится не он, а непрременная «мучительная перековка» в процессе «погружения в жизнь». Причем жизнь — это лишь огороженный загончик «рабочих, крестьян, солдат», такая бытовка, тон в которой задает армия с ее преимущественно незамутненным крестьянским сознанием. «Пусть руки у них черны, а ноги в коровьем навозе, — нахваливал Мао Цзэдун крестьян, — все равно они чище буржуазных и мелкобуржуазных интеллигентов».

Даже если бы речь шла только о снижении искусства до уровня крестьянского восприятия — и то это было бы трудновосполнимой драмой. Но тут же уже пахло трагедией, и без всякого катарсиса: в применении к творчеству ориентация на крестьянство уничтожала специфику искусства как миропонимания и автора как свободного демиурга художественного мира. Автор — не соиздатель, а скорее производитель, поскольку в маоцзэдуновской теории и практике понятие «творчества» не в чести: черными руками из коровьего навоза привычнее выгребать лишь нечто прозаически «полезное» — во вполне осязаемом смысле.

Мао снова едет по стране...

Фото из журнала «Экспресс» (Франция)

Китайская пресса в этом плане иногда бывала достаточно откровенна, так, например, восторгаясь утилитарностью искусства: рыбаки не в силах столкнуть лодку в воду, и тут запела актриса, присланная из города «погрузиться в жизнь», — и лодка пошла. Искусство поставлено в один ряд с техническим механизмом.

Обязательное для художника «погружение» трудно рассматривать как процесс познания жизни во всей ее широте и непредсказуемости, это, скорее, если воспользоваться мафиозным жаргоном, «отмывание» априорных идеологических установок. Художнику, если он хочет получить шанс выйти к читателю-зрителю, положено заранее знать, что он получит в результате «погружения» и каким должно стать его искусство. Художник обязан быть «нашим» (теоретически допускается и «стать», но результат этого «становления» весьма шаток, и многим «ставшим» время от времени напоминали об их исходной «мелкобуржуазности»). Нет, конечно, от художника вовсе не требуют создания некоего не-искусства, создавай, если получится, но художественная выразительность имеет право на существование лишь как форма, в которую вкладываются проверенные и утвержденные идеи, извлеченные из высоких политических докладов, установок, «мнений».

У кого это не получается, тот вынужден выбирать себе иную судьбу. Как, например, драматург Гао Синьзянь, издающий в Норвегии журнал на китайском языке «Цзиньтянь» («Сегодня»). Или писатель А Чэн, который с недавних пор обосновался в Лос-Анджелесе, предпочтя не повторять судьбу отца, критика Чжун Дяньфэя, репрессированного в середине 50-х годов. Или как бывший министр культуры Ван Мэн, один из самых интересных современных прозаиков, ныне «погрузившийся» в безопасные литературоведческие исследования классического романа «Сон в Красном тереме». Это, конечно, лучше, чем леоповал, с которым Ван Мэна познакомили в 60-е годы.

Творчество в зоне

Нынешние репрессии демонстрируют «мягкость», и многие вполне удовлетворяются «хлебом с маслом». Но подобное «масляное» существование — не для истинного художника, который, не отказываясь принципиально от земных благ, все-таки выше их ставит блага небесные — возможность свободно реализовать свой творческий потенциал. Под свободой я имею в виду не «свободу шарашки», поработающей творца отнюдь не в переносном смысле, а ничем, кроме постулатов нравственности и демократического сожительства в обществе, не

ограниченный выход за пределы «зоны».

В подобной «шарашке» практически работает сегодня знаменитый на весь мир кинорежиссер, актер, оператор Чжан Имоу. Снимать кино ему еще не запретили, но отгородили от зрителей-соотечественников.

Собственно говоря, это можно назвать «вариантом Тарковского» — с той лишь разницей, что китайский режиссер физически не выдворен из родного отечества. Но выдворен духовно, лишен возможности участвовать в формировании духовной культуры нации. Изгнанниками стали его фильмы, его искусство. Поэтому не кажется случайным, что организаторы московского фестиваля современного искусства, посвященного памяти Андрея Тарковского, показали в его рамках знаменитый «Красный гаолян» Чжан Имоу: внутреннее противостояние тоталитарным режимам роднит двух мастеров.

Известная киносериология китайского режиссера («Красный гаолян», «Цзюйдоу», «Высоко висят красные фонари») реабилитирует человека перед лицом групповой тирании, апеллирует к свободе, ведущей к гармонии внутренних ощущений и межличностных отношений. От фильма к фильму мысль развивается, чутко реагируя на перемены за воротами киностудии. В «Красном гаоляне» герои, не вписавшиеся ни в какую социальную структуру, оказываются раздавленными хорошо организованной государственной машиной, органически чуждой им, и все же погибают не побежденными, а победителями, оставляя после себя — в бессмертии рода — сына-продолжателя.

В «Цзюйдоу» влюбленные, чья свобода воли противопоставлена тирании официальной семьи, умирают сломленными, их гибель — последняя точка судьбы, поставленная собственным же сыном, «предательски» вставшим на сторону легальных структур.

Напомню, что между этими двумя работами лежал рубеж «кровавого воскресенья» 4 июня 1989 года. И если «Красный гаолян», завоевавший в 1988 году «Золотого медведя» Берлинского фестиваля, еще удостоился дома всекитайской премьеры, рекордного количества копий, премий внутренних конкурсов, огромного количества публикаций в отечественной прессе, где фильм оценивался не только как выражение авторского мировоззрения (что более привычно для критиков КНР), но и как явление искусства, — то «Цзюйдоу» стали уже замалчивать и отозвали из списка кандидатов на «Оскара», не допустив голосования на этот почетнейший в кинематику приз.

Экспонаты на витрине меняют.

Чжан Имоу — «китайский Тарковский»

Такова последняя установка: двигаться за рубеж лишь то, что «признано китайским народом». Такое уже бывало и в 50–60-е годы, и в «культурную революцию», когда Китай был закрытым наглухо обществом.

Руководители кинематографии и даже члены политбюро, включая самого генсека, инспектируют студии, контролируют даже не то что готовые фильмы, а рабочие, не смонтированные материалы, высказывают «мнения» и проверяют, учли ли их авторы. А как не учесть?! Репрессии не столь давних десятилетий у всех в памяти. Под таким неусыпным контролем в прошлом году находилась группа «ключевых» фильмов, снимавшихся по спецзаказу к 70-летию КПК. Зрителей направляли на просмотры организованными по учреждениям группами. Увильнуть было намного труднее, чем смириться и потом еще отметить в газете экзальтированным рассказом о sentimentальных слезах по ходу сюжета.

Наши, полунаши и не наши

Вот так сегодня создается в КНР «наше» искусство. Его «теоретические» корни протянулись в 1942 год: полвека назад лидер китайских коммунистов Мао Цзэдун выступил в пещерном городе Яньань с двумя речами, посвященными литературе и искусству. В анналах культуры они зарубки не оставили, и память о них можно было бы не тревожить, но беда в том, что автор вскоре вскарабкался на такую партийную вершину, чья заоблачность мистическим величием окружила все, что им изрекалось. Яньаньские речи до сих пор пронзают все политикокультур-

ное бытие КНР, входят в китайскую часть «вечно живого учения» — и тоже не потому, что верны, а потому, что всеисильны.

Коммунистический Яньань в начале 40-х годов был ошестившимся блокадным анклавом в северной части страны, управлявшейся государственными институтами гоминьдана во главе с Чан Кайши. В пещеры Яньани забили люди, вознамерившиеся покончить с «чанкайшистской диктатурой», и они добились своего.

Для тех, кто восхитится: вот-де, в тяжелейших блокадных условиях коммунисты нашли время, силы, желание заняться проблемами искусства, — замечу, что эстетика на этом совещании и не ночевала. Вовсе не ради обсуждения художественного уровня китайского искусства были созваны люди, в основном армейские политработники, на эти бдения, которые вот уже пятое десятилетие становятся поводом для юбилейных торжеств. Фокус яньаньских речей был нацелен не на развитие искусства, а на сужение его функций только до дидактического воспитания «нового человека», отмежевываясь от «чуждых» принципов: только такому и можно было адресовать «новое искусство» и доверить его производство на коммунистической фабрике, стеной отгороженной от тысячелетней культуры и своего народа, и всех прочих.

Яньаньские речи Мао Цзэдуна легли в фундамент и культурной политики КНР, и всего коммунистического менталитета «с китайской спецификой», ревностно поддерживавшегося на протяжении десятилетий.

Его суть — в той самой «блокадности». Не историческом факте, но духовном настрое. «Блокадности» на все времена.

Мир расколот на «наших» и «не наших».

«Есть три категории людей, — жестко утверждал Мао Цзэдун: — наши враги, наши союзники по единому фронту и люди нашего лагеря», иными словами, «не наши», «полунаши» и совсем «наши».

В этой триаде проглядывает и ее, видимо, прародитель — сформулированные Конфуцием три категории людей, одни из которых обладают врожденными достоинствами, другие приобретают их посредством исполнения особых ритуалов, третьим же и ритуалы не в помощь. На идеалах Совершенного во многом строится менталитет и сегодняшнего китайца, чем умело воспользовались вожди.

Искусство, по Мао Цзэдуну, не является единым культурным пространством нации, а расколото по объектам «служения». Самой что ни на есть «нашей» сферой становится та, что ориентируется на «рабочих, крестьян, солдат». Но даже и она разделена на две категории —

Принудительный политчас

Фото из журнала «Шпигель» (Германия)

искусство «для масс» и «для актива», хотя между ними перекинут легкий мосток политической сознательности. Для лидера китайских коммунистов важнее было зафиксировать не как, а кто и для кого создает искусство. Фактически он призывал «наших» к самообслуживанию, не признавая особой категории «творцов», — «наше» искусство создавать (производить!) способен лишь «наш» по политико-идеологическим критериям, поскольку «революционная литература и искусство являются продуктом отражения жизни народа в сознании революционного деятеля культуры».

Вот так и вели «железной рукой» китайского художника: «погружали в жизнь», нагружали ею, «мучительно перековыряли» — чтобы затем ему стало ясно, что из этой самой «реальной жизни» он может оставить в своем искусстве, а что — для собственной же безопасности — лучше вымарать, словно и не существовало вовсе, превращая «реальное» в «идеальное».

«Жизнь, отраженная в произведениях литературы и искусства, — поучал Мао Цзэдун, — может и должна выглядеть возвышеннее, ярче, концентрированнее, типичнее и идеальнее, а значит, и более всеобъемлющей, чем обыденная действительность».

Отставки не было

Утверждают, будто Китай отходит от тоталитаризма по «классической» схеме — к демократии через авторитаризм.

Авторитаризм, однако, оставляет какую-то свободу рук населению. Тоталитаризм же соединяет «верха» и «низы» в жесткую структуру, в кото-

рой первые ведут к счастью вторых, даруя им лишь то, что Гроссман с жуткой образностью назвал «госстрахом», плывущим в черном ночном небе над оцепенелым народом. Такой «госстрах» не покидает китайцев...

Трудно жить без надежд. И вот уже из одних газетных уст в другие пошло по миру очередное изречение Дэн Сяопина о том, что противники реформ «должны уйти в отставку». И будто бы «революционный поэт» Хэ Цзинчжи, ставший консервативным и.о. министра культуры, уже подал в отставку. И акцентцы расставляют радужные: несмотря на сопротивление, высказывание Дэн Сяопина все же было опубликовано. А я сказал бы иначе: даже Дэн Сяопин в своем реформаторском устремлении встречает сильное сопротивление. Что же говорить о менее влиятельных реформаторах?!

Отставки-то Хэ Цзинчжи — не было. И некий достаточно могущественный член политбюро тут же заметил, что высказывание Дэн Сяопина разрушает «политическую обстановку стабильности и сплоченности, огромным трудом созданную после событий на площади Тяньаньмэнь». То есть дезавуировал.

Да, политбюро ЦК КПК призвало противодействовать левацким силам, но при этом не забыло и «опасность западного либерализма». И «базовый курс партии» по-прежнему в почете, и «социализм с китайской спецификой». А коммунистические реформаторы, даже побеждая, даже тяготея к рынку (с социалистической «спецификой»), даже заполняя прилавки, — все же остаются в рамках своего менталитета и жаждут «еще лучше» сделать все тот же социализм. «Лучше» — до невозможности. До невозможности жить.

Рубрику ведет
обозреватель «НВ»
Ростислав Золотарев

Дьёрдь Конрад родился в 1933 году в городе Дебрецен. Окончил Будапештский университет в 1956 году, осень которого ознаменовалась восстанием против тоталитаризма. Во время этих событий Конрад не оставался пассивным. Вероятно, по этой причине в период «консолидации» (как официально называли годы медленного, сочетавшего жестокость с либеральными жестами, замирения и приручения строптивых венгров) он, недолго проработав в малозаметном журнале, почти на полтора десятилетия погрузился в чиновничье бытие, служа в управлении по делам несовершеннолетних, позже — в проектной институте, и лишь по совместительству занимаясь литературой:

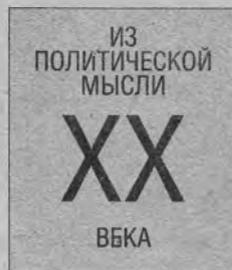
в качестве внештатного редактора будапештского издательства «Геликон» он готовил к изданию переводы русских классиков. Эти годы, давшие ему возможность досконально узнать изнанку «реального социализма», снабдили его материалом для первых повестей: «Тяжелый день» (1969) и «Градооснователь» (1977). (Повесть «Тяжелый день» в русском переводе опубликована в журнале «Иностранная литература», 1991, № 4.)

Шестидесятые — семидесятые годы, эпоха кадаровской «мягкой диктатуры», сформировали Конрада как самобытного художника и одновременно как последовательного диссидента, спокойно и убежденно показывающего антигуманную сущность коммунистической системы. Система отвечала Конраду взаимностью: печатался он чаще всего на Западе, хотя Венгрию не покидал. Суть его ми-

ровоззрения — мысль о пагубности тоталитарного режима как в коммунистическом, так и в фашистском его варианте. Конрад отрицает коллективизм как средство нивелировки человеческой личности, отстаивает естественные, выработанные долгой историей человечества формы бытия: семью, творческий осмысленный труд.

Крах диктатуры и переход к демократическим формам общественной жизни в Венгрии дали Конраду возможность выйти из «подполья». За последние три-четыре года он опубликовал два романа и три сборника публицистики. В 1990 году его избирают председателем венгерского, а спустя месяц — международного ПЕН-клуба. В 1991 году Конрад получил весьма престижную премию Франкфуртской книжной ярмарки.

Общественный деятель, прозаик, публицист, Дьёрдь Конрад стал заметной, поль-

зующейся заслуженным уважением фигурой в современной духовной жизни Европы. Пора и российскому читателю побольше узнать о нем и о его творчестве.

Сегодня мы предлагаем вниманию читателей фрагменты статьи Д. Конрада из сборника «Меланхолия возрождения» — вариант его выступления во Франкфурте-на-Майне:

Публикацию и вступительное слово подготовил доктор филологических наук
Юрий Гусев

Больше чем ничего

Дьёрдь Конрад

Считается, что каждый человек обязан служить какому-то благородному делу. Таких дел и идей существует множество, и каждое благородным считает лишь себя, остальные же — чуждыми всякому благородству. Что и побуждает автора этих строк, жаждущего ясности, задать самому себе — как наиболее доступному объекту исследования — вопрос: кому или чему я служу? На это обычно принято отвечать: культуре, обществу, церкви, государству, фирме, партии, человечеству, нации, чистой науке, свободному искусству... И все это прекрасно, но поскольку служить можно бесконечно большому числу хозяев — да и лояльность существует в тысячах видов, — то проще всего сказать так: я не служу никому. Даже самому себе. Разве служу я, скажем, своей жене, если помогаю ей нести тяжелую сумку? Служу ли своему сыну, когда по его желанию ползаю на четвереньках, изображая медведя? Служу ли гостям, стараясь повкуснее их угостить? Служу ли своему издателю, отдавая ему рукопись? Все это — нормальные в человеческом общении формы взаимоотношений; человек делает то, чего от него, в соответствии с его способностями, ждут, и получает в этом удовлетворение. Кстати, и те, кто ждет, делают то же самое. Служу ли я кому-нибудь, водя рукой с пером по бумаге? Пером движет энергия момента, который может быть и случайным, и судьбоносным. Кому служат догадка или вопрос? Фраза рождается потому, что хочет родиться...

Если я не служу, а, самое большее, лишь сотрудничаю, то — зачем я? Только затем, чтобы быть? Чтобы

реализовать право — иногда блаженное, иногда жестокое — на свою долю бытия? Чтобы отблагодарить за рождение поддержанием своей жизни? Я вполне могу пригласиться к мысли, что я — не нужен, что я — ни за чем. К человеку не прилагается инструкция по эксплуатации. Если ты живешь не для того, чтобы служить какому-то делу, если ты не ради погустороннего мира и не ради потомства делаешь то, что делаешь, если у тебя нет какого-то, от пригоды или от бога данного долга, — то вот тут на тебя и обрушивается ответственность! Ведь в таком случае ты сам, исходя из чего угодно, в сущности импровизируя, должен выбрать, как и чему служить; сам должен взвалить на себя груз; сам, для соб-

ственного пользования должен придумать более или менее приемлемое объяснение своих решений. Подобное решение столь же необходимо человеку, как любовь или, скажем, рабочий инструмент. Кому-то ты будешь стараться угодить, кому-то принадлежать; по мере того, как станут ослабевать внешние обязательства, будут крепнуть внутренние. Главный рабочий инструмент интеллигенции, критический разум, подтачивает, ставит под вопрос внешнюю стратегию — и тут же начинают проступать контуры стратегии внутренней.

Почему бы не начать с нулевой точки отсчета? Ведь то, что есть, что существует, — это больше, чем ничего. Даже известие о чьей-то смерти может стать плодотворным: оно обогащает твою эмоциональную жизнь. Ты благодарен, что получил еще день. И рассматриваешь его как подарок, потому что тебе в голову не приходит, что день этот тебе положен. Ведь если ты — ни за чем, то тебе ничего и не полагается. На пути из никуда

в никуда сам факт, что ты пока жив, — в чистом виде приятный сюрприз. За него можно и заплатить, нисколько не обделив себя, ибо здесь, как в любви, получить и давать — одно и то же. Ты не можешь четкой гранью отделить себя от тех, кто тебе близок. Симбиотические связи так прочно вплетают тебя в среду обитания, что ты хотя бы в мыслях заслуживаешь прогулку в царство самоцельности. Во время этой прогулки ты можешь себе позволить поиграть с мыслью, что человек живет сам для себя. Уж коли ты — образ и подобие Бога, коли ты должен стараться стать совершенным, как совершенен небесный Отец, коли ты являешься из праха и возвращаешься в прах, коли ты тождествен своему земному пути, пути от появления до исчезновения, — тогда будь в самом деле единственным и неповторимым, как Он, тот, кому ты подобен. Жизнь человека в любом случае — форма, которая становится видимой, лишь завершившись; если, конечно, найдется, кто захочет ее увидеть. Сотворить из данного, отмеренного тебе времени нечто значительное — вот подлинная задача, вот вызов силам и разуму человека.

Наше дело — существовать, что означает одновременно — сосуществовать. Мы сосуществуем с другими в классе и в ресторане, в больнице и в бомбоубежище, в бассейне и в постели. Нам больно, если приходится обходиться друг без друга, мы готовы друг для друга на жертвы, затем наши дороги расходятся: мы вырастаем, разъезжаемся, не видимся годами. Совсем не нужно быть вместе постоянно, потребность в одиночестве тоже свойственна человеку. Куда деваются прежние человеческие связи и союзы? Все они там, в копилке случившихся хороших вещей, в неуходящем времени. Мы живем для самих себя и друг для друга, как небесные тела или животные.

Такая — «от нуля» — точка зрения дает возможность воспринимать жизнь как подарок, а потому и ценить ее такой, какова она есть. Если исходить из того, что в любой момент возможен ее конец, то история начинается заново каждый день и для каждого отдельного человека, даже если люди в большинстве своем только и делают, что погружаются в склеротическое состояние, замыкаются в себе, теряют способность меняться, что само по себе есть медленная, но последовательная агония. Чем определеннее человек, чем он менее гибок, тем более мертв. Обретение формы и обретение неизменности — это одно и то же; совершенствуясь в достигнутом состоянии, ты самоуничтожаешься. В то же время ты с известной долей свободы можешь выбрать способ, как пройти этот короткий отрезок пути. Подход «от нуля» позволяет привлечь внимание к многообразию путей, которые ты можешь выбрать. Ни один из путей не обязателен для тебя. Человек, как уж это заведено, исходит из соображений удобства, из каких-то случайных факторов и предпочтений, он, насколько возможно, щадит себя, а может быть, и других. Однако тебя в любой момент может хватить удар, ты можешь разбиться в машине, с тобой может покончить внезапный крах, семейная трагедия, пуля, тромб; отсюда следует, что роман, который ты пишешь собственной жизнью, может кончиться на любом из сегодняшних дней. Если ты утром открываешь глаза — это уже подарок. Почтение к текущему моменту — антитрансцендентно. Меня не влечет ни религиозный, ни технический футуризм, я не верю, что будущее — прекрасней, чем настоящее. Мало-помалу среди людей распространяется идея тактичного отношения к жизни. Не стрижка наголо, не выкорчевывание, не прожигание — а заботливый уход, художественная штопка...

Подобное мирозерцание сфокусировано на сегодняшнем дне, на сейчас; здесь и кроется вызов: вот он, данный тебе шанс, другого, возможно, не будет. Сегодня, сейчас — это нечто такое, чего не подменишь днем

завтрашним. Сегодняшнее преступление не оправдывается завтрашней благородной целью. Засчитывается только то, что ты делаешь сейчас. Если ты едешь в поезде, если купаешь ребенка, то это и есть сейчас твое дело, твое произведение.

Хотя в новых демократических государствах самыми заметными персонажами на политической сцене стали писатели и профессора, актеры и историки, тем не менее я далек от мысли, что интеллектуалы хотят надолго занять места депутатов и менеджеров, революционеров и тайных агентов, чиновников и священников. Любую из этих профессий интеллектуал способен освоить, и все же занятия эти останутся не более чем маской на профессионалах понимания. Так что я не верю, будто главный стимул, толкающий интеллигенцию к власти, — непосредственное экономическое или политическое господство. Интеллигенция и в дальнейшем сохранит верность привычным для нее средствам, дающим возможность властвовать над умами: словам, образом, символам. Если у интеллигенции есть власть над умами, то у власти этой должно быть и предназначение, призвание. Оно — в искусстве легитимации. Именно интеллигенты поставляют профессионалам моральные оправдания, правовые

обоснования, религиозные аргументы, нравственные притчи, политические анализы, экспертные мнения. Интеллигенты выкладывают на прилавок свой товар: либо чистую совесть, либо угрызения совести. У каждого человека есть взятые из культурного фонда ценности, которыми он руководствуется, в которых находит самооправдание. Каждый хочет думать, что он прав, что хорошо именно то, что делает он. Ценности эти — в руках у интеллигенции.

Современникам импонирует знание, которое выходит за пределы знаний профессиональных и выглядит как особая посвященность, как некий нимб. Людей, обладающих таковым, занимает проблема сама по себе. Без наслаждения не существует открытия. Этих безумцев дело интересует ради него самого, а не ради успеха, который оно может им принести. Карьера с точки зрения познания — вещь третьестепенная. Неплохо, конечно, если она есть, но как цель она не может приниматься в расчет. Та порода людей, которую мы называем настоящей интеллигенцией, немногочисленна; да и не нужно, пожалуй, чтобы она была многочисленной. Любой золотой век в истории духовной культуры — плод усилий всего лишь нескольких дюжин людей. Существует, конечно, международная интеллигентская элита, но кто в нее входит, кто сказал в ней нечто действительно заслуживающее внимания — все это выясняется чаще всего задним числом. Власть интеллигенции — вещь реальная, ибо словом можно воздействовать на очень многих людей. Власть жрецов, пророков, ученых, поэтов была всегда. Всегда были люди, которые считались мудрецами и обладали исключительным авторитетом, люди, чья власть в течение многих лет была в глазах большинства фактом бесспорным. На таких людей доверие окружающих ложится тяжким грузом, как на врачей; другие просто не потянули бы эту ношу: они менее уверены в себе. Такие люди в долгу перед остальными из-за своей способности ясно видеть мир; это — их основное дело. Понимание становится их ремеслом...

Человек, не просто образованный, но и зрелый, всегда в определенном смысле идеалист; он знает, что у него есть долг: обязанности, которые он сам взвалил на себя. Противоположность ему — человек пластилиновый, человек пластичный, принимающий форму, которую выгоднее всего принять в данный момент. В период, когда все наше общество меняет кожу, самые шустрые особи, чуть-чуть потренировавшись, практически на глазах усвоили новый словарь; оказалось, что

Сегодняшнее преступление нельзя оправдать завтрашней благородной целью

сами они тоже могут быть разобраны на составные, легко заменяемые элементы. Это — огромное преимущество пластичного человека; к тому же весьма экономичное преимущество. Как потасканный сексот превращается в новенького, с иголки, блустителя нравов? Время нынешнее — опасное время, когда все смешалось, когда люди представляют собой винегрет из характеров, протертое месиво из памяти, когда слова сплошь и рядом впадают в грех фальши. Ты уже не можешь тешить себя надеждой, что со временем все будет по-другому. Увы, все останется так, как есть.

Для идеалиста и повседневная жизнь — искусство; он делает только то, с чем согласен. Если не согласен — не делает. Существует и мораль бездействия: не обязательно участвовать в том, что ты считаешь дурным. Эпоха коллективной ответственности закончилась, наступила эпоха ответственности личной...

После крушения блоковой системы малые государства, нации, народности — все желают распорядиться своей судьбой — и в какой-то мере чужой тоже. Все они начинают беспокойно поднимать голову, толкать локтями соседей, требовать территориальной автономии. Меньшинство становится большинством, а внутри него поднимают голос другие меньшинства; никто не желает терпеть, чтобы ему затыкали глотку. Автономии множатся и мельтешат; лихорадка отделения катится по континенту пожаром. Прежде хотели всех объединить, думая, что от этого всем будет хорошо. Теперь хотят всех разъединить, считая, что хорошо будет от этого. Объединяющие и раздробляющие доктрины — все они тоже порождены людьми, которые пишут книги. Если так пойдет дальше, скоро в измене родины будут подозревать любого, кто не сердится на соседнюю нацию. Восточные европейцы не научились капитализму с детства — и вынуждены учиться ему в зрелом возрасте. Вследствие этого они теряют уверенность в себе, а трудности в самооценке могут вылиться в оскорбленное самолюбие. Тут и выходят на сцену, потрясая кулаками, полуталанты с дурным вкусом. Ненависть находится в постоянной боевой готовности, только и ожидая, чтобы ей сказали, на кого прыгнуть. Вопрос в том, распознает ли данная страна, данный регион притаившегося фашиста. Иные, впрочем, уже не таятся, а говорят открыто. В антикоммунистической риторике множатся крайне правые шаблоны. Специалисты по ненависти отыскивают беса международной мафии. У беса снова начинают выпрыскиваться еврейские черты. И обновление все более выглядит как возвращение к чему-то незавершенному, что было до войны.

Особенным персонажем представляется мне интеллигенция, этот новый класс, который способен быть и весьма опасным; свидетелем тому — наше столетие. Оба вида коллективизма: фашистский и коммунистический — своей истерической нетерпимостью в немалой мере обязаны поддержке интеллигенции. На заднем плане находятся авторы, на переднем — вульгаризаторы и организаторы. Государственная интеллигенция выставила плохую оценку буржуазному индивидуализму, а мировой буржуазии — и того хуже. Провинциализм же мог гордо выпячивать грудь. Много раздутых примеров морального осуждения, много идеологий порождено было тем, что кто-то не владел иностранными языками. Шаткое самосознание находило опору в командной риторике. Оба коллективизма приходили к запрету истинного искусства, зато высоко поднимали псевдоинтеллигенцию. Очень глупо было бы, если агония коммунизма вывела бы на сцену бодрый, молодецкватый антикоммунистический фашизм...

Национализм и социализм в Европе — уже не самое последнее слово, поиск сейчас ведет не к ним, их эмоциональный заряд — скорее ностальгический, чем кон-

структивный. Но если раздуть первое из них — выйдет фашизм, если другое — коммунизм. Европа двадцатого века насмотрелась на их спектакли, в которых... основательно поучаствовала и публика. Я думаю, и в дальнейшем останется актуальной антиполитическая точка зрения. Антиполитика — это нравственная критика политики. Нравственность не может трансформироваться в политику, но может стать, в сократовском смысле слова, демоном политики, ее призраком, ее большой совестью, ее подсознательным спутником. Цинизм антиполитики необходим, чтобы не обмануть самих себя; но ведь за беды, которые они причиняют, расплачиваются другие.

Эйфория, наступившая после смены режима, объяснима тем действительным чувством освобождения, которое возникает, когда опадает, выпускает воздух, как прохуdivшийся воздушный шарик, воображаемое коллективное «Я». Вспомним недавнее время: коммунистическая цензура состояла

Сотворить из отмеренного тебе времени нечто значительное — вот подлинный вызов силам и разуму человека

ведь не из одних запретов, она, напротив, и утверждала — причем в весьма возвышенном стиле — разные разности. Как правило, утверждала в первом лице множественного числа. Но суть в том, что в первом

лице единственного числа выступало все то же первое лицо множественного. Наивный обыватель теперь даже не замечает, что снова выражается в первом лице множественного числа, от имени некоего общего «Я». Пусть он даже рядится в тогу независимости — все равно из его уст упрямо звучит общее множественное. Для подлинной независимости мало не только постоянного повторения слов о ней, но и постоянного к ней стремления; примерно так же, как для настоящей поэзии мало намерения писать хорошие стихи. В коммунистическую эпоху человек даже не замечал, насколько пропитаны духом государства все его поступки, насколько партийно-государственное общее множественное число пронизывает его сознание. Не требуется каких-то особых духовных усилий, чтобы прийти отсюда к общему множественному числу национального государства. От общего множественного советской империи не так трудно перейти, скажем, к первому лицу североосетинского множественного числа, которое, конечно, жило бы припеваючи, если бы не соседи-ингуши под боком.

Все восточноевропейское пространство беременно новыми автономиями; все они хотят родиться, все хотят отличаться друг от друга, и уж совсем естественно, что каждая хочет быть первой, и не только среди более мелких, но и среди равных. Прежде им препятствовала в этом советская империя, теперь — соседняя нация или нация. Меньшинству препятствует большинство, большинству — меньшинство. Роли меняются, но сосед, некто. Другой мешает так и так. Другой — это сам Сатана, в том числе и в этнонациональном смысле. Растерявшиеся, утратившие опору души ищут для себя новую опору, новый объект служения, а вместе с тем и новую мишень для гнева, для обиды, которая лишь становится горше в обстановке обвиняния, принесенного посткоммунистическим экономическим кризисом. Связи с Востоком рухнули, прежде чем созданы были связи с Западом. Чтобы восточная половина континента не ощущала себя совсем заброшенной и окончательно не впадала в истерию, в обозримом будущем должны появиться шансы для ее многоступенчатой интеграции в Европу, со всеми относительными, но, по-видимому, неизбежными отрицательными следствиями такой интеграции, — и нынешний развал обретет тогда смысл, обретет перспективу нового созидания; отделяющимся членам бывшего единства будет тогда куда присоединиться...

32-летний американский бизнесмен **Алик Курбанов** приехал в Россию, чтобы возродить традиции предпринимательства своих предков.

Дед Алика по материнской линии — Щенков — был до октябрьского переворота председателем правления «Страхового общества России». Дед по отцовской линии сражался в «белой гвардии» с большевиками.

Потомок русских дворян Алик Курбанов родился в Филадельфии, но в первый класс американской школы пришел, совершенно не зная английского языка. После школы учился в двух университетах по трем специальностям: бизнесмена, советолога и русиста. После учебы преуспел в бизнесе, занявшись торговлей недвижимостью. Но не оставил мысли соединить в своей работе все, чему научился в высшей школе.

Такая возможность Алику Курбанову представилась в НАСА. Через американское ведомство ОСИА он сотрудничал с советскими военными экспертами, приезжавшими в Солт-Лейк-Сити контролировать уничтожение американских ракет средней и меньшей дальности. Затем, по его словам, «начал крутить бизнес в России». Работал в Плисецке над проектом запуска американского метеорологического спутника.

После того как Белый дом взял на себя га-

рантии за страхование инвестиций американских компаний в России, Алик Курбанов занялся размещением американских инвестиций в Москве и уже провел ряд переговоров с землевладельцами. Речь идет о строительстве новых отелей, контор и офисов.

Но не только в экономической сфере, считает Алик, должны возродиться былые русские традиции. Алик рассказывает о русском скаутском движении в Америке и ежегодных сборах скаутов в летних лагерях, где многие по-

томки русских эмигрантов постигады азы национальной истории и духовности: «Все 70 лет большевизма в России над русскими скаутскими лагерями в Америке развевался национальный российский триколор и на традиционный скаутский призыв (украденный пионерами) «Будь готов!» был всегда ответ: «Всегда готов за Россию».

Курбанов обещает помочь детям из России увидеть эти лагеря.

Двадцать лет назад ка-надец **Морис Стронг**

был просто миллионером, создавшим свое богатство на добыче нефти. Теперь же он — организатор и генеральный секретарь конференции ООН по окружающей среде и развитию в Рио-де-Жанейро — стал всемирно известным борцом за сохранение природы.

У Мориса Стронга, близкого друга европейских политиков и вождей племен Амазонии, родившегося в канадской провинции Манитоба в годы Великой депрессии, было, что называется, тяжелое детство. Его отец,

железнодорожник, никак не мог свести концы с концами. Мать нередко посылала Мориса и его сестер в лес за ягодами — вместо обеда.

Морис не раз убегал из дома и путешествовал по стране в товарных вагонах. В 20 лет устроился клерком в малозаметную компанию, занимавшуюся нефтедобычей в арктических районах Канады. Сын железнодорожника оказался блестящим предпринимателем. К 24 годам заработал свой первый миллион долларов. Затем уехал делать деньги в Занзибар и Танзанию и наконец создал вместе с канадским правительством компанию «Петро-Канада». К этому времени он, помимо своих предприятий, располагал 50 тысячами гектаров земли в американском штате Колорадо, пятикилометровой прибрежной полосой и лесными массивами в Коста-Рике.

Но тут в судьбе нефтяного магната происходит резкий поворот. «Я действительно нажил много денег, бурявая землю, извлекая из нее нефть и выгодно продавая ее. Я рыл шахты и учинял всяческое насилие над землей, как это делают все люди, — говорит он. — Но теперь я знаю, какие неисчислимые беды мы можем навлечь на себя по причине собственного невежества».

Морис Стронг начи-

Классик «веселого жанра»

В первой книжке журнала «Русское богатство» за 1992 год состоялся бенедикс писателя **Леонида Лиходеева**. Бенедикс потому, что номер составлен исключительно из лиходеевских произведений — таков новый обычай возрожденного в прошлом году журнала: каждый номер — это номер одного автора.

Малое собрание сочинений разменявшего уже восьмой десяток литератора состоит из одной большой повести «Средневозвышенная летопись», двух стихотворных узоров, современных дополнений к «Декамерону», дюжины «Рассказов о пище», «Эпистолярный» — выбранных мест из переписки (но не с друзьями) и, наконец, из «вернисажа» — серии шаржей, нарисованных той же рукой, что написала и все остальное. Чтобы портретируемые не роптали, Леонид Лиходеев изготовил и автопортрет, предпоследний его своим «бель-летрам».

Мастер иронической прозы, давно уже причисленный критикой к наследникам традиций Аверченко, Зощенко и Булгакова, и в этом сборнике верен этой музе. Все произведения, которые вошли в коллекцию «Русского богатства», написаны в конце 60-х и в 70-е годы и более двух десятков лет лежали «в столе» у автора. Один из допущенных к ним, Анатолий Злобин, ставший теперь издателем «Русского богатства», и дал бывшим заключенным «путевку в жизнь». На днях новое лиходеевское «избранное» было представлено собратям по перу.

Большую часть сборника занимает «Средневозвышенная летопись» — хроника некоего славного града, расположенного в той же литературной географии, что и села Горюхино и Степанчиково, города Глупов, Тетюшанск, Гогулёв, Колоколамск и почти вольный город Черноморск. Предлагаемая Леонидом Лиходеевым, автором знаменитой повести «Я и мой автомобиль», экскурсия в Средневозвышенск наверняка отзовется мысленным автопробегом по всему этому маршруту. И напомним о том, что традиции этих городов и весей все еще живы.

Не лишне сказать и о том, что, не изменяя своей иронической музе, Леонид Лиходеев давно поддерживает дружбу и с покровительницей исторической романистики. Вслед за недавно изданным «Полеми брани», повестью о 20—30-х годах, свет увидели и два тома «Семейного календаря». Этот роман, охватывающий три четверти века российской истории, тоже, между прочим, выбрался «из стола» — начат он был лет двадцать назад. Обреченный на заточение в «годы застоя», он даже в «перестроечные» годы долго не мог найти издателя. После выхода двух частей трилогии ее автор вместе с читателями ожидает появления и заключительного тома: «Всякая летопись да будет всеми днями полна».

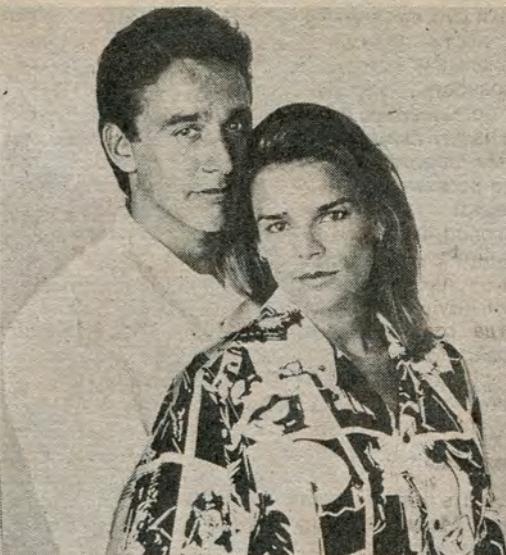

нает сотрудничать с учреждениями ООН, работая в нью-йоркской штаб-квартире этой организации, поначалу в качестве... простого служащего: нефтяной миллионер готовил микрофоны и наполнял графины водой в зале заседаний Генеральной Ассамблеи ООН.

В 1972 году «раскаляемому миллионеру» было поручено организовать в Стокгольме конференцию по вопросам экологии, в ходе которой ему в конце концов удалось убедить глав правительства подписать самый первый документ об охране окружающей среды. В 1989 году он принял предложение ООН организовать саммит в Рио-де-Жанейро.

Мориса Стронга называют «матерью Терезой животных и насекомых». Он говорит: «Я не хочу остаться после себя обанкротившуюся землю. Мое поколение — последнее, которое еще имеет шанс спасти положение».

Имена членов правящей в Монако семьи Гримальди не сходят с первых полос европейской прессы. На этот раз обложки журналов украсило фото младшей дочери принца Ренье **Стефании**, которая — сенсация! — в ноябре должна стать мамой. Отец будущего ребенка не может похвастать ни знатностью, ни богатством. 27-летний **Даниель Дюкрюе** (он на год старше Стефании) четыре года назад был нанят самим Ренье в качестве телохранителя для принца Альберта. Дюкрюе настолько удачно выполнял свои обязанности, что вскоре ему доверили быть личным телохранителем любимой дочери. Он —

бывший студент и, подрабатывая «гориллой», по-прежнему делит свободное время между чтением книг и занятиями в спортзале.

Принцесса, сделав свое ошеломляющее сообщение итальянскому журналу «Оджи», добавила, что хотя она замуж и не спешит, на какие-то жертвы пойти все же придется: так, она ре-

шила окончательно отказаться от карьеры эстрадной певицы, несмотря на определенные успехи на этом поприще.

Стефания уверяет, что все члены семьи Гримальди к предстоящему событию в ее жизни поначалу отнеслись вполне терпимо. Однако в последний момент возникло некое облачко, омрачившее общее на-

строение. Выяснилось, что в феврале этого года Даниель Дюкрюе уже стал отцом очаровательного ребенка, родившегося в результате его связи с 32-летней секретаршей и переводчицей экспортно-импортного бюро. Ежедневник «Дженте» даже опубликовал фотографию счастливого отца с ребенком на руках у выхода из родильного дома.

После публикации в «Оджи» последовало неуверенное опровержение официального представителя Ренье, но журнал заявил, что располагает документальными данными и что дом Гримальди имеет обыкновение на первых порах всегда опровергать нежелательные сведения.

«Интерес к русскому языку и России зародился у меня еще в студенческие годы», — напишет, когда-нибудь в своих мемуа-

рах 23-летний **Элиот Мюллер**.

В январе 1991 года Элиот приехал в Москву по программе Центра инновации и развития ИННОТЭК, предоставившего ему возможность пожить полгода в гостеприимной русской семье. Деньги на дорогу и пансион пришлось зарабатывать испытанным способом — официантством. Просить у родителей не в его правилах.

Поначалу Элиот не очень уютно чувствовал себя в стране изучаемого языка. Потом, немного освоившись, нашел достойное применение своим университетским знаниям — подготовил и стал проводить семинары для наших хозяйственников и банкиров по организации бизнеса, банковскому делу. Надо сказать, что не все наши боссы почтили за честь учиться у вчерашнего студента, пусть и выпускника знаменитого Стэнфорда. Однако совместное советско-американское предприятие ЮНИМАС поверило в его компетентность и пригласило провести семинар для руководителей Агропромбанка Украины и Московского сберегательного банка...

Если все будет, как задумал Элиот, он поработает в Москве лет пять и уедет в Америку, но деловые связи с Россией сохранит навсегда.

«Компромат» на президента

Президент Международного олимпийского комитета 72-летний **Хуан Антонио Самаранч** в прошлом был франкистом. К такому выводу пришли журналисты британской телекомпании «Гранада», снявшие документальный фильм «Мир в действии», посвященный «теневым» сторонам олимпийского движения.

Блестящая карьера нынешнего президента МОК началась при Франко. Тогда Самаранч стал преуспевающим бизнесменом — владельцем нескольких компаний, а затем, перейдя на административную работу, последовательно занимал посты председателя испанской федерации хоккея, члена испанского национального олимпийского комитета, президента этого комитета, члена муниципального совета Барселоны, посла Испании в СССР и Монголии.

В руки британских журналистов попали архивные фото- и кинодокументы, где Самаранч предстает в голубой рубашке фалангистов присягающим на верность лично генералу Франко. Кроме того, имеются свидетельства, что в официальной корреспонденции Самаранч наряду с личной подписью любил делать приписку: «Приветствую вас поднятой рукой». Приветствие поднятой правой рукой было, как известно, традиционным фашистским «салютом».

Трудно сказать, насколько справедливы обвинения в «особых симпатиях» Самаранча к фалангистам. Было ли это данью карьере, как говорят его защитники? Как бы то ни было, документы, обнародованные накануне Олимпиады в Барселоне, родном городе Самаранча, не прибавят ему хорошего настроения.

Зрители не любят роботов на корте

Уимблдон внушает уважение, чемпионат Австралии забавляет, первенство США сводит с ума — и только «Ролан Гаррос», чемпионат Франции, «очаровывает»

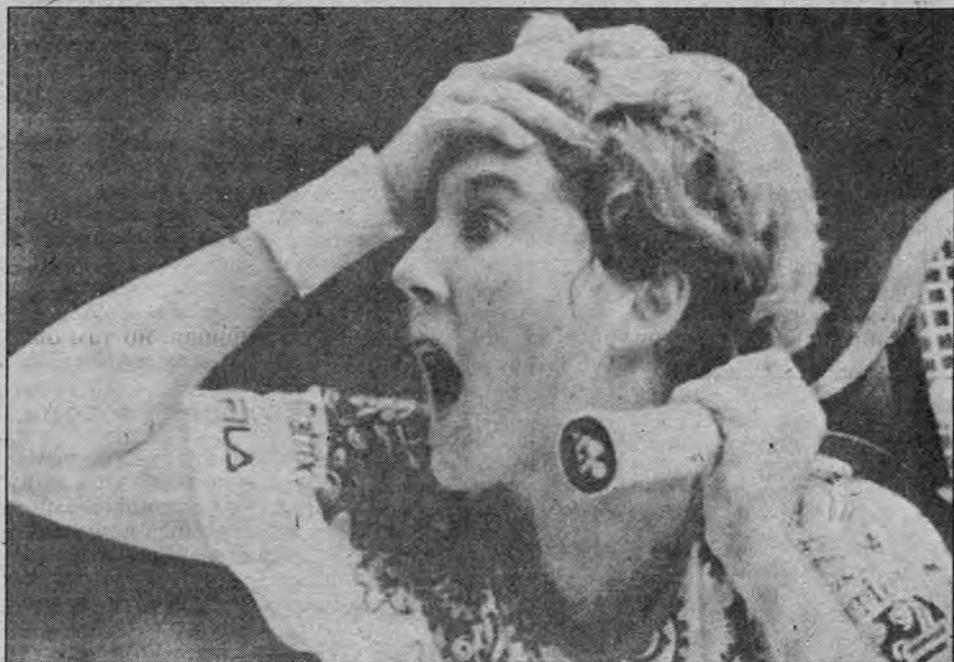
Наталья Быканова

Все на «Ролан Гарросе» — от фиалок, украшающих интерьеры стадиона, до пикантных мини-юбок женской половины судейского легиона — кружит голову. Кстати, рефери здесь отбирают гораздо придирчивее, чем где бы то ни было. Французы очень неохотно берут иностранных судей, особенно англоговорящих, на которых здесь аллергия. И не дай бог у кандидата американский акцент! Французы уверены в абсолютной неспособности янки к языкам.

Поэтому, когда американец Джим Курье, первая ракетка мира и будущий победитель чемпионата Франции, обронил на корте фразу по-французски, это не осталось незамеченным. «Ничего особенного нет в том, что я знаю по-французски «спасибо», «полотенце» и «пожалуйста», — прокомментировал свою эрудицию Курье. Вполне возможно, вдохновителем такого внимания американца к французскому стала его подруга Морган Фрюнвиртц, выпускница Сорбонны. С этой ореховоглазой девушкой Джим познакомился на прошлогоднем «Ролан Гарросе». С тех пор они делят дом в Палм Дезерт, Калифорния.

Джим Курье — не только теннисист, но и неплохой гитарист. Причем не единственный среди своих коллег. Играют на гитаре и американец Джон Макинрой, и швед Матс Виландер. Последний, правда, потерпел на этом поприще полное фиаско. Бывшая первая ракетка мира выпустил в прошлом году альбом, признанный худшим за всю историю шведской эстрады.

Самым голосистым из тенниси-

Непробиваемая Моника Селеш в Париже вновь стала первой

стов признан француз Яник Ноа, чемпион Франции-83. Среди его поклонниц — первая ракетка мира и чемпионка нынешнего «Ролан Гарроса» Моника Селеш. «Я влюблена в его музыку», — призналась Селеш, посмотрев музыкальную передачу, где солировал Ноа, показанную во время чемпионата Франции по телевидению. Под впечатлением услышанного Моника поспешила в парижский магазин покупать его последнюю запись.

Бородач «Биг Мак» еще щекочет нервы

Вообще хождение по магазинам — вторая после игры в теннис страсть Селеш. Она помешана на нарядах. «Да, я люблю заглядывать в магазины», — призналась чемпионка. — Не могу же я сидеть целыми днями в гостиничном номере, наблюдая по ТВ, как играют другие. Только нервы портить».

В Париже Моника удивила всех своим внешним видом: для съемок в спонсорском видеоклипе она изменила цвет волос и из блондинки стала шатенкой (такой она предстает на всех детских фотографиях). Новый стиль позволяет ей прогуливаться по Парижу практически незамеченной.

Два теннисиста-американца тоже меняли внешность: трехкратный чемпион Уимблдона Джон Макинрой и победитель мирового чемпионата-90 Андре Агасси предстали перед публикой с бородами. Два сурпермена с устойчивой репутацией самых скандальных теннисистов

мира объединились для участия в парном разряде. Но дальше второго круга дуэт не прошел.

В Париже Макинрой официально заявил, что это — последний год в его профессиональной карьере. 33-летний американец займется воспитанием детей, которых у него трое.

«Когда Джон и я уйдем на пенсию, — грустно заметил другой великий ветеран, 39-летний Джимми Коннорс, побеждавший на всех турнирах «Большого шлема», кроме чемпионата Франции, — теннисный мир станет гораздо менее забавным». В этих словах много правды, которую понимают организаторы турниров. Не случайно под первый же матч Макинрою был отведен центральный корт, в то время как лучшему теннисисту мира Джиму Курье, игра которого не слишком зрелищна, достался лишь первый корт.

Соединение в одном «Биг Маке» (прозвище Макинроя) теннисного гения и теннисного хулигана щекочет нервы. Публика жаждет зрелищ и получает их. На «Ролан Гарросе» жертвой американца стал фотограф, который, не дожидаясь перерыва в игре, стал перезаряжать пленку и отвлек Джона. Джон «высказался» по этому поводу и был оштрафован на 7,5 тысячи долларов.

Редкий талант, но...

Джон и Джимми «вылетели» в первых же кругах, но Коннорс успел портить нервы прошлогоднему уимблдонскому чемпиону Михаэлю Штиху. Немец упрекнул американца в том, что тот ведет себя на корте как клоун, чтобы отвлечь внимание соперника. На это Кон-

норс заметил: «Я здесь не для того, чтобы его ублажать. А если Штих позволяет себе реагировать во время матча на такие пустяки, значит, ему не место среди профессионалов». И, ухмыльнувшись, добавил: «Некоторые мальчики воспринимают все слишком серьезно». Тем не менее в Париже Джимми проиграл Михаэлю.

Очень серьезен был Иван Лендл, трижды побеждавший во Франции. Несмотря на 32-летний возраст и полосу неудач в турнирах, чех всерьез думает, что способен выиграть еще один турнир «Большого шлема». На

тере. «Он редкий талант, но полный идиот», — отозвался о Леконте менеджер Бориса Беккера Ион Цириак, пытавшийся некоторое время перетащить Анри с пятого места в мировой классификации хотя бы на второе.

Его выходки так же непредсказуемы, как удары по мячу. Француз стал фатальным соперником Андрея Чеснокова. «Леконт — мой кошмарный сон, — говорил Андрей, ни разу не выигравший у Анри. — Он играет вопреки всякой логике». Со своей нелогичной игрой Леконт ворвался в полуфинал, но там был остановлен чехом Петером Кордой.

Пасынок выходит в короли

Первая ракетка мира Джим Курье — пример прямо противоположный. Единственное, что ставилось ему в заслугу, — это огромная природная физическая мощь и стабильность. В теннисной академии Ника Боллеттери, где Джим делил комнату с одногодкой Андре Агасси, он был пасынком, рабочей лошадкой.

На чемпионате Франции-89, играя с Агасси в третьем круге, Джим заметил, что их общий тренер сидит рядом с братом своего соперника. Тренер хлопал и подбадривал Агасси: «Я понял, что он не хочет моей победы, — вспомнил Джим. — Это причинило мне боль».

Когда Курье в начале 1990 года покинул теннисную академию Боллеттери, он был игроком, полагавшимся почти исключительно на свою мощь. Его новый тренер Хосе Игеирас вложил мысль в игру своего ученика. И тот за два года обогнал всех конкурентов — Агасси в том числе. Никто не мог остановить Курье и в Париже.

Успел нашуметь в Париже и Андрей Черкасов победой над второй ракеткой мира шведом Стефаном Эдбергом. Выход в восьмерку — большой успех уфимца. Андрей, в отличие от Джима, на сегодняшний день не имеет не только хорошего тренера, но и просто тренера. В Париж он приехал с папой, который, кроме моральной поддержки, ничего предложить не может. К сожалению, психологический настрой без должной технической и тактической подготовки не в состоянии довести до главных матчей.

Беккер в роли рыцаря

На этом турнире разгорелись страсти по поводу того, с какого возраста девочкам разрешать играть среди профессионалов. Сейчас возрастной ценз — 14 лет, но трехкратный чемпион Уимблдона Борис Беккер высказался за то, чтобы поднять его до шестнадцати — дабы избежать раннего «сгорания» теннисисток. Ему заочно оппонировала

Штеффи Граф: «Девочки, которые становятся в 14 лет профессионалами, готовы к этому. Ведь они выигрывают все юношеские турниры».

Штеффи дошла на «Ролан Гарросе» до финала, попутно обыграв в упорном трехсетовом четвертьфинале Наталью Звереву, которая вновь готова штурмовать теннисный Олимп после затянувшегося свободного падения с пятого номера на тридцатый.

В решающем матче Штеффи ждала Моника Селеш. Это была игра равновеликих звезд. Отыграв в общей сложности пять матчей, Штеффи имела шансы на победу. Но... Стадион болел за Граф и на награждении, едва сдерживая слезы, она сказала: «Нигде и никогда у меня не было такой публики». Немка не избалована вниманием поклонников. Особенно это было заметно в финале прошлогоднего Уимблдона, который она выиграла. Весь стадион страстно желал победы ее сопернице красавице Габриэле Сабатини.

Теперь же с приходом непробиваемой Селеш и участвовавшими поражениями Граф у нее больше шансов завоевать поддержку трибун. Любят не роботов, каким Штеффи была еще пару лет назад, а живых людей с их ошибками и взлетами. Не последнюю роль в том, что Штеффи стала более привлекательной как человек, сыграла ее первая любовь к немецкому теннисисту Александру Мронцу.

Ее земляк Борис Беккер, напротив, был любим с самого начала, с тех пор, как 17-летним выиграл свой первый Уимблдон. Беккер единственный из мировой элиты пропустил чемпионат Франции. Он объясняет это травмами спины. Но, надо полагать, временный уход Бориса в тень ему на руку. Последнее время пресса, особенно немецкая, с особым ожесточением подоскакала его имя. Из-за его новой подруги — темнокожей мулатки... Беккер ведет себя как рыцарь и даже согласен играть меньше турниров, только бы больше времени проводить с любимой. Сплетничают, что настоящая причина невыступления Беккера в Париже — беременность его пассии.

Но турнир удался и в отсутствие Бориса. Предсказать победителя никто не решался вплоть до полуфинальных матчей. Как никто не прогнозировал прекрасное выступление на нем теннисистов СНГ. Наталья Зверева и Андрей Черкасов дошли до четвертьфиналов одиночного разряда, Наталья же в паре с Джиджи Фернандес первенствовала в парном разряде. Андрей Ольховский в паре с австралийцем Дэвидом Адамсом дошел до финала парного мужского турнира. Что нам готовит грядущий Уимблдон?

Фото из газеты «Франкфуртер альгемайне» (Германия) и журнала «Пари-матч» (Франция)

Говорят, из-за своей темнокожей Барбары Борис Беккер не приехал в Париж

«Ролан Гарросе» Иван расвирипел, почувствовав, что журналисты другого мнения. «Если вы найдете того, кто ставит 20:1 против меня, покажите мне его!» Великий чемпион, к несчастью, лишен чувства юмора и так же заблуждается насчет собственного остроумия, как и насчет своей сегодняшней игры.

28-летний Анри Леконт переживал в Париже бурный ренессанс, хотя до этого подумывал пропустить турнир из-за старой травмы спины (всего он перенес пять операций). Выход в финал чемпионата Франции-88 был высшим достижением его карьеры. Необычайно одаренный, чувствующий мяч буквально кожей, он так и не смог полностью реализовать свой потенциал. Причина не только и не столько в травмах, сколько в харак-

Лицензия на отстрел на большой дороге

Я не Чаплин и не Тото, чтобы комично обыграть трагедию. Есть моменты, когда фельетонист — комик журналистской группы — не в состоянии даже ухмыльнуться...

Я, собственно, о ГАИ. А может, и не о ГАИ, а шире — о безысходности бесконечно маленького автомобилиста перед бесконечно растущими проблемами.

Новый указ о новых штрафах по всем дорожным делам ошеломляет не размерами штрафов — до 5000 рублей. Вернее, не только ими. Он просто бьет наповал тем своим реброром, где объективность инспектора — единственное мерило моей автомобильной вины.

Как я могу полагаться на объективность инспектора, по уши сидящего в тех же проблемах, что и я?

Как при оценке на фигурном катании, я сразу отбрасываю крайности. Я снимаю с трассы жлоба и хапугу, а также кристально честного инспектора с синдромом киногероя. Кристально честные личности единичны даже среди академиков, и наше общество коротит их век как только может.

Итак, в схеме остаются нормальные, ординарной порядочности люди, вооруженные пистолетом Макарова и правом трактовать все мои автомобильные проступки, делать умозрительные выводы — пьян я

или просто измотан?.. Машина у меня грязная или краска такая? СО₂ у меня плохое или его прибор так настроен?.. Я же вчера отдал 30 рублей на Садово-Кудринской и мне сказали, что все «о кэй»!! Клянусь мамой!

Скажет мне инспектор объективно, что тогда, дескать, другое дело? Или субъективно пошлет меня к маме?

Ведь, получая власть над ближним, меняются даже не ординарные люди, а и с более высоких моральных этажей. А тут еще власть, напрямую связанная с деньгами. Кто удержится, чтобы не спуститься за ними с ординарного этажа в цокольный?..

В какой-то анекдотобразной байке описывалась такая игра: круглый стол, в центре дырка, в которую продеты шнуры, привязанные к первопричинным местам сидящих вокруг стола джентльменов. Каждый выбирает шнур и тащит, наращивая натяжение и не зная, кого он терзает, может быть, сам себя?.. Заоравший выбывает из игры.

Вот так и у нас. Получив шнур, или жезл, и печать, все вслепую тянут, думая выиграть в этой ситуации. И все орут, и всем больно, и никто не выигрывает, и одна пато-

логическая радость, что, может быть, соседу больнее.

Что мы будем иметь в результате этой игры на большой дороге? Капиталовложения в дорожные покрытия? Развитую сеть бензоколонок? Исправные светофоры? Скорую техническую помощь?..

Я боюсь ошибиться, сказав, что не будем иметь ничего. Поэтому я говорю, что не будем иметь ни хрена!..

Потому что действие равно противодействию, да здравствуют законы физики! Владельцы автомашин будут просто хуже работать. Прозабать — так с музыкой! И если кто полагает, что их мало, он глубоко ошибается. И их больше с каждым днем на столько десятков тысяч, сколько машин штампуют ГАЗ, ВАЗ, ЗАЗ, АЗЛК и прочие, минус то, что уходит за рубеж и бьется на наших замечательных дорогах без возможности восстановить.

Ординарная малолитражка уже не предмет номенклатуры или престижа, эти места вытеснили «мерседесы» и «тоёты». А «Москвич», «Таврия», «Жигули» — наши отечественные фольксвагены — они уже почти, уже вот-вот в ряду привычного комфорта холодильников «Саратов» и телевизоров «Рубин».

То есть крайне безысходную дорожную ситуацию получило сразу огромное число работающих и производящих людей, для которых и так уж стал бессмысленным «ударный труд». А лицензия на их «отстрел» на большой автомобильной дороге — это дополнительный рынок за тот самый шнур, который еще неизвестно, к кому привязан.

Юрий Соколов

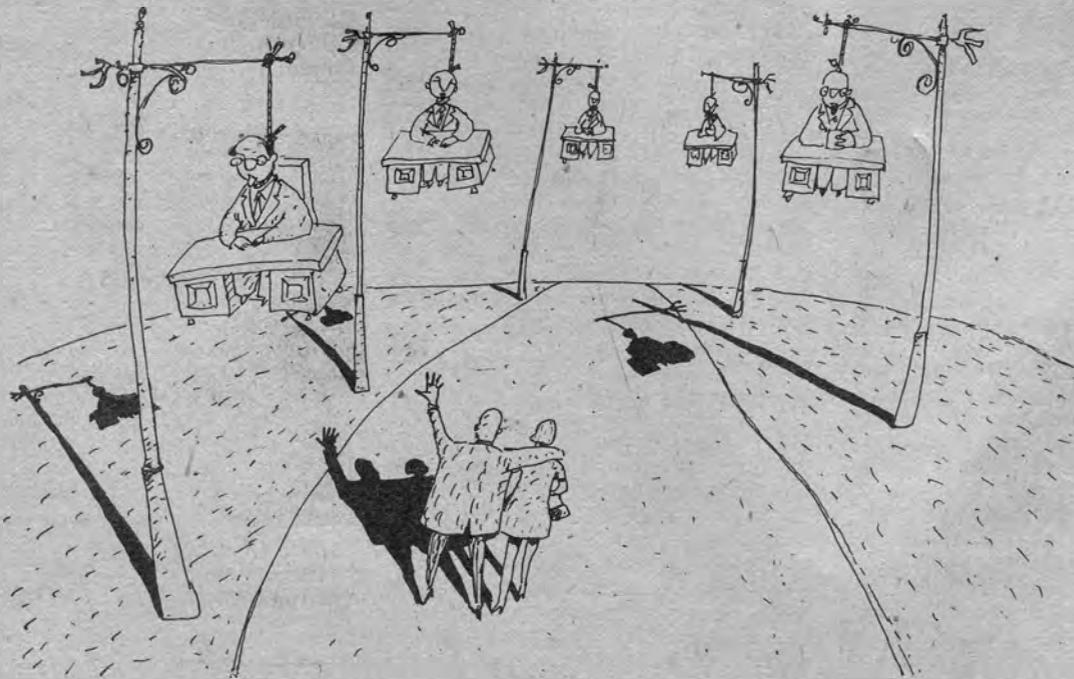

Рисунок
В. Буркина

**Берем крепости, города, офисы, конторы.
Проходим сквозь стены и любые завалы.**

*Для наших
клиентов нет преграды,
если их реклама в журнале
«Моя Москва».*

☎ 299-66-75 отдел рекламы

150 ТОНН НА «РУСЛАНЕ»

Акционерное общество «Волга-Днепр» – коммерческая транспортная авиакомпания для осуществления международных и внутрисоюзных перевозок грузов самолетами АН-124 «Руслан» грузоподъемностью до 150 тонн.

Акционерное общество «Волга-Днепр» создало совместно с авиакомпанией «Хевилифт Карго Эрлайнз», входящей в международный многоотраслевой конгломерат «Трафальгар Хауз», британо-советское предприятие «Хевилифт-Волга-Днепр» с регистрацией и базированием в Лондоне.

Адрес: Россия, 432062, г. Ульяновск-62, ул. Карбышева, 14,
АО «Волга-Днепр»; контактные телефоны: (8-842-2)
20-26-71; 20-14-97; 20-34-64.
Факс (8-842-2) 20-49-97
Телекс 21-41-58 VOLDN SU